

МАЙКЛ
ГРАНТ

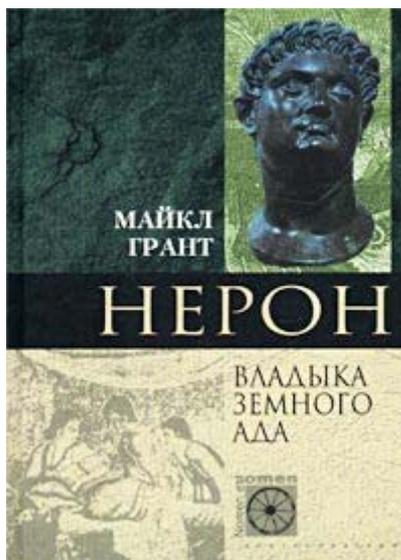

НЕРОН

ВЛАДЫКА
ЗЕМНОГО
АДА

Майкл Грант Нерон. Владыка Земного Ада

«Грант М. Нерон. Владыка земного ада»: Центрполиграф; М.; 2002
ISBN 5-227-01895-2
Оригинал: Michael Grant, “Nero. Emperor in Revolt”, 1970
Перевод: О. Д. Сидорова

Аннотация

Майкл Грант предлагает оригинальную версию жизни Нерона, сотканную из взаимоисключающих противоречий. Грант использует не только свидетельства великих историков древности, но и достижения современной научной мысли. В книге воссозданы реалии политики, экономики и роскошного быта имперского Рима.

Майкл ГРАНТ НЕРОН. ВЛАДЫКА ЗЕМНОГО АДА

Введение

Нерон был рожден от родителей-убийц и воспитан в атмосфере убийств. И он тоже был убийцей, но только когда бывал испуган, хотя, к несчастью, напугать его было нетрудно. Однако, если это и было правление террора, то его нельзя сравнивать с современными государственными режимами, поскольку оно затрагивало лишь малую часть населения. Но оно включало и ужас матереубийства, хотя мать Нерона вполне могла желать его смерти и, возможно, даже замышляла ее. Приводящий в ужас поступок Нерона является любопытным контрастом его несомненной нелюбви к казням, гладиаторским кровавым побоищам и войнам.

Его неприязнь к войне проявила себя в разумной внешней политике, кульминацией которой было взаимовыгодное перемирие с Парфией. Плохое управление способствовало возникновению двух восстаний – в Израиле и в Британии. Но в целом обширная империя управлялась хорошо – почти так же хорошо, как при предыдущих правителях, а иногда и лучше. Повседневную работу административного аппарата осуществляли

вольнотпущенники, занимавшие посты министров при Нероне, греки или эллинизовавшиеся выходцы с Востока. Но они работали в русле политики, проводимой императорским советом, кругом избранных друзей Нерона и под его личным руководством.

Однако в продолжение своего правления Нерон уделял все меньше и меньше внимания проблемам империи. Правда, время от времени он с радостью готов был зрелищно запечатлеть правительственные успехи. Но это был певец, актер, поэт, спортсмен, возничий и знаток искусств, в которых он действительно хотел всех превзойти. Едва ли найдется в мировой истории монарх, который столь щедро расточал бы свои усилия на достижение личных артистических успехов. Это в конце концов создало удивительную ситуацию: Нерон, правитель восточного мира, фактически превратился в профессионала сцены.

Его сексуальная жизнь даже по римским стандартам того времени была чрезвычайно развращенной и непостоянной (если мы в состоянии поверить хотя бы частице того, что сообщается в исторических хрониках). По-видимому, подтверждались худшие подозрения консервативного римского высшего класса о дурных последствиях влияния на Нерона греческой культуры. Патриции, похоже, больше тревожились о том, чтобы разврат не проник в их ряды. Со стороны римского рабочего люда, в свою очередь, положению императора ничто не грозило. Народ иногда сетовал, но это вошло у него в привычку. Однако в целом, несмотря на периоды недовольства, люди считали Нерона своим благодетелем, поскольку он обычно старался следить за тем, чтобы бесплатная раздача еды и развлечений проводились без задержек.

Не проявляя достаточного интереса к военным действиям, Нерон, разумеется, рисковал своей репутацией, ни разу не показавшись легионам на границах. Однако они почти все сохранили лояльность к нему. Конец этому настал, когда его личное войско в самом Риме – преторианская охрана – обратилось против него: это было, однако, не по ее собственной инициативе, а из-за того, что один из двух главнокомандующих изменил, в то время как другой не предпринял активных действий. Оба не соответствовали своей должности, поскольку их назначение было сделано по личным соображениям, в отличие от большинства назначений на высокие посты во время правления Нерона, которые были надежны, безыскусны и неплохи.

Но это лишь в малой степени характеризует жизнь Нерона, которая была столь экстраординарна, что даже самые причудливые сообщения о том, что он делал и что говорил, не кажутся неправдоподобными. Греки любили его, потому что он, единственный из императоров, был склонен к занятиям философией и любил эллинизм во всех его проявлениях; Восток восхищался им за его хитроумное замирение с Парфией и за его претенциозный стиль жизни, а христиане считали его антихристом, потому что он сделал их козлами отпущения за Великий римский пожар. По всем этим различным причинам, сразу же после смерти Нерона, родилось множество легенд (см. приложение 1).

Эта книга – попытка рассказать историю его жизни. Свидетельства часто затруднительны и сомнительны, и я полагаю, что стоит совершить еще одну попытку, поскольку и эта может быть неадекватной. С одной стороны, необходимо принимать во внимание важные современные исследования по различным аспектам предмета. Некоторые из этих исследований относятся к древним авторам, писавшим о Нероне. Это, несомненно, богохульство говорить так, но одна из главных причин, почему материал столь мучителен, состоит в том, что основное повествование исходит от одного из величайших историков из всех когда-либо живших – Тацита, который оставил собственный веский – слишком веский – след на событиях. И Светоний также, хотя он и самый занимательный из всех биографов, иногда мешает в такой же степени, как и помогает. Кроме того, они оба писали более чем полстолетия спустя после смерти Нерона. Третий историк, чьи хроники дошли до нас (в сокращенной форме), Дион Кассий, жил спустя сто лет после описываемых им событий. К счастью, однако, имеются и другие источники – древние записи неисторического характера, надписи и монеты (см. приложение 2).

Глава 1. НЕРОН ВОСХОДИТ НА ТРОН

В Риме в полдень 13 октября 54 года двери императорского дворца распахнулись настежь и на пороге появился юный Нерон. Его сопровождал Бурр, командир преторианской гвардии, отвечавшей за безопасность императоров; другие высшие офицеры тоже присутствовали, как и ведущие греческие вольноотпущенники – бывшие рабы, исполнявшие обязанности имперских министров. Клавдий умер прошлой ночью, но провозглашение императором его приемного сына Нерона было отложено до тех пор, пока астрологи не сочли возможным объявить, что наступил благоприятный момент. Жена Клавдия и мать Нерона, Агриппина, имела привычку советоваться с астрологами и, несомненно, в этом случае выжидала, пока Бурр не приведет в исполнение задуманное. И вот юноша стоит на ступенях дворца, а толпа, собранная по этому поводу, поздравляет его с восхождением на престол.

Затем его препроводили в лагерь преторианцев, которые должны были надлежащим образом выразить свою поддержку – без чего ни один император не мог продержаться на троне и дня. Преторианцы, по обычаю, хранили верность императорскому дому и к тому моменту были подготовлены Бурром, который в течение трех лет своей службы неутомимо трудился на благо интересов Агриппины и ее сына. Вот почему теперь Нерон обращается с краткой приветственной речью к страже, обещая им щедрые дары, – обычай, установленный его отцом, и было понятно, что они получают месячную норму зерна бесплатно.

Юный император производил не вполне приятное впечатление. По утверждению Плиния Старшего, он был близорук и смотрел на мир прищуренными, полуприкрытыми глазами.

Светоний, написавший биографии известных людей, полные пикантных подробностей, описывает его внешность следующим образом:

«Росту он был приблизительно среднего, тело – в пятнах и с дурным запахом, волосы рыжеватые, лицо скорее красивое, чем приятное, глаза серые и слегка близорукие, шея толстая, живот выпирающий, ноги очень тонкие»¹

(Светоний. Нерон, 51).

Однако большое его преимущество состояло в том, что отец его матери (его дед) был доблестным Германиком (19 г.), никогда не занимавшим императорского трона, но завоевавшим беспримерную народную любовь. Огромным благом было и то, что прапрадедом Нерону доводился Август, почти легендарный основатель имперского режима, умерший и обожествленный Римским государством за сорок лет до этого. Его заслуги перед государством были удивительны и уникальны. Когда он ввел единоличное правление над всеми территориями, победив Антония и Клеопатру (31-30 гг. до н. э.), то восстановил мир на всей территории империи, которая на протяжении десятилетий сотрясалась беспорядками и повторяющимися гражданскими войнами. Умным, терпеливым, не лишенным воображения правлением, не без элементов жестокости, он положил конец всему этому, а когда умер, оставил империю в мире, где ей ничто не грозило, и в целом хорошо управляемую. Ее население составляло несколько сотен миллионов человек, точнее мы не можем сказать. Ведь ее площадь была обширной, да и сам Август к тому же добавил к ней Египет и другие страны. Уже при поздней республике римский мир занимал почти всю область Средиземноморья, а затем внучатый дядя Августа и его отчим, диктатор Юлий

¹ Здесь и далее цит. по кн.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1991. 512 с.

Цезарь, превратил ее в империю континентальной Европы, завоевав весь центр и север Франции и расширив ее границы до Рейна.

Именно в одной из Рейнских крепостей и родилась мать Нерона Агриппина в 15 году. Ее родиной был немецкий городок, римское военное поселение, названное позднее в ее честь колонией Агриппины (Кельн). К тому времени, когда ее сын взошел на трон, она пережила уже три достопамятных и ужасных правления – Тиберия (14-37 гг.), Калигулы (Гая) (37-41 гг.) и Клавдия (41-54 гг.). Несмотря на отклонения от выбранного курса каждого последующего правителя – от чего, по словам древних историков, она ничего не потеряла, – империя в целом управлялась довольно эффективно. Но жизнь императорского окружения была рискованной. Еще девочкой Агриппина была свидетельницей и сама пережила страшные события.

Мать Нерона

Когда Агриппине было четырнадцать лет, ее мать, от которой она унаследовала имя, была арестована преемником Августа Тиберием и сослана на остров, где ее избил какой-то офицер, отчего она ослепла на один глаз. Несмотря на принудительное кормление, она намеренно умерила себя голодом; однако незадолго до этого двоих ее сыновей, юных братьев Агриппины, постигла также жестокая и ужасная участь. Один, обвиненный в гомосексуальной связи и отправленный на другой остров, покончил жизнь самоубийством после того, как палач показал ему аркан, которым он будет удушен, и палки с крючьями для того, чтобы сбросить его тело в Тибр. Его брат, заключенный в дворцовую подземную тюрьму, унизился до того, что был вынужден есть набивку своего матраса перед тем, как его тоже лишили жизни. Эти события не могли пройти бесследно для их сестры.

За год до ареста матери, в возрасте тринадцати лет, Агриппина была помолвлена с отцом Нерона Гнеем Домицием Агенобарбом, внучатым племянником Августа. Имя этого великого семейства означало «бронзовая борода», и первые поколения Агенобарбов

слышали поговорку, что нет ничего удивительного в том, что бороды у них бронзовые, ведь их лица из железа, а сердца – из свинца. Но они зачастую были ловкими и хитрыми на грани жестокости, а отец Гнея был назначен душеприказчиком Августа, хотя император не смог убедить его отказаться от практики, которая даже по стандартам того времени казалась бесчеловечной – убивать каждого побежденного бойца после гладиаторского боя.

Сам Гней, по словам одного из чиновников Тиберия, был выдающимся молодым человеком, но о нем ходили постоянные отягощенные подробностями неприятные слухи. Поговаривали, что он был более чем ненадежен с финансовой точки зрения и что его уволили из свиты одного придворного по той причине, что он убил вольноотпущенника за то, что тот отказался с ним выпить. Гней Агенобарб к тому же выколол какому-то человеку глаз на Форуме за высказывание, которое пришлось ему не по нраву, а однажды, когда ехал по Аппиевой дороге в своей колеснице, намеренно направил ее на мальчика и задавил его насмерть. В конце правления Тиберия (37 г.) он впал в немилость – против него были выдвинуты обвинения в государственной измене, прелюбодеянии и кровосмешении. Но он выжил, потому что старый император умер и его место занял Калигула, оставшийся в живых брат Агриппины. И тогда жена Гнея 15 декабря 37 года родила в Анции единственного ребенка этого брака². Это и был Нерон, хотя его еще так не называли. Он был рожден под именем Луция Домиция Агенобарба. Его отец Гней, услышав о его рождении, сказал в шутку, что плод его союза с Агриппиной просто обречен быть бедствием для человечества. Гней умер от водянки три года спустя.

Тем временем Агриппина и две ее сестры получали рискованную, по-видимому, сексуальную благосклонность от своего брата-императора, обладавшего диким нравом. Он воздал почести всем троим, связав их имена со своим в клятвах и обетах, и они были изображены на монетах стоящими в ряд с атрибутами богинь. Но это сомнительное благоденствие внезапно закончилось в 39 году, когда Агриппину вместе с любовником обвинили в заговоре против Калигулы в Могонтиаке (Майнц). Она была отправлена в ссылку, хотя незадолго до этого ее заставили привезти прах своего казненного любовника назад в Рим, в жалкой пародии на историческое странствие, которое благочестиво предприняла ее мать с прахом великого Германика.

Это произошло за год до смерти отца Нерона. Он оставил своему трехлетнему сыну одну треть своих владений, но Калигула, будучи сонаследником, отобрал долю мальчика и прибавил ее к своим двум третям. Оставшегося в стесненных денежных обстоятельствах, без отца и матери, пребывавшей в ссылке, младенца Нерона взяла к себе в дом сестра отца Домиция Лепида. Там он прожил в довольно убогих условиях около шестнадцати месяцев под присмотром танцовщика и цирюльника. Когда Калигула умер в 41 году, а его дядя Клавдий стал императором, Агриппина была отозвана из ссылки, а Нерону возвращено его наследство. Его мать снова вышла замуж, ее мужем стал богатый, подобострастный, хитрый, утонченный оратор по имени Крисп Пассивна, который благополучно и быстро скончался где-то в году 44-м – возможно, с подозрительной поспешностью, поскольку его состояние перешло в руки его вдовы. Однако в то время жизнь была очень трудной для неординарных женщин из-за ревности мстительной молодой жены Клавдия Мессалины. Но Агриппине каким-то образом удалось выжить, хотя позднее ходили разговоры, что Мессалина пыталась покончить с Нероном, когда тот еще лежал в колыбели. Если так, то попытка не увенчалась успехом, а к мальчику приставили охранника самого высокого ранга – бывшего консула Аскония Лабейона. К тому же к нему приставили двух наставников-греков – Аникета и Берилла³.

В 47 году, когда Нерону исполнилось девять лет, он в первый раз публично выступил в

² Некоторые историки считают годом его рождения 35-й, 36-й или даже 39-й.

³ По словам Иосифа Флавия – не честный человек.

упражнениях в военном искусстве и получил рукоплескания, причитающиеся ему как потомку славного рода.

Самоубийство Мессалины

В 48 году произошел великий переворот, когда Мессалина была вынуждена покончить жизнь самоубийством. Тацит относит это к разгульным пирам, которые она давала со своим любовником Гаем Силием, пока император находился в отъезде, но, по всей вероятности, она участвовала в заговоре, стремясь посадить Силия на трон. Клавдий задумал жениться вновь и из многочисленных кандидаток решил остановить свой выбор на Агриппине. Ее рекомендовал грек Паллант, занимавший пост министра финансов, убеждавший императора объединить две ветви семейства Августа – поскольку опасно допустить, чтобы женщина, которая носит такое великое имя, смогла воспользоваться шансом выйти замуж в другую семью.

Клавдий был сильно подвержен женскому влиянию, и тридцатичетырехлетняя Агриппина быстро стала гораздо более влиятельной, чем какая-либо другая жена императора до этого. Императорский пост теоретически был личным, а не наследственным или династическим, – по закону этот пост не могла занимать женщина. Над Мессалиной зло подшучивали, как над женщиной, которая фактически узурпировала эту должность, а теперь Агриппина очень вкрадчиво обратила презрительную насмешку в реальность. Вскоре она была удостоена имени «Августа». Все императоры называли себя «Августами», но даже почитаемая жена Августа Ливия не была удостоена имени «Августа» до тех пор, пока не умер ее муж; и было нечто поразительно новое в том, что серебряные и золотые монеты теперь носили имя и изображение Клавдия вместе с именем и изображением Агриппины. Ни одна жена правителя при жизни никогда прежде не удостоивалась таких почестей. Народ долго помнил, как она выглядела во главе пышной процессии в плаще из золотой материи.

Эта женщина с отвратительным прошлым была алчна до власти и богатства. Ее изображения на монетах дают не слишком точное представление о ее внешности, хотя мы можем подозревать, что некоторые бюсты того периода точнее передают ее черты. Одно нам

известно – ее гордыня и амбициозность прикрывались серьезной, холодной и приличной манерой поведения. Это была маскировка, необходимая для того, чтобы достичь своей цели, состоявшей в завоевании трона для своего сына Нерона. Вся беда была в том, что Клавдий уже имел собственного сына, Британика, рожденного от брака с Мессалиной. Британик был почти на четыре года моложе Нерона, но по происхождению он был ближе к трону, а к тому же был сыном императора. Агриппина, следовательно, должна была приложить все свои усилия, чтобы склонить чашу весов в пользу его сводного брата.

Для этого ей нужны были союзники. Ей помогали из страха те, кто способствовал низложению ее предшественницы Мессалины. Но ее главным союзником был Сенека, которому в то время было около пятидесяти четырех лет. Сенека был одним из самых экстраординарных людей своего времени. Его родители происходили из чрезвычайно консервативного знатного семейства выходцев из Италии, поселившегося на юге Испании, в Кордубе (Кордова). Его отец был выдающимся ритором, а юный Сенека быстро стал самой видной фигурой своего времени – публичным оратором, философом-стоиком и эссеистом, драматургом, сочинителем эпиграмм. Джон Обрей однажды заметил, что Сенека пишет урывками. Но Сенека был безмерно моден среди молодежи, которая обожала его риторические фейерверки и резкую, беспокойную, отточенную манерность, которая сделала его стиль воплощением латинского серебряного века. Пристрастившись в юности к оккультным наукам, Сенека страдал от тяжелых неврозов (частично из-за слабого здоровья), таких хронических, что ему часто приходила в голову мысль о самоубийстве. В правление Калигулы, который назвал его стиль чистым песком без извести, Сенека стал ведущим оратором в Сенате, и очень жаль, что ни одна из его блестящих речей не сохранилась до наших дней.

Но его внимание к сестре этого императора навлекло на него неприятности в начале следующего правления, когда юная Мессалина, приревновав, приговорила его к смерти. Однако в действительности он был сослан на Корсику. Сенека всей душой ненавидел ссылку и остров и писал домой письма, полные унижительной лести о Мессалине и министре Клавдия Полибе. Но когда Агриппина вышла замуж за императора, то организовала отзыв Сенеки из ссылки, обеспечила ему назначение на высокую должность претора и возложила на него обязанности учителя и воспитателя Нерона. Она отдавала себе отчет, что Сенека был надежной инвестицией. У него имелись причины быть благодарным, а если он окажется слишком амбициозным, его будущее находилось в ее руках.

Нерон, по всей видимости, получил относительно нормальное образование, как и подобает представителю римской аристократии. Вне всяких сомнений, Сенека обучал его лично, а также руководил всей программой обучения. Что касается обучения греческому, к мальчику был приставлен блестящий наставник, Хайремон, возглавлявший Александрийский мусейон. Он также был профессором грамматики в этом городе и в дальнейшем занимал пост священного летописца, будучи экспертом по египетским религиозным древностям, о которых писал эзотерические труды. Хайремон был последователем стоической школы, основанной Зеноном (приблизительно 300 г. до н. э.), который, как никто другой, сделал серьезный вклад в этическое содержание философии, и сам Сенека значительно расширил учение стоиков. Но у Нерона был еще один учитель – грек, Александр из Эги в Македонии, который отдавал предпочтение перипатетической философии Аристотеля (датируемой 322 г. до н. э.), теперь возрожденной как школа метафизики и логики. Ходили слухи, что Агриппина, придерживаясь римских традиций, пыталась внести поправки в предложенную философом Сенекой программу обучения ее сына.

Очень скоро после своего возвышения Агриппина значительно продвинулась на пути реализации своих честолюбивых замыслов, поскольку убедила Клавдия позволить его дочери Октавии обручиться с Нероном. Они не поженятся еще четыре-пять лет, но помолвка – дело важное. Октавия была не только дочерью императора, но и праправнучкой сестры Августа Октавии, то есть имела родство с императорским домом по обеим линиям, о чем

свидетельствовало ее имя. Во время помолвки ей было около девяти лет. Август разрешил девочкам официальную помолвку с десяти лет, а замужество с двенадцати, но неизвестно, бывали ли подобные случаи в то время. Конечно же Октавия была обручена в первый раз, когда ей исполнился год. Этим первым женихом был приближенный родством к императору аристократ Луций Силан Торкват, но Агриппина, уже перед своей свадьбой с Клавдием, выдвинула против него обвинение в кровосмесительной связи, и в день ее бракосочетания с Клавдием он перерезал себе горло.

В следующем, 50 году, 25 февраля, юный Нерон был официально усыновлен Клавдием. Министр императора Паллант, который порекомендовал Агриппину Клавдию, также стоял за этим шагом, потому что именно он напомнил императору, что существует прекрасный прецедент усыновления, ведь сам Август усыновил Тиберия. Тиберий сменил своего отчима на троне, и, вне всякого сомнения, тут был намек на Нерона. И с тех пор мальчика стали звать Нероном – одной из классических фамилий дома Клавдия. Однако сначала, очень короткое время, он именовался Тиберием Клавдием Нероном, потом Нероном Клавдием Цезарем Друзом Германиком. Его настоящее имя – Луций Домиций Агенобарб – было забыто, и Нерон и его мать обижались, когда юный Британик называл его забытым именем – либо по неосмотрительности, либо из намеренного мальчишеского желания бросить вызов.

Положение девятилетнего Британика становилось все более тяжелым. Он до сих пор внешне получал почести, воздаваемые ему как сыну императора. Но его учителей предали смерти. А поскольку Нерон был старше, то официально имел превосходство над Британиком. Имя Нерона обнаружено перед именем его сводного брата на надписях, а официальные монеты Рима стали изображать и прославлять Нерона. В провинциях, где правители городов ставили свое будущее в зависимость от выбора, изображение какого из юных принцев поместить на свои монеты, большинство местных монетных дворов предпочитало Нерона, как это делает монетных дел мастер одного из вассальных царей, правителя Понта в Малой Азии. Однако до конца жизни Клавдия наместник Иудеи продолжает изображать на своих монетах их обоих вместе, чтобы обезопасить себя, небольшие города в Малой Азии, облеченные властью выпускать свои собственные монеты, делали то же самое.

На Данувии некий провинциальный чиновник, вероятно наместник Мезии (Болгария), отчеканил большую медную монету (сестерций) с латинской надписью в честь Нерона, но, очевидно, и он тоже добавил другую монету в честь Британика.

Эти монеты в основном были выпущены после того, как карьера Нерона резко пошла вверх, что произошло очень быстро. Он был официально объявлен совершеннолетним 5 марта 51 года, когда ему еще не исполнилось и четырнадцати лет, что считалось самым юным возрастом. Ему также было разрешено маршировать, неся щит, во главе преторианской гвардии на параде. От его имени солдатам раздавались денежные дары, различные знаки отличия тоже присуждались от его имени, включая должность консула и проконсула за пределами Рима, а также членство во всех четырех великих коллегиях жрецов.

Нерон благодарил Сенат за это излияние почестей в своей первой публичной речи. Ораторское искусство традиционно входило в программу обучения юных римских аристократов, в чем учитель Нерона Сенека преуспел – хотя его обвиняли в том, что он направлял своего ученика на изучение современного ораторского искусства (своих собственных выступлений) вместо исторических, классических прецедентов. Во всяком случае, в 53 году Нерон получил возможность выступить с речью на латыни в поддержку обращения жителей Бононии (Болонья), пострадавших от пожара, и он также произнес речь на греческом в поддержку подобного обращения из Апамеи (Сирия), города, разрушенного землетрясением, и снова в поддержку освобождения от налогов, затребованных Родесом и Илионом (Троя). Всегда считалось полезным для делающих карьеру молодых людей получить поддержку в провинциях таким способом, и речь в поддержку Илиона была особенно к месту, поскольку семейство Юлия Цезаря, в которое был принят предок Нерона Август, прослеживало свое происхождение от легендарной Трои.

Когда Клавдий отправился к Альбанской горе, чтобы отметить ежегодные дни латинских празднеств, то официально оставил Нерона присматривать за Римом в качестве «префекта» (51 г.). В обязанности префекта входили и судебные разбирательства, но император оставил распоряжение, чтобы мальчик участвовал в рассмотрении лишь простых и незначительных дел. Но его приказ проигнорировали, и ведущие ораторы с рвением боролись друг с другом, чтобы предстать перед наследником престола.

Император Клавдий

Клавдий, которому было уже за шестьдесят, представлял собой любопытное сочетание административной мудрости и личной абсурдности, здравомыслящего либерализма и подозрительной жестокости. Не очень сообразительный и чувственный, он слишком сильно поддавался влиянию Агриппины и греческих министров, которые были с ней заодно. Агриппина была патологически нервна и наносила злобные удары вокруг себя, чтобы предотвратить реальные и воображаемые угрозы отравления ее и Нерона.

Расследования государственных измен, которые уже достигли достаточного, хотя и контролируемого размаха, при правлении Августа и Тиберия были возрождены, а доносчики процветали. За время своего правления Клавдий казнил по крайней мере тридцать сенаторов и несколько сотен аристократов. Мессалина вдохновила множество подобных казней, но довольно значительная часть относится к его последним пяти годам правления, когда Агриппина была его женой и почти соправительницей империи.

Довольно многие разбирательства возникали не без участия предательских уловок астрологии и магии, в которые верило подавляющее большинство населения, включая большую часть образованных людей. Одной из жертв к концу правления Клавдия стала тетка Нерона по отцу Домиция Лепида (мать Мессалины), которая взяла его в свой дом, когда ему было три года. Женщина почти столь же грозная, сколь и Агриппина, она вызывала ненависть у императрицы своим царским происхождением. Еще большее негодование вызывало ее влияние на Нерона, отношение к которому было более снисходительным, чем у его матери. Итак, Домиция Лепида была обвинена в колдовстве, угрожающем жизни Агриппины, – обвинение, которое уже предъявлялось некоторым другим соперницам жены императора. Во всяком случае, было добавлено, что Лепида попустительствовала нарушению общественного порядка ее калабрийскими рабами – довольно эмоциональное обвинение в обществе, запуганном рабами и помнящим древние бунты. Судебное разбирательство проводил Клавдий, как глава семейства. Один из самых влиятельных греческих министров, Нарцисс (кто в борьбе по поводу новой женитьбы Клавдия поддерживал одну из соперниц Агриппины), сделал все, что было в его силах, для Лепиды. Несмотря на это, она была приговорена к смерти, а Нарцисс был вынужден удалиться в ссылку. Под влиянием своей матери семнадцатилетний Нерон давал публичные свидетельские показания против собственной тетки.

Смерть Клавдия

И все равно Агриппина чувствовала, что ее положение ненадежно. Когда Тацит говорит, что она была напугана провидцами и предзнаменованиями – рождением полулюдей-полуживотных и свиньи с ястребиными когтями, – он, возможно, прав. Однако более веским был тот факт, что всего ее влияния не хватало для того, чтобы обрести верховную власть. Сенату действительно достало смелости выдворить из своих рядов зловещего доносчика и обвинителя, бывшего одним из ее любимых агентов. Хуже всего, император был совершенно непредсказуем, он верил в неожиданные наветы и был способен на страшные поступки. Агриппина решила, что она больше не может ждать, когда Нерон взойдет на трон, нечто ужасное может случиться с любым из них в любое время. И поэтому, судя по Тациту, она отыскала осужденную пленницу Локусту и заставила дегустатора

императора подать то, что приготовила эта женщина.

«Вскоре, – говорит историк, – все стало настолько явным, что писатели того времени подробно рассказали о происшедшем: яд был примешан к изысканному грибному блюду; что Клавдий отравлен, распознали не сразу из-за его беспечности или, может быть, опьянения; к тому же приступ поноса доставил ему видимое облегчение. Пораженная страхом Агриппина, опасаясь для себя самого худшего и не обращая внимания на неприязнь присутствующих, обращается к ранее предусмотренной помощи врача Ксенофонта. И тот как бы затем, чтобы вызвать рвоту, ввел в горло Клавдия смазанное быстродействующим ядом перо, хорошо зная, что хотя затевающий величайшие преступления подвергается опасности, но зато преуспевший в них щедро награждается.

Между тем созывались сенаторы; консулы и жрецы провозглашали торжественные обеты, молясь об исцелении принцепса, тогда как его, уже бездыханного, обкладывали припарками и покрывалами с намерением скрыть его смерть»⁴ (Тацит. *Анналы*, XII, 67-68).

Этот рассказ Тацита выглядит так, словно историк искусно совместил детали по крайней мере двух противоречивых отчетов. Светоний, который смешивает в одно целое гораздо более вопиющие истории, не упоминает шокирующего предположения о том, что Стертиний Ксенофонт с острова Кос, главный лекарь Рима, приложил к этому руку. По некоторым версиям, в этом был замешан и Нерон. Но в любом случае на этой стадии его карьеры именно Агриппина взяла на себя инициативу во всем. Однако очевидно, что по поводу ее причастности к смерти Клавдия не было единодушного мнения.

Возможно, император мог умереть и естественной смертью, но в противоположное все поверили очень быстро. Сатирик Ювенал, следовательно, имел основание полстолетия спустя писать о грибах Агриппины:

Право же, менее вредным был гриб Агриппины, который Сердце прижал одному старику лишь и дал опуститься Дряхлой его голове, покидавшей землю для неба, Дал опуститься рту со стекавшей длинной слюною. Зелье такое взывает к огню и железу и мучит, Зелье терзает сенаторов кровь и всадников жилы: Вот чего стоит отродье кобылы да женщина-ведьма!⁵

(Ювенал. Сатиры, 6)

И на следующий после этого события день, в час, вычисленный астрологами, Нерон появился у входа во дворец и был провозглашен императором Рима.

Глава 2. ВЛАСТНАЯ МАТЬ НЕРОНА

Участвовал ли Нерон в убийстве Клавдия или нет, он позднее пошутил об этом, назвав грибы пищей богов. Суть этого замечания состояла в том, что Клавдий, вкусив грибов, сразу же был обожествлен. Это странное учреждение официальной процедуры обожествления в Риме восходит к прошлому столетию, ко времени Юлия Цезаря, который после своей смерти был провозглашен политическими наследниками и Сенатом богом – *Divus Julius*, и в его честь был построен храм. Ни он и никакой другой из цезарей, которые сменили его, ни разу не были при жизни провозглашены богами в Риме. Хотя и существовали поддерживаемые государством культы живых императоров в провинциях, метрополия Рима никогда

⁴ Здесь и далее цит. по кн.: Корнелий Тацит. *Сочинения* в 2-х тт. Т. 1. *Анналы*. Малые произведения. Л.: Наука, 1970.

⁵ Ювенал. *Сатиры*. Здесь и далее цит. по кн.: Римская сатира. М.: Худ. лит., 1989. 543 с.

официально не принимала греческого обычая прижизненного почитания правителей божествами. Но в столице, как и повсюду, концепция посмертного обожествления вошла в практику.

Прежние императоры, чье правление заслуживало одобрения, удостоивались этой чести. Первый из них, Август, был обожествлен после смерти, но сменившие его Тиберий и Калигула не были провозглашены богами. Клавдий, несмотря на то что был повинен в многочисленных убийствах представителей высшего класса, правителем был очень даже неплохим, тем не менее определенно было странным, что теперь он должен быть обожествлен. В конце концов, решение относительно его обожествления в основном лежало на плечах его жены, которая, по всей видимости, и отравила его. По иронии судьбы именно она теперь стала жрицей Божественного Клавдия, и именно она отдавала приказы о строительстве его храма на римском Целийском холме (см.: Светоний. Божественный Веспасиан, 9, 1).

Довольно впечатляющие серии монет были отчеканены с портретами нового бога, с надписью

DIVUS CLAUDIUS AUGUSTUS (то есть Божественный Клавдий Август), а в день его похорон Нерон произнес речь, элегантно составленную для него Сенекой, в которой возносил хвалу покойному императору.

«...но когда он перешел к предусмотрительности и мудрости Клавдия, – сообщает Тацит, – никто не мог побороть усмешку» (Тацит. Анналы, XIII, 3, 2).

И вряд ли людей можно было осуждать за высказывание неодобрения, поскольку Клавдий многих их коллег приговорил к смерти.

Тацит также замечает, что самые ранние дни нового правления всегда были тревожным временем.

За высказываниями и даже за выражениями лиц ревностно и тщательно следили. Но одно было ко всеобщему удивлению ясно: Агриппина обладала величайшей властью в государстве. Когда командир стражи сделал обычный запрос о пароле, Нерон ответил: «Лучшая из матерей». Как бы то ни было, Агриппина побила все рекорды: была не только дочерью великого полководца, но и сестрой одного императора, женой другого, а теперь еще и матерью третьего.

Восточные монеты изображают Агриппину богиней и матерью бога, и даже официальные монеты Римского государства, которые обычно были более консервативны по своей композиции, теперь открыто провозглашают, в первый и последний раз, что эта женщина, мать императора, обладала большей властью, чем сам император. Люди по всей империи поговаривали более чем откровенно, что настоящей правительницей страны является Агриппина. Ведь эти золотые и серебряные монеты, которые, судя по их надписям, можно отнести к периоду 4-31 декабря 54 года, изображали на одной стороне Агриппину и Нерона с обращенными друг к другу профилями, а на другой стороне демонстрировали имена и титулы Агриппины, а еще одна монета была с изображением Нерона. Но Агриппине посвящен аверс этих монет, кроме изображений, а Нерону – менее знаменательная сторона – реверс. Более того, надписи, относящиеся к Агриппине, сформулированы в именительном падеже, как следовало делать в отношении монархов, а Нерону – в посвятительном дательном падеже. То есть было объявлено, что монеты лишь посвящены Нерону, в то время как принадлежат они Агриппине ⁶.

Сила за тронем

Тогда неудивительно, что в первый период правления Нерона именно Агриппина управляла всеми делами империи. Всеми считалось, что она осуществляет контроль над

⁶ Они с Нероном владели некоторой собственностью совместно, к примеру в Греции, на Коринфе.

Нероном посредством кровосмесительных отношений. Это было тяжкое обвинение, но это также являлось и повсеместной практикой, и в этом случае слух, по всей вероятности, не расходился с действительностью, особенно если учесть, что и сам Нерон говорил о том же, а вдобавок выражал особую привязанность к девушке, которая была очень похожа на его мать. То, что Агриппина оказалась на вершине власти, не ослабило ее бдительности против каждого возможного соперника. Список убитых представителей римской аристократии становился все длиннее. Одной из ее первых жертв, по слухам, без доведения до сведения императора и без его одобрения, стал Марк Силан, брат того самого Силана, который расстался с жизнью из-за своей помолвки с девушкой, на которой впоследствии женился Нерон – Октавией. Будучи достаточно невинным (его называли «золотой овечкой»), Силан, как и Нерон, был правнуком Августа – из-за этого равенства в родстве он и понес неизбежную расплату. Подобная участь не миновала и всех остальных знатных членов его семейства, как в будущем, так и в прошлом. Эта участь ожидала всех, кто имел столь же опасные связи или нечто похожее. К тому времени, когда правление Нерона достигло двенадцатилетнего срока, он остался единственным выжившим потомком Августа. Тацит перечисляет судьбы всех остальных с мельчайшими и отвратительнейшими подробностями и возмущением. Но сентиментальные рассказы были побочным продуктом имперской системы. На этом этапе истории империи режим никогда не чувствовал себя в безопасности, пока живы были другие потомки Августа, – особенно потому, что сам Нерон не был чистых императорских кровей. Вот почему остальные члены семейства Силан были высланы ⁷

или подвергнуты жестокой смерти в 64-м и 65 годах, а другие, связанные с семейством императора родственными связями посредством брака, Фаустус Сулла и Рубеллий Плавт, были высланы в 58-м и 60 годах и оба убиты в 62 году. Насколько нам известно, не сочли необходимым даже выдвинуть против них какое-либо обвинение. Какие бы слои населения ни находили правление Нерона удовлетворительным (а таких было немало), эти представители аристократии с примесью крови цезарей в своих венах не были в их числе. И конечно, никто из них не пережил его.

Вседозволяющий Рим

Сам же Нерон вскоре начал получать огромное удовольствие от своего положения императора. Прежде всего оно давало ему неограниченные возможности удовлетворять свои высокоразвитые и довольно разнообразные сексуальные вкусы. Его собственные взгляды, дошедшие до нас по этому предмету, имеют важное значение.

«От некоторых я слышал, – сообщает Светоний, – будто он твердо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чем-нибудь чистого и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки; поэтому тем, кто признавался ему в разврате, он прощал и остальные грехи» (Светоний. Нерон, 29).

Такой вседозволяющий подход был модным в сообразительных римских кругах, и было модным смотреть на всех лишенным иллюзий взглядом. Это было чрезвычайно заметно по фривольной прозе и стихам современного романа «Сатирикон», написанного другом Нерона Петронием. Он также явно виден и в некоторых восхитительных скульптурах того времени. В Помпеях, например, Цецилий Юкундус показан лукавым и вульгарным, лопухим, в морщинах и бородавках. В том же духе греческий поэт Луцилий, получавший соответствующие субсидии от Нерона, развивал новые идеи, придавая своим эпиграммам финальный кульминационный пункт, касающиеся личных особенностей людей, что позднее было введено в латынь Марциалом.

Зубы и кудри себе, бесстыдница, ты покупаешь, Но у кого же ты глаз, Лелия,

⁷ Дец. Силан, Л. Силан, Юлия Силана высланы в 55 году.

купишь себе?

(Ювенал. Сатиры, кн. XII, 23)

Иль никогда благородной девы приметой
Зуб не бывает кривой, иль родинка,
иль бородавка? ⁸

(Луцилий. Сатиры, кн. XVII, 3)

Что же касается Петрония, то он останавливал особо пристальное внимание на сексуальной, жизни людей. Как и Нерон, он считал, что людьми движет сексуальное влечение и если кто-то говорит, что не получает от секса удовольствия, то он говорит чепуху.

Кто же не знает любви и не знает восторгов Венеры?
Кто воспретит согреть в теплой постели тела? ⁹

(Петроний. Сатирикон, 132)

Петроний придумал невероятное количество извращенных вариантов сексуальной активности. Его можно идентифицировать с человеком по имени Тит Петроний Нигер, который добился консульства спустя восемь лет после восшествия Нерона на престол и оставил о себе память в надписях, обнаруженных в 1946 году.

Петроний становится одним из самых близких друзей Нерона, и «Сатирикон», опубликованный после 60 года, задавал тон обществу времен Нерона. Это блестящий, многогранный труд, но основной его темой было многостороннее исследование сексуальности. Книга пародирует традиционные темы гнева богов, и одним из главных персонажей является бог плодородия Приап, которого ваятели всегда изображали с полной эрекцией. Критики со склонностью к психоанализу считали Петрония первым писателем, который был убежденным вуайеристом. Когда, в конце концов, он впал в немилость и был вынужден покончить жизнь самоубийством, он послал Нерону подробный отчет обо всех особого рода сексуальных похождениях, в которых он, император, принимал участие, и привел имена всех его партнеров.

Интимная жизнь Нерона

Это наверняка будет особенное чтение, поскольку, судя по всему, вкусы Нерона в этом отношении были очень изощренными. Верно, что обвинения в сексуальных извращениях были в то время обычным содержанием сплетен, и они особенно прежде всего касались императорского двора, который был привлекательной загадкой для внешнего мира. Более того, скандалы такого рода фокусировались вокруг юного императора, поскольку очень скоро всем стало ясно, что он не проявляет интереса к своей жене Октавии, которой исполнилось всего четырнадцать лет, когда он взшел на трон. Тем не менее рассказы о сексуальном поведении Нерона были столь настойчивы, что наверняка в них есть доля правды. Его привязанности были также на удивление разнообразны. Он якобы ложился в кровать не со своей женой, а со своей матерью, и с мальчиками моложе себя, и с более зрелыми мужчинами; и к тому же не только с рабами, что было несколько менее унижительно, но и со свободнорожденными гражданами. Говорили, что он также участвовал в брачной церемонии с одним из своих греков-министров, имя которого было то ли Дорифор, то ли Пифагор, – возможно, путаница происходит оттого, что существовал виночерпий с

⁸ Цит по кн.: Римская сатира.

⁹ Цит. по кн.: Петроний Арбитр. Апулей. М.: Правда, 1991.

одним из этих имен. Тацит мрачно замечает по поводу транссексуальных аспектов этого дела: «...на императоре было огненно-красное брачное покрывало, присутствовали присланные женихом распорядители; тут можно было увидеть приданое, брачное ложе, свадебные факелы, наконец, все, что прикрывает ночная тьма в любовных утехх с женщиной» (Тацит. *Анналы*, XV, 37, 9).

Светоний добавляет, что в эту первую брачную ночь он «кричал и вопил как насилуемая девушка».

Светоний, несмотря на то что собрал довольно много ценного материала, ко всему прочему льет довольно много грязи. Но даже и она имеет свою психологическую важность: частично (при предположении, что тут есть доля правды) для нашей оценки Нерона и определенно для нашей оценки тех слухов, что исходили от императорского двора. Поэтому стоит добавить, что, согласно биографу, император относился к этим брачным отношениям так, как они того заслуживали, поскольку действовал в манере игры, которую сам придумал. В звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и подвергал их оральным поруганиям.

Любовная связь Нерона с Акте

Можно понять тогда, в то время как происходили все эти бесчинства, каким облегчением было для его главных советников, Сенеки и Бурра, командира преторианской стражи, когда у Нерона начался роман с юной девушкой. Они также должны были быть рады, что она была не из аристократического семейства, со всеми вытекающими отсюда осложнениями. Ведь его возлюбленная была вольноотпущенницей по имени Акте, которая изначально была куплена как рабыня в Малой Азии, а затем привезена в Рим, возможно, как одна из домашних служанок Октавии.

Нерон чрезвычайно увлекся Акте. Ходили слухи, что для нее даже придумали греческих предков царской крови, чтобы они могли пожениться, хотя подобный шаг в большинстве случаев должен был считаться невозможным. Ни одного портрета, который можно было бы отнести к Акте, не сохранилось до наших дней, и мы не знаем, как она выглядела. Однако ясно, что она не была умильной женошкой из романтической литературы, поскольку надписи говорят о том, что ей были дарованы виллы в ПUTEОЛАХ (Pozzuoli) и в ВЕЛИТРАХ (Velletri), а также гончарные мастерские на Сардинии, а ее домашняя обслуга состояла из двух слуг, посыльного, пекаря, евнуха и греческого певца.

Нерону помогали поддерживать связь с Акте его сообразительные молодые друзья. Один из них, Анней Серен, занимал пост дозорного командира стражи, или главы пожарной команды и полиции. Серен, родственник Сенеки, который посвятил ему некий заумный трактат, делал вид, что сам является любовником Акте, чтобы скрыть от мира, что происходит на самом деле. А несколько более интимный дружок императора, Отон, лет на пять старше его, угодливо предлагал свои услуги в качестве посредника. Отон имел большое влияние на юного Нерона.

По словам Рональда Сайма, любезный, изворотливый и развратный, он был избранным продуктом роскоши двора Нерона.

Когда впоследствии Отон сам стал императором на несколько месяцев (69 г.), то отчеканил монеты с аккуратными портретами с опрятной прической на голове, но говорят, что это был парик. Невысокий, с вывернутыми вовнутрь коленями.

Она резко поворачивалась от избыточной строгости по отношению к Нерону к экстравагантной услужливости, в конце концов даже предложила собственную спальню и постель для его любовных утех с Акте. Друзья Нерона отнеслись к этому равнодушно и подозрительно. И, вне всяких сомнений, достигло ушей заинтересованных лиц то, как вдовствующая императрица насмеялась над Бурром, командиром преторианской гвардии, называя его калекой, потому что у него была искалеченная рука, а также слышали, как она назвала Сенеку «ссылным с профессиональным голосом».

Эти основные советчики Нерона уже с самого начала имели случай нервничать по поводу таких ее методов. Они не могли счесть хорошим знаком то, что начало правления ознаменовалось политическим убийством – насильственной смертью Марка Силана. И им также не нравилось, что Агриппина, прячась за занавеской, обычно подслушивала выступления на заседаниях Сената. Был также случай, когда во время приема Нероном армянской делегации она вошла в зал, явно намереваясь взойти на императорский помост, чтобы занять место рядом с ним. При Клавдии Агриппина присутствовала на императорских приемах, но сидела на отдельном помосте. Ее намерение присоединиться к Нерону на его собственном помосте вызвало замешательство. Сенека быстро прошептал ему на ухо, чтобы он встал и подошел поприветствовать ее. Когда император поднялся и пошел вперед, собравшиеся расступились и скандал был предотвращен.

Судьба Британика

Но еще более вызывающим беспокойство было то, что Агриппина, от внимания которой подобное пренебрежительное отношение не могло ускользнуть, внезапно стала проявлять интерес к отверженному Нероном страдальцу – и, судя по некоторым сведениям, привлекательному внешне – тринадцатилетнему сводному брату Нерона Британику, чей престиж повысился после обожествления его отца и чьи притязания на императорскую корону могли считаться более обоснованными, чем притязания теперешнего императора. Нерон легко впадал в панику, и в данный момент он был именно в таком состоянии. Тацит описывает случай, который удручил его еще больше.

Во время празднования Сатурналий (декабрь 54 года) молодые люди бросали жребий, кому быть «королем» пирушки, и жребий пал на Нерона. «Король» должен был отдавать разнообразные приказания, выполнение которых не вызывало никаких затруднений. Но... «он повелел Британику подняться со своего места и, выйдя на середину, затянуть по своему выбору песню, рассчитывая, что мальчик, не привыкший даже к трезвому обществу, не говоря уже о хмельном сборище, смешается и будет всеми поднят на смех, – но тот твердым голосом начал песнь¹⁰, полную иносказательных жалоб на то, что его лишили родительского наследства и верховной власти. Эти сетования Британика возбудили к нему сочувствие, тем более откровенное, что поздний ночной час и праздничное веселье освободили присутствующих от необходимости утаивать свои чувства. И Нерон, поняв, что к нему относятся неприязненно, еще сильнее возненавидел Британика» (Тацит. *Анналы*, XIII, 15, 2-4).

Как свидетельствует Тацит, это помогло склонить императора к его первому убийству. Историк прежде отмечал, что услугами отравительницы, нанятой Агриппиной для убийства Клавдия, некоей Локусты, осужденной за многие преступления, давно пользовались при императорском дворе; и теперь где-то в начале 55 года он сообщает, что и сам Нерон заручился ее профессиональной помощью. Первые попытки отравить Британика, однако, оказались неудачными, а попытка покушения на его жизнь его учителями также не имела успеха. И тогда Локуста и офицер, под надзором которого она содержалась, объединили усилия и состряпали новую смесь, вполне подходящую для того, чтобы ею можно было воспользоваться во время обеда. Британика посадили с несколькими его сверстниками за отдельный от Нерона стол.

«Еще безвредное, но недостаточно остуженное и уже отведавшее рабом питье передается Британику; отвергнутое им как чрезмерно горячее, оно разбавляется холодной водой с разведенным в ней ядом, который мгновенно проник во все его члены, так что у него разом пресеклись голос и дыхание. Сидевших вокруг него охватывает страх, и те, кто ни о чем не догадывался, в смятении разбегаются, тогда как более проникательные замирают,

¹⁰ Его песнь могла быть взята из «Андромахи» Энния.

словно пригвожденные к своему месту, и вперяют взоры в Нерона. А он, не изменив положения тела, все так же полулежа и как бы ни о чем не догадываясь, говорит, что это дело обычное, так как Британик с раннего детства подвержен падучей, и что понемногу к нему возвратится зрение и он придет в чувство. Но в чертах Агриппины мелькнул такой испуг и такое душевное потрясение, несмотря на ее старание справиться с ними, что было очевидно, что для нее, как и для сестры Британика Октавии, случившееся было неожиданностью... Итак, после недолгого молчания возобновилось застольное оживление.

Одна и та же ночь видела умерщвление и погребальный костер Британика... его погребли все-таки на Марсовом поле при столь бурном ливне, что народ увидел в нем проявление гнева богов...» (Тацит. *Анналы*, XIII, 16-17).

Действительно ли эта отвратительная история правдива? Очевидно, здесь была какая-то нечестная игра. Обморок Британика не выглядел естественным, что бы ни говорил Нерон, и спешка, с которой тело было кремировано, похоже, указывает на убийство. Более того, выжил один свидетель, который видел все собственными глазами, – следующий император Тит, друг Британика, который действительно возлежал рядом с ним за одним столом. Судя по сведениям Светония, Тит «...даже питье, от которого умер Британик, пригубил... и после долго мучился тяжелой болезнью» (Светоний. *Божественный Тит*, 2).

Во всяком случае, Светоний мог предположительно навести историков на мысль о том, что произошло.

Но очевидно, что ни он, ни кто-либо другой не могли знать наверняка, был ли убийцей сам Нерон. Почти каждый писатель заявляет, что был ¹¹. Но так ли это? Верно, что и Тиберий, и Калигула начинали свое правление, устраняя своих ближайших соперников в императорском доме, и что от Нерона ожидали того же. Но все-таки кажется необычным, что новый император, обладая всеми возможностями, необходимыми для того, чтобы убить мальчика, живущего в его собственном дворце, выбирает для этой цели столь многолюдное сборище. Или же это было со стороны Нерона чем-то вроде двойного блефа, основанного на высокомерной предпосылке, что публичный характер этой сцены заставит людей усомниться в том, что он виновен в преступлении столь явном? Это, возможно, довольно предусмотрительно. С другой стороны, если убийцами были люди, которые не имели личного доступа во дворец, то выбор такого случая был более чем вероятен. Убийство Томаса Бекета ¹² служит напоминанием о том, что, если самодержец впадает в гнев или боится кого-то, весьма вероятно, что один из его прихвостней наверняка убьет этого человека с намерением выковать дополнительную связь со своим повелителем. И подобное снова имело место уже в наши дни.

Участие в этом Сенеки и Бурра двусмысленно. Они могли аргументировать тем, что сосуществование двух сводных братьев создавало невыносимую ситуацию и что безопасность государства требовала устранения одного из них, в противном случае вполне может возникнуть гражданская война, и тогда пострадают миллионы ни в чем не повинных людей. Но нам не суждено узнать, кто же на самом деле был убийцей.

Однако одно ясно: Агриппине, которая раньше угрожала, теперь самой грозила смертельная опасность. Но она была слишком сильной личностью, чтобы позволить сместить себя, и если Британик больше не мог быть предметом ее симпатии, она решила вместо этого проявлять свою симпатию к его сестре, пренебрегаемой Нероном Октавии. Было похоже, что Агриппина искала поддержки рядом, имея в виду свои будущие действия. К тому же ходили слухи, что она пытается собрать как можно больше денег. И поэтому Нероном и его советниками были предприняты новые шаги. Агриппина была лишена своей

¹¹ Иосиф Флавий считает так, но Плутарх (*Гальба*, 17) не думает, что в убийстве Британика замешан Нерон.

¹² Архиепископ Кентерберийский, позднее канцлер Англии, противник политики Генриха II, убит по приказу короля.

военной стражи, включая отряд германских телохранителей, который недавно усилил ряды ее охраны. Затем ее выдворили из дворца в собственное поместье. «...Сам он ¹³ приходил туда не иначе как окруженный толпою центурионов, и всякий раз, наскоро поцеловав мать, тотчас же удалялся» (Тацит. Анналы, XIII, 18, 5).

Ее вынудили коротать время в своей усадьбе на Пинцианском холме или на своих виллах в Тускуле или в Анции. После 55 года ее портрет и имя никогда больше не появлялись на римских монетах. Агриппина продолжала вызывать подозрения Нерона, но ее активная роль закончилась. Возможность, что Римом может управлять императрица, растаяла, чтобы никогда больше не возникать.

Даже если она и приложила руку к убийству Клавдия, что кажется весьма вероятным, то ей был нужен его апофеоз, его обожествление, и ее роль в качестве жрицы нового бога была ступенькой к ее политическому положению. И так, с этих пор на монетах и в надписях оказывается гораздо меньше внимания памяти Клавдия. Ходили слухи, что Нерон не проявлял особого рвения относительно строительства храма нового бога (хотя это сомнительно, поскольку довольно большая часть каменной кладки сохранилась до сих пор). И просьба Нерона к Сенату о том, что следует воздвигнуть статую в память о нем самом, действительно позднее стала еще одним поступком отречения его от родства с Клавдием. Верно, Нерон был все еще официально женат на дочери Клавдия Октавии. Но, несмотря на все интересы и цели, которые преследовал этот брак, он подошел к концу, если когда-либо на деле и существовал, и с этого времени отчуждение между Нероном и его женой стало полным.

Жаждающие отмщения собрались вместе в надежде положить конец и Агриппине. В число их входила одна из теток Нерона, Домиция, которая прежде делила с Агриппиной мужа и доводилась сестрой Домиции Лепиды, которую мать Нерона ложно обвинила. Еще одной жаждущей ее крови, что неудивительно, стала представительница семейства Силана. Она доводилась сестрой мужчинам, которых преследования Агриппины довели до смерти, более того, ее возлюбленный охладил к ней, потому что Агриппина, притворившись ее подругой, рассказала ему, что его будущая супруга нимфоманка и занимается этим уже давно. Один из вольноотпущенников Домиции, танцовщик Домиций Парис, который состоял в интимных отношениях с Нероном, однажды вечером сообщил ему, что его мать замышляет против него заговор. Нерон, как можно предположить, пришел в ужас. Но этот донос, вероятно, не имел под собой оснований или пока не имел. Соответственно Бурр, который не забыл своей прежней связи с Агриппиной, проявил осторожность, поскольку и его положение на этот раз было под угрозой, и потребовал полного соблюдения юридической процедуры разбирательства, предупредив императора, что не слишком благоразумно будет осудить ее, предварительно не выслушав. Поэтому Агриппине позволили оправдаться, что она и сделала с большим тактом, и, за исключением Париса, который был достаточно близок к Нерону, чтобы избежать своей участи, последняя партия ее обвинителей была устранена.

Глава 3. НЕРОН И ЕГО СПОДВИЖНИКИ

Тем временем Нерон, горя желанием отдохнуть от государственных дел, получал удовольствие от посещений театра. Он также любил наблюдать – и одобрял – драки между уличными группировками, которые образовывали фракции почитателей того или другого танцовщика. Но ему пришлось отказаться от подобного развлечения, когда общественный порядок стал нарушаться столь грубо, что возникла необходимость издать эдикт, приказывающий танцовщикам покинуть Италию. Нерон также развил сомнительный вкус к вылазкам на улицы Рима, ему нравилось устраивать скандалы и шляться по питейным

¹³ Нерон

заведениям ночами, – привычка, которая быстро повлекла за собой появление толп преступников, которые также начали участвовать в подобных беспорядках. Намеренная мерзость ночных прогулок императора близка к описанным в «Сатириконе» Петрония. Ведь там также сильный акцент делается на подобного рода сомнительные странствия в наплевательском духе. Конечно, роман представляет собой низкую пародию на «Одиссею» или на рассказы путешественников, которые были широко представлены в греческих приключенческих романах.

Дион Кассий описывает, как Нерон бродил по городу ночами, переодетый и с накладными волосами, усами и бородой, избивая прохожих и совершая непристойности с женщинами и мальчиками.

Однажды был случай, когда некий проходящий мимо сенатор по имени Монтан, который, вероятно, одно лицо с поэтом того же имени, получил удар от императора и дал сдачи. Но он совершил ошибку, извинившись, что заставило Нерона подумать, что Монтан знал, кого он ударил. И сенатор был вынужден покончить жизнь самоубийством, – а впоследствии, когда император выходил на поиски своих ночных приключений, его всегда сопровождали стража и гладиаторы, готовые дать отпор любым жертвам, способным оказать сопротивление.

Влияние греков

Улицы, на которые выходили развратничать отрицательные герои Петрония, были улицами южных итальянских городков. Часто дело происходило в Греции. Плуты и простак, о которых он пишет, также были греками. Это было традицией – несколько веков назад комедиограф Плавт уже вывел несчетное число нелепых греков на сцену, чтобы показать распушенное поведение, но это не относилось к римлянам. Римляне или, по крайней мере, те, которые были образованны, заявляли, что чтят греческую культуру, но то злобное презрение, которое они чувствовали к современным творениям эллинов, еще будет сконцентрировано полстолетия спустя в сатирах Ювенала, который порицал хитрых раболепных греков в приверженном ко всему греческому Риме.

Однако было принято высмеивать греческих поклонников. Гораздо больше раздражало то, что греки и выходцы с Востока постепенно занимали важные посты в деловой сфере Рима. Пока их влияние было не столь велико, как могло быть, потому что многие богатые греки довольствовались приватной жизнью. Тем не менее оно было значительным. Петроний подробно рассказывает нам, как Трималхион устраивал махинации в торговле, пока не стал очень богат. И именно этот тип греков или говорящих по-гречески выходцев с Востока – состоятельных и удачливых – действительно приводил в ярость Ювенала.

Что за город стал приятнее всем богачам нашим римским: Я от него ж и бегу.
Перенести не могу я, квириты, греческий Рим!
Как не бежать мне от их багряниц?
Свою руку приложит Раньше меня и почетней, чем я, возляжет на ложе Тот,
кто в Рим завезен со сливами вместе и смоквой?

(Ювенал. Сатиры, 3)

Во времена Клавдия и Нерона греки еще не слишком широко проникли в официальные сферы римской общественной жизни; нам известен лишь один сенатор того времени, который, возможно, был греком, и двенадцать патрициев. Однако Нерон посылал греков или эллинизовавшихся выходцев с Востока в качестве губернаторов в чрезвычайно богатую провинцию Египет, которой управлял личный агент императора, а множество других были сконцентрированы на ключевых позициях при самом императорском дворе. Хотя они когда-то и были рабами, теперь они становились государственными секретарями или министрами –

не как члены кабинета, а как важные умы департаментов. И так, эти люди, хотя и чуждые по рождению и в большинстве случаев по воспитанию традиционной правящей римской аристократии, были почти самыми важными людьми в империи, вторыми по важности, уступая место лишь императорскому совету, состоящему из его самых верных сподвижников и друзей, контролирующему политику страны. Кроме членов этого совета, ни один сенатор не был столь влиятелен, как эти усердные греческие и восточные чиновники, и они имели собственные сети контактов по всему римскому миру, особенно в коммерческих, промышленных и кораблестроительных кругах.

Август собрал нескольких отличившихся умом греков вместе, чтобы они помогали ему, и так же стали поступать его преемники. Но только при гораздо более бюрократическом режиме Клавдия сам император, стареющий и все больше и больше не полагающийся на самого себя, но слишком мало знакомый с сенаторским обществом, чтобы обратиться к нему за помощью, позволил этим министрам обрести огромное могущество. В качестве литературного приема Тацит символически свел всех троих, наиболее могущественных, вместе, предположив, что они пришли на встречу с императором Клавдием в момент, когда он уже избавился от Мессалины и размышлял, на ком еще ему следует жениться.

Одним из этих троих, собравшихся дать совет Клавдию, был Нарцисс, который имел дело с губернаторами, военачальниками и императорскими агентами (прокураторами) в провинциях. Его называли министром писем, поскольку эти губернаторы и остальные были единственными людьми, которые имели право написать письмо императору. Имея дело с этой корреспонденцией, министр, хотя официально и не несший ответственности за принятие важных решений, имел значительный вес в делах стратегии и обороны. Это был во времена Нарцисса важный пост, и его личное состояние из 400 миллионов сестерциев (возможные современные эквиваленты см. в приложении 3) было самым большим за всю историю античного мира, если иметь в виду тех, кто не был правителем. Однако нельзя было ожидать, что он долго останется в живых после женитьбы Клавдия на Агриппине, потому что он пытался поддерживать одну из ее соперниц. Нарциссу в действительности удалось протянуть почти до смерти Клавдия, но в ссылке, а потом в тюрьме. Тацит и Дион Кассий сообщают, что он лишь ненадолго пережил Клавдия. Тацит говорит, что Агриппина приказала умертвить его в начале нового правления, Сенека – что он отправился в ад с перерезанным горлом и был уже там, когда туда попал Клавдий. Нерон, который с сожалением потерял Нарцисса, очевидно, разделил его обязанности на две части – на работу с латинской и с греческой корреспонденцией. До нас дошли сведения, что главой его греческого департамента стал Берилл, его бывший учитель, и, очевидно, продажный. Но мы также узнаем, что он был вынужден обращаться к Нерону за утверждением своего решения. Министры не были целиком и полностью независимыми; и в частности, эти поделенные на две части обязанности секретаря по обработке корреспонденции больше не были столь важными, как некоторые другие посты.

Другой секретарь, который обрел власть при Клавдии, занимал пост министра финансов и отчетности, в чьих руках была сконцентрирована не финансовая политика или сбор налогов, а управление отчетностью в империи и распоряжение ее таможенными сборами, и этот пост оставался в руках одного чиновника на протяжении всего правления Нерона. На встрече, посвященной следующему браку Клавдия, Паллант, занимавший этот пост тогда, поддерживал победительницу, потому что именно он подталкивал на притязания мать Нерона. Насколько сильно его боялись и сколь сильно ему льстили, становится ясно, когда Сенат, при посредничестве одного из своих высоких патрициев, оказывал ему почести, включая фиктивное заявление о том, что он происходит из царской семьи в Аркадии. По этому случаю Паллант принял знаки отличия претора (сенаторский чин, уступающий лишь консулу), но отклонил дар в пятнадцать миллионов сестерциев, о чем упоминает в своих письмах Плиний Младший, что он легко мог себе позволить, так как уже владел обширными поместьями на Эсквилинском холме. Но когда Агриппина утратила свое могущество в 55 году, Паллант был вынужден удалиться в ссылку. Он был еще достаточно впечатляющей

фигурой, способной получить подтверждение, что его отчеты следует считать точными; и когда покидал дворец, его окружала толпа клиентов. Однако он вскоре лишился множества потенциальных возможностей, будучи обвиненным в заговоре против Нерона – в компании с некоторыми из своих вольноотпущенников. Но обвинение не могло быть правдой, и Паллант не стал убедительно протестовать, поскольку никогда не снисходил до того, чтобы вымолвить хоть одно слово своим домочадцам – по его утверждению, он давал распоряжения кивком или взмахом руки, а при крайней необходимости писал краткую записку.

Вероятно, Палланта сменил некий Фаон, который спокойно оставался на своем посту до самой смерти Нерона. Греческие и римские источники до того момента, когда Фаон на некоторое время появлялся в какой-нибудь мелодраматической сцене, ничего не сообщают нам ни о нем самом, ни о его работе. Спокойное управление обширной ; финансовой машиной несравнимо с известием о смерти какого-нибудь сенатора голубых кровей.

Третьим государственным секретарем, который присутствовал на сборище по поводу женитьбы, был Каллист. Он занимал пост министра по приему прошений, отвечающего за взаимоотношения Рима с городами и поселениями во всей империи, а отвечать за связи было менее ответственным, чем за письма, которые руководители различных частей империи обязаны были посылать императору. И этот министр имел второй департамент, который контролировал назначения и продвижение по служебной лестнице большого числа чиновников. Каллист, преемник Полибия, которому льстил Сенека, находясь в ссылке, оказался общительным человеком, и он тоже был очень богат. Сенека заметил, что однажды видел человека, который был владельцем Каллиста, когда тот был рабом, но этот бывший владелец стоял и ждал у дверей своего бывшего раба. «Я видел, как хозяин стоял у порога Каллиста, и, когда другие входили, он, когда-то повесивший на Каллиста объявление, выводивший его на продажу среди негодных рабов, не был допущен. Раб, выброшенный в первую десятку, на которой глашатай пробует голос, отблагодарил хозяина сполна, отказав ему и не сочтя его достойным войти в дом. Хозяин продал Каллиста; но Каллист хозяина продал куда больше» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию, XLVII, 9) ¹⁴. Но Каллист не хотел, чтобы Агриппина стала женой Клавдия, потому что у него имелась собственная кандидатура, а поскольку его кандидатура уступала Агриппине, маловероятно, что он выжил при правлении нового императора. Его преемником при правлении Нерона стал Дорифор, с которым Нерон спал и которого одаривал огромными поместьями и фермами; однажды он даже подарил ему десять миллионов сестерциев, чтобы досадить своей матери. В министерстве одним из отвечавших за связь и просьбы из греческих общин был Стертиний Ксенофонт родом с острова Кос, лекарь, который предположительно отравил то самое перо, что вставил в горло Клавдию.

Были и другие важные государственные чиновники. Один, например, готовил все документы для судебных разбирательств, в которых участвовал император; не исключено, что он иногда совмещал эти обязанности с чиновниками из департамента прошений. Были еще чиновники, чьи функции нам неясны. Обязанности всех время от времени довольно сильно менялись, в зависимости от личного влияния того, кто находился на том или ином посту в данный момент. Конечно, когда историкам случалось упоминать имена этих людей, они, похоже, вовсе никогда не проводили параллели с их обычными обязанностями в департаменте, как правило, исключительно в связи с пикантными политическими событиями и интригами, что фактически занимало лишь малую долю их времени. Одним из важных чиновников Нерона, чьих обязанностей мы не знаем, был некий Клавдий из Смирны, который женился на красивой и богатой женщине, выросшей из рабыни до знатной патрицианки, и уступал лишь сенатору по положению в обществе, он пережил своего

¹⁴ Здесь и далее цит. по кн.: Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.

хозяина на четверть столетия, оставив огромное наследство и заслужив посвящение элегии от двух самых знаменитых поэтов того времени – Статия и Марциала. Нерон сознавал безмерную зависть, вызываемую этими могущественными императорскими вольноотпущенниками, и, очевидно, принимал меры, чтобы не давать им слишком много власти. Но единственный способ избежать этого (поскольку члены Сената не делали или не могли выполнять таких обязанностей) состоял в том, чтобы весь день напролет трудиться самому, к чему император вовсе не был готов. Поэтому греческие чиновники вскоре вновь заявили о себе, хотя более закулисно, чем при Клавдии. Два года спустя после восшествия на престол Нерона Сенат предпринял злобную контратаку против чрезмерного влияния вольноотпущенников; по крайней мере, некоторые сенаторы замыслили нанести им оскорбление. Но император, перед лицом расхождений во мнениях, разрешил этот вопрос здравомысляще и уклончиво.

Советники Нерона

Эти разногласия во мнениях возникли и внутри его совета. Этот орган из-за своего частного характера походил скорее на кабинет американского президента, нежели на кабинет британского премьер-министра. Но он был более хлипким и более неформальным, чем любой современный кабинет министров. Совет состоял из двадцати или тридцати римских сенаторов, которые были друзьями императора и выполняли обязанности его основных советников. Они встречались как можно чаще – или, по крайней мере, некоторые из них – для совещаний по юридическим и полуюридическим делам, с особыми полномочиями в отношении ряда судебных дел, которые император считал своей персональной ответственностью. Гораздо реже, но все равно довольно часто, их созывали, чтобы обсуждать и давать советы по делам общей политики. В самом начале своего правления Нерон заверил Сенат, что обещает полагаться на подобные советы, – заверение, которое им пришлось по нраву, поскольку совет состоял исключительно из сенаторов и обеспечивал противодействие как императорскому самодержавию, так и влиянию вольноотпущенников. И действительно, за первые годы правления принцепса этот императорский совет играл гораздо большую роль, чем когда-либо до этого или после.

Самыми главными советниками были Бурр, командир преторианской гвардии, и Сенека; и древние историки иногда подразумевали, возможно с некоторым чрезмерным упрощением, что важные решения принимались лишь по их совету. Говорилось, что они поддерживали Нерона в невоздержанности, чтобы у них самих были развязаны руки для управления государством. Верно ли это, мы не можем сказать, но вполне вероятно, что из желания держать решения в своих опытных руках они пытались при случае отвлечь Нерона от вмешательства, которое было бы наивным или нежелательным.

Места рождения этих двух людей показывают, насколько две высококультурные области, как юг Франции и юг Испании, поднялись до фактического равенства с Италией. Бурр был родом из Галлии – его происхождение привлекло Клавдия, который сам был родом оттуда, а родным городом Сенеки была Кордуба (Кордова), принадлежащая области, которая являлась родиной многочисленных римских сенаторов. Сообщения историков слишком противоречивы, чтобы составить ясное представление о том, какую политику проводили Бурр и Сенека. Но, по крайней мере, ясно, что они оба много сделали для того, чтобы продвинуть по служебной лестнице провинциальных сенаторов, таких, как они сами, например некоего Помпея Паулина, родом из провинции Бурра, который доводился братом жене Сенеки.

Командир преторианской гвардии к тому времени получил долю в определенных судебных процедурах, которые прежде исполнял исключительно сам император.

Занимающий этот пост Бурр представлен Тацитом как типичный служака, но это клише в описании его характера, похоже, не имеет отношения к его карьере. В действительности Бурр служил в качестве личного и финансового агента императора и Агриппины, чье падение в 55 году, как оказалось, он не был готов ускорить. В том же году он пережил время императорской немилости, и Сенека спас его, когда его чуть было не сместил сын няньки Нерона.

Мы не можем сказать наверняка, был ли Сенека действительно духовным владыкой римского мира в эти годы, поскольку историки не рассказывают нам о том, какой потенциальной властью он обладал. Следовательно, за исключением немногих, таких, как Помпей Паулин, мы не знаем, что это были за люди, на которых Сенека мог положиться или какую поддержку они могли оказать. Только случайно, к примеру, мы немного узнаем о его родственнике Аннее Серене, который стал командиром стражи и помогал Нерону в его интриге с Акте, но он умер молодым, вкусив ядовитых грибов. (Аналогия с концом Клавдия кажется зловещей, но каждый год итальянские газеты полны рассказов о людях, совершивших ту же самую ошибку.) Тацит, чье внимание привлекало платоническое положение Сенеки как философа, стоящего за тронем молодого правителя, дает нам слишком стилизованную версию его могущества.

Были и другие, облеченные властью, хотя мы знаем мало или почти ничего о том, чем они занимались. Но историки были, возможно, правы в предположении, что Сенека был более важным, чем кто-либо другой, за исключением императора. Чтобы показать миру свое положение, он обеспечил себе консульство, высшую ежегодно переизбираемую должность (в 56 г.), а также устроил такой же пост своему брату Юнию Галлиону, известному как человек, который однажды допрашивал святого Павла.

Философское эссе Сенеки «О милосердии» было написано в конце 55 года, после восхождения Нерона на престол. И именно самому Нерону оно и было посвящено, на основании того, что «когда ему предложили на подпись указ о казни какого-то уголовного преступника, он воскликнул: „О, если бы я не умел писать!“ (Светоний. Нерон, 10, 2). Этот рассказ вполне правдоподобен: хотя из страха Нерон мог пойти на убийство, он ненавидел жестокость смерти. И поэтому лозунгом Сенеки было слово „милосердие“. Его исследование этого предмета заслужило восхищение Кальвина и Корнелия и было источником

вдохновенной речи Порции о милосердии в шекспировском „Венецианском купце“:

Не действует по принуждению милость; Как теплый дождь, она спадает с неба На землю и вдвойне благословенна: Тем, кто дает и кто берет ее. И власть ее всего сильнее у тех, Кто властью облечен ¹⁵.

Непосредственной целью написания трактата «О милосердии» было служить для Нерона примером и руководством к тому, как надо править империей. Сенека писал, что счастье состоит в том, чтобы обеспечить благополучие многих, чтобы на краю могилы вернуть человека к жизни и заслужить гражданский венец за милосердие. Ни одно украшение не может быть честнее и достойнее высокого положения принцепса, чем этот венец, присужденный за спасение жизни своих сограждан, – ни трофеи, взятые у покоренных, ни колесницы, обогранные кровью варваров, ни военная добыча.

Сенека был достаточно влиятелен, чтобы довести свое послание до правительства путем официальной гласности. Поэтому не может быть совпадением, что в период между 55-м и 60 годами общепринятые золотые и серебряные монеты государства (*aureus* и *denarius*) изображали дубовый венок, венец гражданина, на своем эксклюзивном и неизменном реверсе. Современник Нерона, поэт Кальпурний Сикул, также много говорил о милосердии в своих дифирамбах императору, и сам Нерон в многочисленных речах торжественно обещал проявлять это качество. Несомненно, он говорил под влиянием Сенеки, хотя не только под его влиянием, поскольку подобные идеи витали в воздухе.

Но Сенека идет гораздо дальше. Он поставил перед собой задачу представить в трактате доктрину, принятую среди наиболее просвещенных правителей поздней Греции, состоящую в том, что монархия является «восхитительным рабством», посвященным служению и нравственности. И все-таки во всем его произведении сквозит в изобилии мысль о том, что самодержавие в ответе за Рим – и так и будет в дальнейшем – и что милосердие само по себе является достоинством не республики, а самодержца. Тацит использует слово «милосердие» для некоторых своих самых ироничных насмешек. Некоторые императоры до или после Нерона, и сам Нерон, включали милосердие в ряд многочисленных императорских добродетелей, как об этом свидетельствуют их монеты. Милосердие считалось настолько необходимым качеством для правителя столь обширной империи, что Сенека и его философствующие хозяева могли сравнивать ее с общечеловеческим братством, которое их стоическая школа, источник греко-римской этической мысли, провозгласила своим идеалом.

Нерон был приверженцем этих идей и не любил, когда люди враждовали друг с другом, так же как ненавидел вынесение судебных приговоров и гладиаторские побоища.

Юношеское знакомство Сенеки с философией и ее сторонниками вызвало у него воодушевление в отношении религиозных начинаний. Вначале Сенека проявлял интерес к доктринам более мистического плана, и даже впоследствии, когда он перешел к стоицизму, сохранил глубоко аскетический подход. Сенека просил на этом основании избавить его от сомнительных удовольствий посещения пиров Нерона и от чести церемониального утреннего императорского поцелуя.

Его современник и соотечественник, Колумелла, уроженец Гадеса (Кадис), который писал по вопросам сельского хозяйства, описывал Сенеку как человека неординарного таланта (что и было на самом деле) и выдающихся высоких идеалов (о чем более подробно будет сказано в следующей главе). Еще один современник, Плиний Старший, заметил, что он не был ни в коей мере поклонником фривольностей. Оба, однако, ссылаются не столько на

¹⁵ Цит. по кн.: Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8-ми тт. Т. 3. М.: Искусство, 1958. С. 285.

философские достижения Сенеки, сколько на его деловую сметку – управление своими обширными имениями. Несмотря на весь свой аскетизм, Сенека был необычайно состоятельным человеком, и не в его пользу говорит тот факт, что четыре года пребывания в милости у Нерона принесли ему 300 миллионов сестерциев от императора. Примером его размаха (странно сочетающегося с личным аскетизмом), как нам сообщают, было то, что он владел пятьюстами одинаковыми столиками из цитрусового дерева с ножками из слоновой кости. Это было его семейное пристрастие. Его тесть всегда отправлялся в дорогу с двенадцатью тысячами фунтов серебряной посуды, а его брат Анней Мела, который избегал чиновничьей карьеры, сделал себе большое состояние как управляющий императорскими поместьями Нерона. Своему другому брату, Галлиону, Сенека писал, – возможно, в 58 году, когда был на вершине власти, – что нельзя лишать философа права быть богатым насколько он сможет. И конечно же он славился своей щедростью.

Управление Нерона империей под этим покровительством было в целом усердным, разумным и благотворным. Император официально заявил, что он будет уважать позицию Сената. Поэты провозглашали то же самое, и публичное напоминание этого постоянно предлагалось на всех римских монетах начиная с конца 55 года и до 60–61 годов. Поскольку надписи на этих монетах – EX S(enatus) C(onsulto) – свидетельствуют, что они были отчеканены по велению Сената, о чем никогда прежде не указывалось на императорских золотых или серебряных монетах и хотя, по всей вероятности, именно император предлагал Сенату тот или иной декрет – это многое значило для укрепления престижа Сената. Управление империей в общем было на удивление статичным и пассивным, в основном подвижки происходили под давлением низов, но в первые годы правления Нерона оно было заботливым и просвещенным. Последовали усовершенствования управлением казной, меры в поддержку общественного порядка, меры против подлогов и указания, что губернаторы провинций и их чиновники не должны проводить гладиаторских боев или представлений с дикими зверями, ради чего в прошлом большие суммы сурово взимались с местного населения губернаторами, которые надеялись обрести сторонников, чтобы скрыть свои нарушения.

Более того, в первые семь лет правления Нерона Рим был свидетелем двенадцати обвинений, предъявленных римским чиновникам жителями провинций – в основном в состоятельной Малой Азии, – и шесть ответчиков, включая троих императорских откупщиков, были уличены. В начале своего императорства Нерон пообещал Сенату милостивое справедливое правление и проявлял большую заботу об этом.

«Правя суд, он отвечал на жалобы только на следующий день и только письменно. Следствие вел он обычно так, чтобы вместо общих рассуждений разбиралась каждая частность в отдельности с участием обеих сторон. Удалясь на совещание, он ничего не обсуждал открыто и сообщал: каждый подавал ему свое мнение письменно, а он читал их молча, про себя, и потом объявлял угодное ему решение, словно это воля большинства» (Светоний. Нерон, 15).

Налоговые реформы

В 58 году впервые, насколько нам известно, Нерон проявил смущающие признаки своей административной независимости. Это было, когда он предложил своим консулам полностью отменить не прямое налогообложение по всей империи. Вмешаться в эту область его побудил постоянный поток жалоб на откупщиков, которым, как в старые добрые времена республики, до сих пор был поручен сбор многих налогов. Нельзя сказать наверняка, пришло ли это ему самому в голову, или же ему помогли другие; если так, то ими вряд ли были Сенека и Бурр. Во всяком случае, Нерон теперь предложил искоренить зло целиком – и корни и ветки. Современные предположения, что его предложение было в действительности более ограниченным и прозаичным, маловероятны, поскольку это было как раз тем самым

популярным, широким жестом, склонность к которым питал император.

Если бы новая налоговая реформа была воплощена на практике – стали бы изыматься гораздо большие суммы денег в виде прямых налогов. Основной непрямым налогом представлял собой таможенные сборы, или налог на вывоз товаров, взимаемый в различных местах по всей империи и на ее границах. Предположительно, Нерон или те, кто вдохновил его выдвинуть такую схему, подсчитали, что отмена этого налога будет стимулировать торговлю до такой степени, что доход от прямых налогов должен будет значительно возрасти. Но эти подсчеты были столь же неопределенны, как и ежегодные бюджетные расчеты британского лорда-канцлера. Эта идея заключала в себе огромный, непредсказуемый риск, и советчики Нерона, рассыпаясь в похвалах его благородной щедрости – качеству, традиционно превозносимому римскими аристократами, – осмелились отговорить его.

За всем этим можно явно увидеть заблаговременное столкновение между импульсивным либерализмом Нерона и более осторожными чувствами, которые одерживали верх среди самых влиятельных римлян. Однако из этого конфликта была извлечена польза, потому что не была упущена возможность обеспечить устранение самых злейших злоупотреблений в налогообложении.

Одновременно корабли купцов были освобождены от налога на собственность. Это было одной из мер, предпринятых для увеличения поставок зерна в Рим из-за границы. В этом состояла основная забота всех императоров, и хотя на самом деле обычно подобные меры часто сводятся на нет, в конце концов они оправданы тем, что пребывание императоров на троне во многом зависит от успеха в этой области. Несмотря на протесты многих моралистов и итальянских аграриев, Рим спасали от голода именно эти корабли, импортировавшие зерно из Северной Африки и Сицилии. Рим был частично паразитирующей столицей, которой требовалось семь миллионов бушелей зерна ежегодно, четверть которого поступала из Египта. В городе также было много бедных и нуждающихся людей, которые жили лишь благодаря организованному в рамках государства распределению зерна ниже рыночной цены или совершенно бесплатно. Эти субсидии были в силе в течение двух веков, и количество зарегистрированных получателей составляло, по-видимому, во времена правления Нерона около 200 тысяч человек, или одну пятую от всего городского населения.

Огромным александрийским кораблям, перевозящим зерно, требовалось восемнадцать дней, чтобы достичь берегов Италии, но иногда они добирались туда за время в половину меньше. Сенека описывает, как в ПUTEОЛАХ (Pozzuoli) в Неаполитанском заливе – самом главном порту Рима, функции которого стали переходить к вновь построенному порту Остии, – все население обычно высыпало на мол, чтобы встретить авангард приближающейся флотилии. «На молу в ПUTEОЛАХ стоит толпа и среди всей толпы кораблей различает по парусной оснастке суда из Александрии...» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 77, 1). Народ очень ревностно и с беспокойством относился к этим поставкам зерна и с большой готовностью жаловался, если считал, что что-то шло не так. Петроний живо описывает случаи недовольства, происходившие в самих ПUTEОЛАХ или в городке неподалеку. В Риме, чье население так сильно зависело от этих поставок, люди были еще более возбудимы, подозрительны и нервны. Каждый слух о пустых вместительных зернохранилищах и палубах кораблей, где, по слухам, груз зерна был заменен на ввозимые предметы роскоши, а также о спекулянтах, пытающихся завладеть рынком, скупая товар, вызывал волнения. Правительство империи чувствовало себя обязанным тратить чрезвычайно много времени на опровержение подобных слухов и усовершенствование поставок зерна. И ни один правитель не уделял столько внимания этой проблеме, как Нерон.

Одна из его следующих монет носит изображение порта Остии, напоминая каждому, что Нерон стал пользоваться новой гаванью, строительство которой было начато его предшественником и которая располагалась гораздо ближе к Риму, чем ПUTEОЛЫ. Порт был защищен от открытого моря двумя молами, длиной в шестьсот и восемьсот метров, а также

затопленным, наполненным цементом кораблем длиной в сто метров. Монеты Нерона сообщают, что кроме обычной раздачи зерна он дважды выдавал получателям дополнительные дары. Первая из этих особых раздач имела место в 57 году, а вторая – в некое неуставленное время после этого. Подобная практика была традиционной, но сумма, розданная Нероном, по 400 сестерциев на каждого, была больше любой, розданной с дней правления Августа. Монеты также изображают прекрасный новый римский рынок – *Macellum Augusti* (Мясник Август), – где продавали мясо, рыбу и овощи. Нерон открыл этот рынок в 56-м или 57 году, а позднее выстроил заново после того, как тот сгорел.

Таковыми мерами Нерон достиг своей цели: он обеспечил тесную эмоциональную связь между собой и огромным, потенциально неорганизованным населением столицы, заслужив его благодарность и признательность. Ведь это население могло быть угрозой его режиму, но оно могло быть и его оплотом. Позднее Нерон отложил свою зарубежную поездку, потому что народ Рима волновался о том, как он будет жить, если их благодетель покинет их. Великодушно отменив свои намерения, Нерон воспользовался случаем, как сообщает Тацит, чтобы напомнить о том, какой он милостивый правитель.

«...И тут же оставил свое намерение, говоря, что все его желания отступают перед любовью к отечеству: он видит опечаленные лица сограждан, слышит их тайные сетования на то, что он собирается в столь долгий путь, тогда как даже кратковременные его отъезды невыносимы для них, привыкших к тому, что при одном только взгляде на принцепса стихают их опасения перед превратностями судьбы. И подобно тому, как в личных привязанностях предпочтение отдается кровным родственникам, так и римский народ для него превыше всего и, если он удерживает его при себе, надлежит этому подчиниться». (Тацит. *Анналы*, XV, 36, 3-6 (64 г.).

Народу нравились подобные торжественные заявления... Люди были заинтересованы в поставках зерна и опасались, что они закончатся, если Нерон будет отсутствовать.

Хлеб и зрелища

И, добавляет Тацит, народу также нравились развлечения, которые предоставлял император, поскольку это был второй элемент девиза «хлеба и зрелищ!» – *panem et circenses* – классического рецепта, с помощью которого цезари пользовались благосклонностью населения метрополии. Нерон уделял внимание зрелищам наравне с хлебом. При Августе игры проводились в Риме ежегодно в течение шестидесяти шести дней. Нерон после восшествия на престол увеличил их продолжительность на несколько дней, вызвав своего рода забастовку среди тех, кто поставлял участников в гонках на колесницах. В 57 году Нерон выстроил величественный новый деревянный амфитеатр для гладиаторских боев и травли диких животных, который стал предшественником каменного Колизея, но был расположен в другом месте, где-то на Марсовом поле.

При этом Нерон, верный своей неприязни к жестоким смертям до тех пор, пока считал, что его жизни ничто не угрожает, давал многочисленные указания, чтобы ни один гладиатор не был убит в этих кровавых состязаниях, даже ни один приговоренный к смерти преступник, хотя приведение приговора в исполнение подобными средствами прежде считалось традиционным. Его политикой было превратить гладиаторские сражения в безобидные состязания, участие в которых представителей всех социальных слоев (а позднее и обоих полов) поощрялось. То, что он пытался сделать, точно совпадало с мнением Сенеки, который душераздирающе описывал ужасы этих схваток и смертей. Действительно, Сенека впервые предпринял известные недвусмысленные нападки на институт гладиаторских боев в целом, столь отвратительный его стоической концепции общечеловеческого братства.

Но императору нельзя было заходить настолько далеко, чтобы отменить гладиаторские бои совсем, и он даже и не пытался – предположительно, с болезненного, но практически

обоснованного согласия Сенеки. Наоборот, несмотря на проблемы безопасности, возникшие в связи с волнениями в амфитеатре в Помпоне (Pompon), и попытки гладиаторов вырваться в Пренесте (Палестина), Нерон чувствовал необходимость тратить без сожаления деньги на подобные зрелища. Во время одного из них арена заполнялась водой, чтобы изобразить на сцене морское сражение афинян против персов. В другой раз оружие и облачение гладиаторов были отделаны янтарем, а также и их гробы, что показывает, что запрет на сражения до смерти был слишком преждевременным и не мог продержаться долго.

Нерон также тратил огромные деньги на травлю диких животных. Сенека возражал против этого, по крайней мере теоретически, рассказывая истории об отчаянных самоубийствах участников этих сражений. Современник Сенеки Петроний был еще одним человеком, кто считал этот вид кровопролития ужасным.

Вот и другие невзгоды, плоды нарушения мира! Тварей лесных покупают на золото и в землях Амона, В Африке дальней спешат ловить острозубых чудовищ. Ценных для цирка убийц.

Чужестранец голодный, на судне Едет к нам тигр и шагает по клетке своей золоченой. Завтра при кликах толпы он кровью людскою упьется. Горе мне! Стыдно вещать про позор обреченного града!

(Петроний Арбитр. Сатирикон)

Хотя император и стал близким другом Петрония, он не был расположен придерживать подобных взглядов или, по крайней мере, он не мог воплотить их в действие. Вместо этого он упражнял собственную изобретательность, чтобы обеспечить занимательные и потрясающие зрелища. Однажды, когда арена была заполнена водой, рыбы и другие морские животные были выпущены в воду, а полярные медведи должны были охотиться на тюленей. Когда амфитеатр не наполняли водой, зрители могли наблюдать травлю многочисленных редких зверей, включая гривастых, бородатых и «щетиных» быков (последние, по всей вероятности, антилопы гну) и «рогатых хряков», которыми могли быть бородавочки с истоков Нила. Также видели, как убивали бегемотов.

Позднее сообщалось о представлении со слоном, несущим римского патриция, который балансировал в воздухе на помосте из канатов, хотя трудно понять, что же происходило на самом деле. Бои быков, предшественники современной испанской корриды, также проводились, а кавалерия преторианцев перебила четыреста кабанов и триста львов. Устанавливалось, очевидно, довольно сложное оборудование, чтобы земля разверзлась и появлялась волшебная роща из позолоченного кустарника с благоухающими фонтанами, кишущая экзотическими дикими зверями. Поэт Кальпурний Сикул был свидетелем этого неподобающего представления и описал его в стихах, которые даже в свободном переводе впечатляют.

Как часто я, внутренне ужасаясь, Наблюдал собственными глазами, как сцена на уровне арены распадается, И вызывающие ужас чудовища вылезают Из расщелин глубоко растрескавшейся, осевшей земли. Как часто из этой глубокой бездны Появлялись перед взорами зрителей золоченые ветви И фонтан, брызгающий шафрановой водой.

(Кальпурний. Эклоги)

Поэт не без оснований чувствовал определенную тревогу – ведь не случайно предпринимались предусмотрительные меры, чтобы защитить зрителей от диких зверей. Например, делалась деревянная баррикада, увенчанная крепкими сетями, свисающими с

хоботов слонов, привязанных к мачтам навесов, а перед сиденьями были установлены горизонтальные цилиндры (по крайней мере, один из них был из слоновой кости), которые вращались, чтобы ни одно животное не могло выбраться через них к зрителям.

Рим часто казался определенно более важным, нежели все территории империи, вместе взятые, и количество упоминаний о подобных событиях аристократически мыслящими древними историками предполагает, что зачастую они тоже так считали. Но все-таки столица еще не все: и правительству пришлось обращать длительное, ненавязчивое внимание на обширные области империи, и прежде всего на чрезвычайно длинные границы.

Единственная граница, которая представляла серьезные проблемы, была восточной, поскольку Парфия, феодальное государство на территории нынешних Ирака и Ирана, оставалась единственной значительной иностранной державой, с которой Риму приходилось соперничать. Отношения между двумя правительствами были постоянно испорчены из-за горной Армении, которая простиралась на север от Месопотамии до Кавказа. Как Рим, так и Парфия, всегда помогали этой стране, но ни то ни другое государство не было в состоянии подчинить ее себе надолго; хотя римляне, по-видимому, и парфяне также часто публично хвастались, что она завоевана. Более того, ни одна из двух империй не могла позволить, чтобы Армения вошла в состав другой страны. Каждая чувствовала, что эта территория была кинжалом, направленным в ее сердце.

Военные действия разворачивались в этой области в течение большей части периода правления Нерона. Подобно своему парфянскому противнику Вологезу I (51-78 гг.), Нерон никогда сам не появлялся на поле брани. Тем не менее важные решения, которые ему приходилось принимать, не нужно считать соответствующими его характеру. Когда стало ясно, что в Армении образовался вакуум власти и что парфяне стремятся заполнить его, Нерон сразу же назначил в эту область одного из ведущих своих военачальников – Корбулона. Его мать, которая шесть раз была замужем, обеспечила ему многочисленные полезные связи, а его собственные поступки, наряду с его внешностью, запомнились последующим поколениям отчасти потому, что он написал мемуары, а в основном потому, что его дочь вышла замуж за будущего принцепса и императора Домициана. Корбулон завоевал собственный престиж не великими победами, поскольку их одержано было незначительное количество, а строгой дисциплиной, которая в ту эпоху часто создавала военачальникам хорошую репутацию. Речь его была простой (однажды он назвал одного из своих коллег ощипанным страусом), а незадолго до того сумел поссориться с губернатором Сирии. Но тем временем Парфия, переживая внутренние трудности, отступила от своих намерений, а Нерон смягчил ссору военачальников тактичным объявлением им обоим почестей за достигнутый совместными усилиями успех.

Первое важное событие произошло около 58 года, когда Корбулон попытался устроить встречу с тем, кто встал на престол царства Армении, – Тиридатом. Он был ставленником Парфии на ее трон, так как доводился сводным братом самому Вологезу, но Корбулон посоветовал ему обратиться с петицией к Нерону – в этом случае ему могли бы позволить остаться царем с одобрения как Рима, так и Парфии. Это был интересный ход, который, будучи одобрен, мог означать конец печальной борьбы за право наследования престола, в результате которой попеременно назначались то римские, то парфянские марионетки на армянский трон на краткий и рискованный период правления. Парфянский ставленник должен был править Арменией мирно, поскольку он также намеревался получить благосклонность Рима. Нерон и члены его совета, придерживаясь политики, которую пытался воплотить в действие Корбулон – не столько его собственной, сколько совета, – очевидно, сочли, что демонстрации подчинения Тиридатом было бы достаточно, чтобы убедить римский народ, что они одержали победу, о которой императоры ради своих репутаций и спасения собственных шкур всегда были готовы заявлять.

Результаты подобной мирной, но все-таки спасающей лицо политики были одним из главных достижений дипломатии правительства Нерона. Это заставило поэтов еще громче возвещать новую эру мира. Но эта политика не дала немедленных положительных

результатов. Корбулону не удалось встретиться с Тиридатом, а вместо этого он провел против него две военные кампании с его парфянскими сторонниками. Казалось, сражения идут довольно неплохо. Но сражения в Армении редко оборачиваются столь успешно, как, казалось, они обещали с самого начала. В результате так ничего и не было решено в то время.

Глава 4. СМЕРТЬ АГРИППИНЫ

Император не столь был усерден и внимателен к этим далеким событиям, как мог бы быть, потому что его мысли занимало совсем другое. В 59 году Нерон решил, что его мать становится невыносимой и должна быть убита. Причины, которые он выдвигал для обоснования этого чудовищного решения, на первый взгляд не совсем очевидны. Агриппина, вероятно, прекратила играть активную роль в правлении почти четыре года назад. И сын не часто с ней встречался. Тацит ни в коей мере не проясняет возникшую ситуацию. Судя по нему, Нерон был в страхе, потому что его любовница Акте убедила его в том, что ужасающие последствия его кровосмесительной связи с Агриппиной могут сказаться на лояльности армии. Но даже если эти отношения с его матерью были больше, чем просто непристойные сплетни, они определенно относились ко времени за несколько лет до этих событий, когда Нерон был к Агриппине еще привязан. Следовательно, указание историка на то, что это все актуально в 59 году, явный анахронизм.

С другой стороны, выдвигаемая Тацитом вторая причина убийства Нероном Агриппины – предположение, что на такую жестокость его подтолкнула будущая жена императора Пoppея, – анахронизм еще более древний. Пoppея якобы сказала Нерону с многочисленными женскими укорами, что лишь одна Агриппина стоит на пути его развода с Октавией и женитьбы на ней. В действительности прошло еще три года (после 59 года), прежде чем Нерон предпримет этот шаг. Вначале отношения Пoppеи с Нероном были столь туманны, что не менее пяти противоречивых версий о них дошли до нас, из них два варианта мы находим у Тацита. Кажется вполне вероятным, что и он, и другие историки предвосхитили влияние Пoppеи на Нерона с тем, чтобы обеспечить складную, слегка романтизированную последовательность событий и объяснить убийство Агриппины. Но на самом деле маловероятно, чтобы император пошел на матереубийство лишь для того, чтобы ускорить свой развод и новый брак, а затем почему-то не разводился и не женился в течение следующих трех лет.

Светоний, по-видимому, гораздо ближе к истине, когда предполагает, что Нерона испугали жестокие угрозы, которые, как ему передали, исходили от Агриппины. Как мы уже знаем, он всегда легко впадал в панику при малейшей угрозе его жизни; и когда шел на убийство, причина почти всегда крылась в этом. Более того, кроме сомнительной смерти Британика, просматривается типичная схема почти во всех убийствах и самоубийствах, за которые, как считается, может нести ответственность Нерон. Как правило, будущая жертва находилась далеко от Нерона, иногда в ссылке, но всегда под надзором. Смерть следовала лишь несколько лет спустя, когда доносчики или другие заинтересованные стороны сообщали, не всегда точно и дословно, что впадшая в немилость личность говорит или говорила что-то против Нерона. По мере развертывания этих типичных событий подозрительный Нерон всегда мог довести себя до натурального безумия от пугающего убеждения, что на карте стоит его жизнь. Легко поверить, что подобное произошло и в случае с Агриппиной. Нерон со своей стороны должен был в любом случае отчаянно стремиться освободиться от ее психологического давления. А она, судя по всему, была не слишком аккуратна в выражениях и, весьма вероятно, очень свободно распространялась в своем домашнем окружении о некоторых аспектах жизни своего сына, которые ей были не по вкусу, – к примеру о его любви ко всему греческому и ко всему, за что ратовали греки, а также о его страсти проводить время так, как ему нравится. Не исключена была и

вероятность того, что Агриппина действительно подумывала сместить Нерона или, по крайней мере, что она прислушивалась к людям, которые замыслили подобное. Видимо, именно этому Нерон и поверил. К тому же ему легко могли напомнить о риске, который непременно возникнет, если его мать предпримет попытку выйти замуж за какого-нибудь представителя императорского рода или потомка императорских кровей. Никакая ссылка на остров не могла бы быть достаточно надежной для такой смертельно опасной женщины, даже если она и была его матерью. Нерон понимал, что если Агриппина останется в живых, это будет означать риск гражданской войны, подвергающей опасности его подданных, защищать которых было его долгом.

Итак, предложение его бывшего наставника Аникета, который теперь занимал должность командующего флотом в Мизенах в Неаполитанском заливе, удостоилось внимания Нерона. Аникет предложил устранить Агриппину при помощи подстроенного кораблекрушения, и император согласился. Нерон имел обыкновение посещать ежегодно проводимый праздник в честь богини Минервы на модном многолюдном курорте в Байях, неподалеку от Мизен, и пригласил свою мать присоединиться к нему там. Они пообедали вместе в Бавлах, расположенных в бухте между Мизенами и Байями, в усадьбе, по всей видимости принадлежавшей Агриппине. Это был веселый и дружеский пир: судя по некоторым сведениям, хозяином был приятель императора Отон, который помогал Нерону в его любовной истории с Акте. Затем Нерон поехал в Байи по суше, а Агриппина отправилась туда же морем.

«Но боги, словно для того, чтобы злодеяние стало явным, послали ясную звездную ночь с безмятежно спокойным морем. Корабль не успел далеко отойти; вместе с Агриппиною на нем находились только двое из ее приближенных – Креперий Галл, стоявший невдалеке от кормила, и Ацеррония, присевшая в ногах у нее на ложе и с радостным возбуждением говорящая о раскаянии ее сына и о том, что она вновь обрела былое влияние, как вдруг по данному знаку обрушивается отягченная свинцом кровля каюты, которую они занимали; Креперий был ею задавлен и тут же испустил дух, а Агриппину с Ацерронией защитили высокие стенки ложа, случайно оказавшиеся достаточно прочными, чтобы выдержать

тяжесть рухнувшей кровли. Не последовало и распада корабля, так как при возникшем на нем всеобщем смятении очень многие непосвященные в тайный замысел помешали тем, кому было поручено привести его в исполнение. Тогда гребцам отдается приказ накренить корабль на один бок и таким образом его затопить; но и на этот раз между ними не было необходимого для совместных действий единодушия, и некоторые старались наклонить его в противоположную сторону, так что обе женщины не были сброшены в море внезапным толчком, а соскользнули в него. Но Ацерронию, по неразумению кричавшую, что она Агриппина, и призывавшую помочь матери принцепса, забивают насмерть баграми, веслами и другими попавшими под руку корабельными принадлежностями, тогда как Агриппина, сохранявшая молчание и по этой причине неузнанная (впрочем, и она получила рану в плечо), сначала вплавь, потом на одной из встречных рыбацких лодок добралась до Луканского озера и была доставлена на свою виллу»

(Тацит. Анналы, XXIV, 5).

Нерон был не первым деспотом, который заманил свою мать на корабль, чтобы убить ее. Подобное уже происходило в Геракле Понтика (ныне Эрегли в Турции) приблизительно в 300 году до н. э., когда царица Амастрида была убита в море двумя своими сыновьями.

Но это не означает, что рассказ о попытке покушения на жизнь Агриппины является фиктивным, хотя частичное совпадение может указывать на то, что Аникет, как и подобает бывшему наставнику, читал историю. Однако мысль инсценировать кораблекрушение была взята из более недавних событий. На эту мысль натолкнуло судно, использовавшееся в играх, что устраивал Нерон на воде, днище которого открывалось автоматически, чтобы выпустить животных в воду.

Агриппина прекрасно поняла, что происходит. Она послала своего вольноотпущенника Агерина сообщить Нерону, что благодаря милости богов и его счастливой звезде она выжила при кораблекрушении, но что он может в настоящее время не беспокоиться и не навещать ее, поскольку ей требуется покой. Но когда ее посольный предстал перед Нероном, император уронил меч на пол и объявил, что тот был пойман с поличным в попытке покушения на жизнь императора. Агерин был взят под стражу.

Тем временем весть о несчастье, случившемся с Агриппиной, распространилась, и на берегу стали собираться толпы народа. Их разогнали войска. Слуги Агриппины теперь постепенно исчезали из ее дома, и Нерон предпринял вторую, и на этот раз увенчавшуюся успехом попытку. Он не доверил своим телохранителям-преторианцам сделать это, а отправил Аникета с двумя морскими офицерами. Они прибыли на виллу и нанесли свой смертельный удар. Тело Агриппины было кремировано на ложе в столовой в ту же ночь.

Нерон, как сообщается, пребывал в состоянии ужаса до тех пор, пока к нему не пришли высшие чины преторианской гвардии, чтобы выразить поздравления по поводу его спасения от грозившей гибели, а депутации от соседних городов вскоре последовали их примеру. От этого ему стало несколько легче, и он заставил себя уехать в Неаполис (Неаполь). Оттуда он написал письмо Сенату, сообщив, что один из вольноотпущенников Агриппины был пойман с поличным при попытке лишить его жизни и что она, сознавая свою вину, как подстрекательница этого преступления, заплатила за это сполна. Затем в письме перечислялись все мыслимые обвинения, какие только могли быть выдвинуты против его матери, начиная со времен правления Клавдия и далее. Оно включало, по словам Квинтилиана, следующее высказывание: «Я едва в состоянии поверить, что мне ничего больше не грозит. Но это мне не доставляет никакой радости».

Убийство Агриппины

Убийство произошло между 19-м и 23 марта 59 года. Как мы узнаем из записи, члены Арвальского братства – элитного органа, включающего в себя некоторых наиболее

влиятельных в государственной политике патрициев, – проводили 28 марта свое периодическое религиозное собрание в Риме. У них был обычай возносить жертвы за членов императорского семейства. Но на этот раз они не приносили жертв. Было слишком непонятно, за кого следовало бы совершать жертвоприношение и каким образом это выразить. Тогда 5 апреля они собрались снова и должным образом совершили жертвоприношение. К тому времени уже был издан сенатский эдикт, каким они могли руководствоваться, и они воздавали богам благодарность за спасение императора.

Но Нерон все еще не вернулся в столицу. Он отложил свое возвращение до сентября. Это было неловкое выжидание, и нелюбезные надписи были видны на улицах.

Трое – Нерон, Алкмеон и Орест – матерей убивали. Сочти – найдешь: Нерон – убийца матери.

Чем не похожи Эней и наш властитель? Из Трои Тот изводил отца – этот извел свою мать.

(Светоний. Нерон, 39)

И все-таки в целом Нерона довольно хорошо встретили, когда он наконец-то возвратился в Рим. Убийство не отразилось на его положении непосредственно. Возможно, для сенаторов и остальных было предпочтительнее отвести глаза от размышлений над тем, что же действительно произошло на берегу Неаполитанского залива, и считать, что сосуществование Нерона и Агриппины создавало невыносимую ситуацию, опасную для государства и его влиятельных людей, которые легко могли быть вовлечены в ядовитую ненависть между матерью императора и ее сыном. Было облегчением, что это положение закончилось. И теперь то из одной провинции, то из другой полились покорные выражения лояльности.

Нерон сразу же вернул людей, которых Агриппина отправила в ссылку, и, по видимому, не без оснований ее день рождения был объявлен днем с дурным предзнаменованием.

С политической точки зрения это не было столь серьезным кризисом, как злопамятно говорится в склонных к преувеличениям отчетах историков. Правда, возможно, это было довольно щекотливое положение. Но проблема была решена без особых затруднений.

По общему мнению, письмо Нерона Сенату, сообщающее о враждебном выпаде его матери и о ее последующей смерти, было составлено Сенекой. И Тацит добавляет, что, когда высшие чины преторианской гвардии пришли поздравлять Нерона немедленно после случившегося, они сделали это по подсказке Бурра. Маловероятно, чтобы они с Сенекой были заинтересованы в этом убийстве, но Тацит предполагает, что после случившегося они, вероятно, старались спасти ситуацию как могли. Очевидно, они все еще считали необходимым для безопасности государства и их самих сделать все возможное, чтобы помочь Нерону. Следовательно, именно с помощью их дипломатии ему был оказан такой хороший прием по возвращении в столицу.

Мы можем только догадываться, что думал Бурр по этому поводу. Тацит замечает, с достаточной долей правдоподобия, что его беспокоило то, какой будет реакция армии на падение женщины, которая была дочерью всеми любимого Германика. Да и сам Нерон не считал, что может поручить ее убийство своим телохранителям. Что же касается Сенеки, его отношение может быть до некоторой степени реконструировано из его произведений. В философских эссе и трагических пьесах он постоянно размышляет над трудноразрешимой проблемой гармонии принципов личности и политической деятельности. В этом он очень отличается от воззрений богатого молодого поэта-«сатирика» Персия, который тоже писал в это время. Потому что он, хотя его колкий подход был полярно противоположен понятиям, бытовавшим при дворе Нерона, ни разу даже не намекнул и не сказал ни одного критического слова о политической ситуации в империи. В трудах Сенеки, с другой стороны,

довольно много разглагольствований о пороках тиранов (к примеру, в «Троянках», «Фиесте», в трактате «О гневе»), к которым можно было причислить не последнего императора, а другого – Калигулу (37-41 гг.), который был взят в качестве типичного примера.

...Властные, богатые Меж тем желают больше, чем дозволено.

Мочь все стремится тот, кто может многое ¹⁶.

(Сенека. Федра, 215)

Сенека также восхвалял стоического, безгрешного человека, противопоставит тирану: Катон, боровшийся сто лет тому назад против Юлия Цезаря, изображен (как и более ранними писателями) мудрецом. Сенека явно имеет в виду случай с Платоном (тот отказался от компромисса с тираном Дионисием из Сиракуз), который приводится Тацитом, заявлявшим позднее, что у Нерона зачастую было больше причин жаловаться на его свободу речей, чем на его подбострастие. Сенека остро ощущал, что наступает момент, когда возврата к прежнему уже нет. Он говорил, что сдержит свое обещание пойти на пир, если будет всего лишь холодно, но не тогда, когда снегопад.

Тиран может стать таким деспотичным, что единственное, что останется его советникам, – это удалить его со сцены. Он пишет в трактате «О благодеяниях», что если вся надежда на здравомыслие тирана уходит навсегда, то доброта, которой он платит ему, станет добротой ко всему миру. Расставание с жизнью – вот лучшее средство для него самого, а для того, кто никогда снова не станет самим собой, лучше всего уйти из жизни.

Эти слова могли быть написаны вскоре после восшествия на престол Нерона, но более вероятно, что их можно отнести приблизительно к 63 году. Во всяком случае, удручающий акт матереубийства в 59 году не только резко положил конец любым мечтам о философски настроенном принцепсе, но и заставил Сенеку отказаться от надежды на своего бывшего протеже, и его чувства совпадают с теми, что чувствовал Гамлет.

О сердце, не утрать природы;
пусть Душа Нерона в эту грудь не внидет;
Я буду с ней жесток, но я не изверг... ¹⁷

(Перевод М. Лозинского)

Поступок был действительно ужасающий. И все-таки ради практической пользы государства Сенека, очевидно, решил, что момент действия еще не наступил. Национальные интересы, казалось, требовали заключения, что император все еще не дошел до того момента, когда возврата к прежнему уже нет.

В этом состоит постоянная дилемма для сотрудничающих с режимом. Так это или нет, но они всегда будут думать, как бы принести побольше пользы своим соотечественникам, да и самим себе, как бы, оставаясь на свои постах, предотвратить еще худшие бедствия. Они будут считать, что их отставка может повлечь большую вероятность для государства погрязнуть в насилии. И именно так, очевидно, решил Сенека в 59 году. Его собственной безопасности недавно угрожал один зловерный обвинитель. Да к тому же он был слишком хорошо осведомлен, что практика не всегда совпадает с теорией ¹⁸.

¹⁶ Цит. по кн.: Сенека. Трагедии. М.: Искусство, 1991.

¹⁷ Цит. по кн.: Шекспир У. Избранное. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 1984. 240 с, ил.

¹⁸ Сенека. О гневе. Его пьеса «Геркулес в безумье» содержит размышления по поводу тщетности подобных

Безоговорочное признание необходимости такого поведения появляется в его позднем трактате «О гневе», в котором он цитирует замечание старого придворного о том, что тот выжил, снося побои и вознося благодарности за них.

Другими словами, если сотрудничающий с режимом в состоянии принести пользу, оставаясь на своем посту, следует реалистично понимать, что его возможности в этом направлении чрезвычайно ограничены. В другую эпоху Томас Уортон (Warton) писал:

Содом не может быть исправлен святым папой!

Перспектива исправить Нерона была в равной степени необнадеживающей. Сенека в своем произведении «О благодеяниях» довольно многозначительно замечает, говоря о деспотизме вообще, что если тиран желает артистов и шлюх и такие дары смогут смягчить его ярость, то он с готовностью предоставит их ему.

Сенека, несмотря на такие мрачные размышления, верил, что есть смысл играть такую недостойную роль. Такого же мнения придерживался и историк Тацит. В отличие от многих поздних критиков он выносит благосклонный вердикт попыткам Сенеки. Он полагал, что в удручающе трудных условиях этих опасных имперских режимов позиция Сенеки была правильной. Тесть самого Тацита Агрикола, которым он восхищался, сыграл гораздо более соглашательскую роль при гораздо более тираничном Домициане (81-96 гг.), – и, следовательно, историку казалось, что упрямая, но ненавязчивая настойчивость Сенеки без многочисленных иллюзий и даже надежд в равной степени заслуживает похвалы. В одном из своих писем к другу Луцилию Младшему из Помпей Сенека предлагал держаться как можно дальше от скользких мест, мотивируя тем, что даже на твердой земле мы стоим не слишком устойчиво. А в своем последнем письме он добавляет, что самые удачливые люди, как правило, самые несчастные.

Итак, Сенека показал, насколько далеко он готов зайти с Нероном. Более того, возможно, в это же время он выказал еще большую готовность забавлять молодой и циничный двор. Это подчеркивается опубликованием его беспощадной пародии, как в прозе, так и в стихах, на смерть Клавдия. Она известна под названием «Отыквление Божественного Клавдия», что, по словам Диона Кассия, было издевательской насмешкой над его обожествлением (Apotheosis).

Это произведение обычно относят приблизительно к 54-55 годам, сразу же после восшествия на престол Нерона, но эта дата, вероятно, неверна, поскольку, хотя Агриппина и была, по-видимому, причастна к смерти Клавдия, ее все-таки сделали жрицей культа нового бога. Поэтому едва ли было осмотрительно для человека в положении Сенеки высмеивать обожествленного императора столь оскорбительно, в то время когда Агриппина находилась на высоте власти или пока она вообще была жива. Эта литературная попытка проливает неординарный свет на переменчивость взглядов ее автора, ибо в ней Август фигурирует в качестве одного из самых ярких обличителей Клавдия. Это далекий отголосок 54-55 годов – времени, когда официальные монеты изображали Божественного Августа (Divus Augustus) и Божественного Клавдия (Divus Claudius) едущими вместе в церемониальной колеснице с впряженными в нее слонами. Мы узнаем из «Панегириков» Плиния Младшего, что Нерон считал обожествление Клавдия шуткой, и именно теперь, когда жрица Божественного Клавдия устранена с пути, эта насмешка стала известна.

Глава 5. ИМПЕРАТОР, КОТОРЫЙ ПОЕТ, ЛИЦЕДЕЙСТВУЕТ И УЧАСТВУЕТ В ГОНКАХ НА КОЛЕСНИЦАХ

Для Нерона устранение Агриппины в основном означало, что теперь он мог, не ощущая больше давления с ее стороны и раздражения от ее неодобрения, погрузиться в деятельность, которую она презирала, а он любил больше всего на свете: пение, лицедейство и гонки на колесницах.

В начале своего правления Нерон вошел в общество танцовщиков, или пантомимов (*pantomimi*). Эти лицедеи, чья профессия и искусство берет свое начало со времен Августа, были красивыми, атлетически сложенными молодыми людьми, которые танцевали и исполняли роли в пантомимах, одетые в яркие, расшитые золотом туники, алые плащи, струящиеся шелковые хитоны и красивые маски с закрытыми ртами. Для каждой последующей роли они меняли и костюм, и маску, даже в процессе одного произведения. Они, танцуя, не произносили слов. По словам Сенеки, их жесты текли, словно слова, с каждым положением рук и пальцев обретая новое значение. Понтийский принц из Малой Азии попросил Нерона подарить ему танцовщика, которого тот видел в Риме, потому что выразительные жесты молодого человека смогут освободить переводчиков от работы при дворе в Понте.

Огромные оркестры и массовые хоры обеспечивали потрясающий аккомпанемент для этих представлений. Поэт Лукан, племянник Сенеки, не без выгоды для себя написал четырнадцать либретто для подобных хоров.

Балеты и танцевальные представления, называемые пиррическими танцами, были претенциозны. Но не все шло гладко. Однажды, когда шло искусно поставленное представление мифа о Дедале и Икаре, летящий по небу Икар упал на землю, прямо рядом с ложем Нерона, и забрызгал императора своей кровью. А мода на достоверные сексуальные утехи на сцене была предвосхищена балетом, изображавшим сцену любви Минотавра с Пасифаей. В мифе Пасифая превратилась в корову для этого случая; и теперь на сцене зрителям казалось, что танцор, переодетый в быка, действительно занимался любовью с девушкой, которая находилась внутри задней части полой деревянной телки. (Реализм был в моде: на представлении комедии под названием «Пожар» декорации действительно подожгли, а актеры должны были выносить горящую мебель.)

Поклонники ведущих танцоров были столь же пылкими и истеричными, как поклонники попевцов в наши дни, с той лишь разницей, что они заключали в своих рядах сенаторов и патрициев. Один красивый танцор Мистик (*Mysticus*), или Мифик (*Mythicus*), пользовался неординарной славой, потому что не один патриций, как утверждает Плиний Старший, а двое умерли в момент полового акта с ним.

Учителя и знатоки этих танцев или балета возникали повсюду, и во многих частных театрах ставились пьесы, в которых, по словам Сенеки, мужья и жены соперничали из-за того, чтобы быть партнером или партнершей красивых молодых людей в танце.

Одна матрона того времени, Элия Кателла (*Aelia Catella*), все еще танцевала на сцене даже в возрасте восьмидесяти лет.

Возбуждение и соперничество, вызываемые появлением на публике и представлениями знаменитостей, могли быстро превратиться в жестокие побоища между фракциями и группировками. Это забавляло Нерона, но стало настолько серьезным, что в 56 году его правительство было вынуждено положить этому конец. Его опрометчивое экспериментальное устранение батальона охраны, который был обычно на посту во время таких представлений, пришлось пересмотреть, и на несколько лет танцоров выдворили из Италии.

Подобные репрессивные меры, однако, не распространялись на близкого друга Нерона Париса, танцовщика, который помогал настроить его против Агриппины: та, весьма вероятно, не питала особых симпатий к тому типу экзотических развлечений. Затем Парис добился приговора суда не в пользу своей прежней рабовладелицы, тетки Нерона Домиции, удачно обобрав ее на сумму, за которую выкупил свое освобождение.

Парис был столь выдающимся танцором, что его интерпретация сцены любви Марса и Венеры, в которой он играл поочередно обе роли, убедила даже аскетичного праведника,

Аполлония из Тианы в Малой Азии, что действительно в этом есть нечто, заслуживающее внимания. Парис имел обыкновение садиться за стол Нерона после ужина, чтобы развлекать его, но он также был и учителем танцев императора. Это, однако, в конечном итоге и стало причиной того, что он впал в немилость (в 67 г.): император, который лелеял амбициозные планы станцевать роль Вергилиева Турна, озлобился, так как нисколько не преуспел в ученье.

Нерон очень скоро решил, что на самом деле он отдает вместо этого предпочтение другому искусству. Это были трагедии в том смысле, в каком они понимались в его время. Постановка старинных греческих и латинских трагедий была тотально изменена. Изначально они представляли собой диалоги с лирическими вставками ради разнообразия; теперь это были лишь отрывки диалогов, а лирические стихи декламировались отдельно. Великие актеры того времени исполняли эти стихи соло, сопровождая свое пение действиями и жестами. Одновременно они аккомпанировали себе игрой на кифаре, которая была даже в большем почете, чем флейта, потому что играть на ней было труднее. Говорили, что струны кифары звучат словно человеческий голос.

Нерон много энергии посвятил, чтобы преуспеть в искусстве певца, кифареда и трагического актера. Его голос, хотя и не слишком сильный, был глубоким, глухим, негромким басом. Он тренировал голос с исключительной добросовестностью.

«В детские годы вместе с другими науками изучал он музыку. Придя к власти, он тотчас пригласил к себе лучшего в то время кифареда Терпна и много дней подряд слушал его после обеда до поздней ночи, а потом и сам постепенно начал упражняться в этом искусстве. Он не упускал ни одного из средств, какими обычно пользовались мастера для сохранения и укрепления голоса: лежал на спине со свинцовым листом на груди, очищал желудок промываниями и рвотой, воздерживался от плодов и других вредных для голоса кушаний» (Светоний. Нерон, 20).

Нерон ревностно придерживался диеты. Он не ел яблок – знатоки считали их вредными для голосовых связок. Сушеные финики считались полезными для певца, свежие же – вредными. Он также воздерживался от хлеба по определенным дням каждый месяц. Все овощи из семейства луковых считались полезными для певцов, и по определенным дням Нерон не ел ничего, кроме лука, законсервированного в масле, – рецепт, который впоследствии был рекомендован медицинской братией. Неплохо бы знать, что после этого (и судя по сообщению Светония, его тело издавало неприятный запах) император ароматизировал не только воду в ванне, но и брызгал духами руки и подошвы ног.

Горловой бас, каким он обладал, считался тогда лучше всего подходящим для изображения эмоциональных, или вызывающих жалость, или полных драматизма сцен – именно подобные роли Нерон и предпочитал. В греческих драмах такие роли легче всего найти у Еврипида, которому Нерон вследствие этого отдавал предпочтение. Но в его время вкусы стали гораздо более мелодраматичными и эксцентричными. В риторических трагедиях Сенеки, которые были написаны не столько для публичных представлений, сколько для камерной декламации, некоторые пассажи столь ужасны, что их едва ли можно читать без чувства отвращения, когда тошнота подступает к горлу (к примеру, «Эдип»). А в «Фарсалии» (Гражданская война), написанной его родственником Луканом, – о раздорах между Помпеем и Цезарем – имеются столь же отвратительные преувеличения.

Но это было как раз в духе Нерона. Ему нравилось петь и играть трагические, полные отчаяния, шокирующие роли – такие, как Навплий, несправедливо принесенный в жертву греками во время Троянской войны, кастрированный Аттис и даже виновный в кровосмешении Эдип, так же, как Орест, совершивший матереубийство, – роли, которых на первый взгляд Нерон должен был тактично избегать. Он также с удовольствием играл нищих, сбежавших рабов, сумасшедших. Во время одного из таких представлений с участием императора некий молодой телохранитель, который, стоя за кулисами, не слишком внимательно следил за действием, вдруг бросил взгляд на сцену и, увидев, что император в цепях и лохмотьях (Нерон играл сцену безумия Геркулеса), хотя мог бы заметить, что цепи

были из золота, совершил оплошность, бросившись, чтобы освободить его.

Нерон к тому же прекрасно был подготовлен петь и играть женские роли – например Ниобы, обратившейся в камень из-за того, что ее дети были жестоко убиты. Другой его любимой ролью была роль Канаки, чей ребенок, родившийся от кровосмесительной связи с ее братом, был брошен на растерзание собакам. Это дало повод для шутки: «Чем занят сейчас император?» – «У него сейчас роды».

Несмотря на то что балетного танцора из него не вышло, Нерон с энтузиазмом погрузился в драматические аспекты танцевальных партий. «Ты станцевал всю программу прямо по книге», – заявлял восхищенный поэт грек Луцилий. Тот же поэт насмешничал над лицедеями, которые исполняли три любимые Нероном роли плохо, – что было деликатным способом сказать, что император делал это лучше.

Нерону нравилось петь и играть в масках, изображающих черты лиц женщин, которыми он был в то время увлечен. Его собратья кифареды пользовались его неперемным покровительством. Даже Терпн, несомненно, считал, что должен петь и играть императору до поздней ночи. Его собрату по искусству Менекрату, чьи песни искажал Трималхион в романе Петрония, император даровал имение и дворец. Другие огромные владения отошли к Спикуну (Spiculus), который не только играл на кифаре, но к тому же сражался в гладиаторских боях.

Большинство из этих музыкантов и певцов были родом из Александрии. Но их песни напевали на улицах столицы, а римские матроны знали их наизусть. Пире Трималхиона походило на театр с непрекращающейся музыкой. Как звучала эта музыка времен Нерона, не вполне ясно. Она была в основном мелодичной, без какого бы то ни было контрапункта или гармонии в нашем понимании и была лишена наших самых высоких и глубоких нот. Возможно, она вызвала бы шок у современных уроженцев Запада – она могла звучать как нечто вроде смеси грузинского монотонного песнопения и музыкальных традиций арабов, индийцев и китайцев. Что же касается музыкального аккомпанемента к драматическим представлениям, древние писатели были полностью убеждены, что он производил эротический, развращающий эффект. Музыка настолько сильно возбуждала слушателей, что их руки начинали шалить. Ее тихие и изнеженные ноты провоцировали на нескромные прикосновения и сладострастные поглаживания.

Нерон как поэт

Итак, пение, игра на кифаре и исполнение трагических ролей было самым большим интересом в жизни Нерона. Все это к тому же включало и сочинение стихов, поскольку песни, которые пели кифареды, были очень часто собственного сочинения. Менекрат, например, был этим знаменит. Поэтому и Нерон написал несколько собственных песен, отдавая предпочтение сексуальным темам («Аттис», «Вакханки»). Его песни, подобно современным музыкальным шлягерам, распевались повсюду. Аполлоний из Тианы, чье неохотное признание балета было отмечено ранее, чуть было не попал в неприятную историю, когда однажды проходил мимо музыканта, распевającego песни Нерона на улице, и не рукоплескал с должным рвением.

Но поэтические амбиции Нерона не ограничивались одними только песнями. Некий ученый по имени Анней Корнут, родом из Лептис-Магна в Северной Африке, родственник или вольноотпущенник Сенеки, попал в еще худшую, чем Аполлоний, историю, когда тоже не выказал достаточной лести. Император заявил, что размышляет над созданием эпического произведения на тему римской истории и желает узнать мнение Корнута о том, сколь длинной следует быть такой поэме. Присутствующие придворные быстро вмешались, сказав, что четыреста томов не будут слишком длинными для такого шедевра, но Корнут выразил несогласие: он счел, что это будет более чем длинно – скорее просто бесполезно. Больше его не приглашали ко двору. И он покинул Италию. А Нерон не стал настаивать на своей эпопее из римской истории.

Но он действительно написал историческую поэму о Троянской войне – на тему довольно-таки избитую, но в то время снова вошедшую в моду из-за того, что императорское происхождение восходит к мифическим троянцам. Жаль, что сочинение Нерона не сохранилось, поскольку оно могло бы многое поведать нам о его характере и восприятии жизни. Ведь его троянским героем был не гомеровский храбрый и добродетельный Гектор, а Парис, который традиционно считался слабым человеком. По версии Нерона, однако, этот непонятый типаж, не открывая, кто он есть на самом деле, неоднократно участвовал в рукопашных боях и побеждал врагов, включая самых негибких и мужественных, а также и самого Гектора.

Полстолетия спустя сатирик Ювенал жестоко высмеял поэму Нерона. Он говорил, что другой мифический герой, Орест, возможно, и был матереубийцей, но, по крайней мере, он не написал «Троянскую войну».

...Если б народу был дан свободный выбор, то кто же – Разве пропащий какой – предпочел бы Нерона Сенеке? Чтобы его казнить, не хватит одной обезьяны, Мало одной змеи, одного мешка для зашивки.

Сын Агамемнона то же сделал, но повод другой был: Разница в том, что по воле богов за родителя мстил он. Был Агамемнон убит среди пира; Орест не запятнан Кровью Электры сестры, ни убийством супруги-спартанки, Он не подмешивал яд никому из родных или близких. Правда, Орест никогда не пел на сцене, «Троады» Не сочинял. За какое из дел, совершенных Нероном В годы его свирепств, кровавой его тирании, Больше должны были мстить Вергиний и с Виндексом Гальба? Что за деяния, что за художества в цезарском роде: Радость позора от скверного пенья на чуждых подмостках, Данная греками честь – заслужить венок из петрушки! Пусть же портреты отцов владеют наградами пенью: Длинную сирму Фиеста, костюм Антигоны иль маску Для Меланиппы сложи, Домиция, ты к пьедесталу, Ну а кифару повесь хоть на мрамор родного колосса.

(Ювенал. Сатиры, 8, 210-220)

Если рассматривать этот отрывок с критической точки зрения, из него извлечешь не много информации. Нет причин полагать, что голос Нерона был отвратительным: если бы он был безнадежен, маловероятно, что он счел бы это своим призванием. То же самое можно сказать и о его поэзии. Кроме полустушии о громе и эпитета «янтарного цвета», которым он описал волосы Поппеи, до нас дошли лишь четыре строки. Одна, о перьях голубя, взъерошенных ветром, цитировалась с одобрения Сенеки: она звучала гладко и изысканно, с обстоятельным эстетическим греческим эпитетом.

Другие три строчки, написанные императорской рукой, об истоке реки Тигр, немного напоминают географические отступления в «Фарсалии» юного Лукана.

Имеются кое-какие огрехи в строках Нерона, если рассматривать их как пример модной серебряной латыни того периода. Но они не представляют собой достаточно основательного отрывка, чтобы можно было судить, был ли Нерон хорошим поэтом, а если это так, то насколько он был хорош. Его стихи, как и его пение, несомненно, отвечали современным модным вкусам на все живописное, колоритное, высокопарное, сенсационное и патетичное – вкусам к веяниям причудливым и архаичным. Поэтом совершенно иного склада был Персии, ученик Корнута, чье повлекшее за собой неприятности замечание Нерону было упомянуто выше. Вера Персия в поэзию «с привкусом горькой правды» завела его на расстояние вытянутой руки от рискованной полемики, когда он критиковал этот модный стиль стихосложения.

«Мималлонейским рога наполнили грозные ревом, И с головою тельца строптивого тут Бассарида Мчится, и с нею спешит Менада, рысь погоняя Тирсом. Воят: „Эвий, к нам!“ – и ответное вторит им эхо». Разве писали бы так, будь у нас хоть капелька старой

Жизненной силы отцов? Бессильно плавают это Сверху слюны на губах, и Менада и Аттис – водица: По столу этот поэт не стучит, и ногтей не грызет он.
(Персии. Сатира первая, 90-100)

Пометки, написанные на полях рукописи, говорят о том, что строки, заклеянные в этом отрывке как слабый эллинизм, были сочинены самим Нероном. Но Персий писал, когда император был еще жив, и абсолютно развлекательный характер остальной части его произведения ставит под сомнение то, что он мог быть таким опрометчивым.

Не заходя столь далеко, как некий пасторальный поэт, который ставил поэзию Нерона выше поэзии Вергилия, сочинитель эпиграмм Марциал позднее называл его собратом по перу, который был *doctus*, то есть сочинитель, который знает свое ремесло, понимает формы и правила этого искусства.

Наш главный источник этого периода, датируемый более поздним временем, как ни странно, придерживается совершенно противоположного мнения о поэтических достижениях Нерона и его методах. Тацит проявляет по отношению к нему очень мало уважения: в этом отношении он столь же груб, как и его современник Ювенал:

«...император обратился также к поэзии, собрав вокруг себя тех, кто, обладая некоторыми способностями к стихотворству, еще не стяжал себе сколько-нибудь значительной славы. Пообедав, они усаживались все вместе и принимались связывать принесенные с собою или сочиненные тут же строки и дополнять случайные слова самого императора. Это явственно видно с первого взгляда на эти произведения, в которых нет ни порыва, ни вдохновения, ни поэтической речи». (Тацит. *Анналы*, XXIV, 16).

Но этой мысли, что поэмы Нерона были лишь некоей послеобеденной забавой, осуществляемой совместными усилиями, явно противоречит Светоний:

«...он обратился к поэзии, сочиняя стихи охотно и без труда. Не правы те, кто думает, будто он выдавал чужие сочинения за свои: я держал в руках таблички и тетрадки с самыми известными его стихами, начертанными его собственной рукой, и видно было, что они не переписаны с книги или с голоса, а писались тотчас, как придумывались и сочинялись – столько в них помазок, поправок и вставок» (Светоний. *Нерон*, 52).

Светоний здесь на удивление настойчив и, кажется, намеренно хочет исправить впечатление, которое создает его современник Тацит, а это он предпринимает очень редко. И определенно версии Светония нужно отдать предпочтение, отчасти из-за обстоятельности его сообщения, а отчасти потому, что предубеждения Тацита чрезвычайно ясны. Происходя из римского города на юге Франции или севере Италии, он строго отражает местное, пуританское, провинциальное отношение к искусству – более древнеримское, чем у самих римлян. Нерон основательно грешит против такого консерватизма, и не только своим пением, лицедейством и танцами, но еще и своим стихосложением. Единственной формой литературы, которая долгое время считалась социально корректной для римского высшего класса, было ораторское искусство. Тацит едко отмечает, что Нерон был первым правителем, который нуждался в том, чтобы его речи писал за него кто-то другой: император, который умел писать себе речи, пользовался бы всеобщим уважением. Но поэзия не столь важна; и когда Тацит пишет о своем современнике Домициане, которого он одержимо ненавидел, то для своих насмешек он намеренно выбрал его мнимое знание поэзии среди других форм литературы. Общественным деятелям полагается заниматься более серьезными вещами; и поэтому Ювенал высмеивает поэтов-любителей. Но как раз Нерона вряд ли можно назвать любителем! Он не только упражнялся в стихосложении, но действительно ревностно относился к этому предмету – вот над этим можно было бы и посмеяться. Август, как обычно, показал здоровое отношение к общественному мнению и выразил точку зрения аристократии, когда заметил с легкой усмешкой, что и сам начал писать трагедию в стихах – «Аякс», но не дал себе труда закончить ее.

«За трагедию он было взялся с большим пылом, но не совладал с трагическим слогом и уничтожил написанное; а на вопрос друзей, что подельывает его Аякс, он ответил, что Аякс

бросился на свою губку» (Светоний. Божественный Август, 85).

После смерти Агриппины Сенека, Бурр и остальные члены императорского совета оказались неспособными удержать Нерона от сцены. Поэтому они сконцентрировали свои усилия на том, что действительно казалось достижимым, а именно, чтобы его зрителями были избранные люди, а представления с его участием проходили в узком кругу в собственном театре в Ватиканских садах на противоположной стороне Тибра. Было решено, что для дебюта императора на сцене самыми подходящими будут выступления под названием «Ювеналии». Едва ли было возможно полностью исключить греческое влияние, но было решено отвлечь от него внимание объяснениями, что эти игры к тому же содержат и сильный римский дух. Это событие носило религиозный характер и было посвящено благоденствию императора. Оно проводилось под покровительством прекрасной древнеримской богини Юности (Ювенты), чей культ связан с мужественностью и военным искусством. Ювента была богиней *juvenes* – молодых людей призывного возраста. Поводом к представлению «Ювеналии» послужило первое бритье бороды Нероном, что было древним семейным праздником римлян. Следовательно, повод отличался своим интимным, домашним, традиционным характером. Итак, в сопровождении жертвенных волов Нерон положил свою в первый раз сбритую бороду в ларец из золота, украшенный жемчугом, и посвятил богам в храме Юпитера на Капитолийском холме. Писатель Петроний, похоже, ходил по тонкому льду, когда, вскоре после этого, изобразил, как его нелепый Трималхион тоже положил свою бороду в золотой ларец и посвятил богам в личном храме.

Характерной чертой последующих празднеств было то, что не только Нерон, но и несколько высоких патрициев и патрицианок также принимали в них участие и включились в соревнования. (Это был именно тот случай, когда восьмидесятилетняя Элия Кателла танцевала на сцене.) Советники императора, вероятно, посчитали, что на этом фоне его собственное участие будет казаться более уместным. Но это лишь добавило мрачности, с которой приверженцы консервативных взглядов смотрели на всю эту процедуру. Их отношение искренне воспроизведено Тацитом:

«...Нерон учредил игры, получившие название Ювеналии, и очень многие изъявили желание стать их участниками. Ни знатность, ни возраст, ни прежние высокие должности не препятствовали им подвизаться в ремесле греческого или римского лицедея, вплоть до постыдных для мужчин телодвижений и таких же песен. Упражнялись в непристойностях и женщины из почтенных семейств. В роще, разбитой Августом вокруг вырытого им для навмахий пруда, были построены здания для развлечений и лавки, торговавшие тем, что распяет самые низкие страсти. Посещавшим их выдавались деньги, которые тут же издерживались – благонравными по принуждению, распутными из бахвальства. Эти сборища стали рассадниками разнузданности и непотребства, и ничто не способствовало дальнейшему развращению и без того испорченных нравов в такой мере, как эти притоны. Даже среди занятых честным трудом едва поддерживается добропорядочность; как же сохраниться целомудрию, скромности или хоть каким-нибудь следам добродетели там, где соревнуются в наихудших пороках?» (Тацит. Анналы, XIV, 15).

Вполне вероятно, что атмосфера празднества была не слишком чистоплотной, хотя не обязательно такой развращенной, какой Тацит заставляет нас предполагать, потому что главное, против чего он действительно возражал – против появления на сцене императора.

«Наконец, с помощью учителей пения подготовившись к выступлению и тщательно настроив кифару, последним выходит на сцену Нерон. Тут же присутствовали когорты воинов с центурионами и трибунами и сокрушенный, но выразивший ему одобрение Бурр» (Тацит. Анналы, XIV, 15).

Сенека, как оказалось, тоже был там, и череду выступлений из репертуара и программы императора – «Аттис», «Вакханки» и прочее – объявлял публике Галлион, брат Сенеки. Сенека и Бурр действительно старались по возможности исправить ситуацию. Однако над выступлениями представителей царского рода всегда насмехались приверженцы традиций, еще с тех пор, как дочь Саула Мишель насмехалась над Давидом за прыжки и танцы перед

Господом. И в этом случае Тациту вторит хор неодобрения основывающихся на его враждебной версии современников, таких, как иудейский историк Иосиф Флавий и биограф и эссеист Плутарх, которые заявляли о катастрофических политических последствиях сценических потуг Нерона.

Вся беда состояла в том, что Нерон был первым и единственным за всю историю правителем из игравших какое-то реальное значение, который считал себя прежде всего певцом и лицедеем.

Нерон отдавал себе отчет в том, что последуют критические нападки, и старался отвечать на них на языке, понятном приверженцам старых традиций.

«Музыке, – заявлял он, – покровительствует Аполлон, который, будучи величайшим и наделенным даром предвидения божеством, во всех изваяниях не только в греческих городах, но и в римских храмах изображен с кифарой в руках» (Тацит. *Анналы*, XIV, 14).

Его советники опасались, что император поступает неблагоразумно, рискуя получить аплодисменты менее восторженные, чем требовалось. И за этим тщательно следили.

«Тогда же впервые были набраны прозванные августианцами римские всадники, все молодые и статные; одних влекла прирожденная наглость, других – надежда возвыситься. Дни и ночи раздражались они рукоплесканиями, возглашая, что Нерон красотой и голосом подобен богам, и величая его их именами. И были августианцы окружены славой и почетом, словно свершили доблестные деяния» (Тацит. *Анналы*, XIV, 15, 8).

Этот «фан-клуб» состоял из группы молодых людей, которые окружали монархов греческой империи, и позднее оброс другими подразделениями. В них входила стайка завитых, надушенных, увешанных кольцами молоденьких мальчиков-статистов, которые изображали «безгласный» хор на сцене, и труппа из александрийских моряков, за которыми специально послал Нерон, потому что он был очарован ритмичными рукоплесканиями каких-то египетских матросов на одном из своих выступлений. В конце концов, общее число клакеров насчитывало более пяти тысяч человек, и к тому времени они отработали особую манеру выражения восхищения: «пчелы» изображали громкое жужжание, «желобки» аплодировали, сложив ладони в «лодочку», «кирпичики» хлопали распрямленными ладонями. И когда Нерон пел, то предводитель каждой секции получал сумму в 400 тысяч сестерциев.

Все это должным образом защищало императора от любой неблагоприятной реакции зрителей. Тем не менее Нерон, выступая на сцене, так и не мог полностью избавиться от волнения из-за своего темперамента. Находились поводы для повторения Ювеналий как можно скорее и чаще, но та же нервозность, которая вынуждала Нерона с готовностью сеять смерть, в состоянии тревоги способствовала тому, что он продолжал достигать самых фантастических высот, только когда выступал на сцене, соревнуясь в актерском мастерстве.

Этот трепет и волнение, его бойцовский характер по отношению к соперникам и его благоговение перед судьями вряд ли можно принимать за чистую монету.

«Соперников он обхаживал, заискивал перед ними, злословил о них потихоньку, порой осыпал их бранью при встрече, словно равных себе, а тех, кто был искуснее его, старался даже подкупать. К судьям он перед выступлениями обращался с величайшим почтением...» (Светоний. *Нерон*, 23).

Определенно, было ясно и ему, и всем остальным, что он наверняка получит исключительно теплый прием всегда, когда появится на сцене. Кроме того, это было то, что он больше всего на свете любил делать, то, ради чего он жил. И все-таки перспектива соперничества наполняла его крайней паникой каждый раз.

«При соревновании он тщательно соблюдал все порядки: не смел откашляться, пот со лба вытирал руками, а когда в какой-то трагедии выронил и быстро подхватил свой жезл, то в страхе трепетал, что за это его исключат из состязания, и успокоился тогда лишь, когда второй актер ему поклялся, что никто этого не заметил за рукоплесканиями и кликами народа» (Светоний. *Нерон*, 24).

Интерес Нерона к миру развлечений ни в коей мере не ограничивался театром. Он

также страстно любил лошадей, и эта страсть была у него с детства. Когда он был мальчиком, ему запрещали даже упоминать слово «цирк» – для его же блага, и, когда Нерон только взошел на трон, он имел привычку играть каждый день с колесницами из слоновой кости на доске. Став императором, он был обязан, как официальный представитель власти, подавлять бунты возниц, но сам вмешался, когда один чиновник, обиженный владельцами возничих колесниц, возражающими против количества работы, затребованной от их людей, попытался заменить их лошадей на собак. Нерон учредил пенсии коням – ветеранам скачек, одев их в человеческие одежды, и с энтузиазмом ввязывался в разборки между фракциями состязающихся в скорости, что вызывало частые беспорядки, но поглощало страсти, которые в противном случае могли найти более опасный выход в чем-нибудь другом. Фракции различались по цветам – Зеленые, Синие, Красные и Белые, и Нерон преданно поддерживал Зеленых. Он носил зеленое в Большом цирке, где проходили основные гонки, а беговая дорожка была посыпана зеленой медной пылью.

Его советники должны были понимать, что рано или поздно он захочет принять участие в гонках на колесницах. И после устранения с дороги Агриппины этот момент больше не мог откладываться. Нерон был готов найти оправдание своему участию в этих соревнованиях, как он был готов встать на защиту пения.

«Конные состязания, – заявлял он, – забава царей и полководцев древности; их воспели поэты, и они устраивались в честь богов» (Тацит. Анналы, XIV, 14).

Итак, Сенека и Бурр, очевидно, даже перед Ювеналиями принялись делать все от них зависящее и в этой ситуации также. Их метод был тем же самым, что и для лицедейства. Они подталкивали принцепса на то, чтобы завести частный скаковой круг. Цирк, строительство которого было начато Калигулой в Ватиканской долине на противоположном берегу Тибра, был достроен (его обелиск теперь стоит на площади Святого Петра), и там Нерон мог править своими лошадьми вдали от чужих взглядов.

«Но вскоре, – говорит Тацит, – он сам стал созывать туда простой народ Рима, превозносивший его похвалами, ибо чернь, падкая до развлечений, радовалась, что принцепсу свойственны те же склонности, что и ей. Но, унизив свое достоинство публичными выступлениями, Нерон не ощутил, как ожидали, пресыщения ими; напротив, он проникся еще большею страстью к ним» (Тацит. Анналы, XIV, 14).

Нерон намеренно ступил на скользкий путь, довольно странный для императора, – путь смены статуса любителя на статус профессионала.

Неронии

Однако личные выступления не ограничивали круг интересов Нерона: он также хотел повысить художественный уровень всего римского населения.

Он был готов отложить собственное публичное появление на сцене при условии, что сможет впервые ввести в столицу цивилизованные, по греческому образцу, публичные игры взамен гораздо более жестоких римских увеселений. Итак, в 60 году, год спустя после своих Ювеналий, Нерон основал в Риме новое празднество – Неронии.

Соревнования проводились по трем разделам: музыка, поэзия, ораторское искусство; состязания в атлетике и гимнастике; гонки на колесницах. Новое учреждение было скопировано в общем виде с классических греческих празднеств и отражало скорее пифийские состязания, проводимые в Дельфах, чем Олимпийские игры, поскольку в последних не было соревнований музыкальных.

Неронии состоялись 13 октября – в годовщину восшествия на престол императора. Правительство оплатило новое празднество, которому было отдано предпочтение перед другими играми, поскольку их председателем был не претор, как обычно, а занимающий более высокое положение чиновник, который служил консулом. Он был выбран на этот почетный пост большинством. Празднество было романизировано до такой степени, что должно было проводиться раз в каждые пять лет; пятилетний интервал играл роль в

традиционных римских гражданских и религиозных учреждениях – вместо четырех лет, которые отделяли греческие празднества [игры времен правления Нерона – Неронии – не имели никакого отношения к «quinquennia» – празднествам, справляемым раз в пятилетие, с которыми они не совпадали.

На монетах, следовательно, появилась надпись о проводимом раз в пять лет состязании (certamen quinquennale).].

Для объяснения этого празднества, устроенного по греческому типу, можно было сослаться на прецедент времен Августа, а это всегда приносило пользу. Одна такая вдохновляющая идея была почерпнута из игр, учрежденных в честь Августа в Неаполисе (Неаполе), городе, который Нерон особенно жаловал. Эти неаполитанские игры проводились каждые четыре года на греческий манер, как это подобает городу, который хотя и был частично итализирован, но лелеял свое греческое происхождение. Сначала соревнования, входившие в него, были атлетическими и конными – в последний год своей жизни Август лично присутствовал на них, – но затем, по-видимому в 18 году, были добавлены музыкальные соревнования, и именно отсюда греческие состязания различных видов распространились в другие части Италии. Август также отметил свою победу над Антонием при Акции (Акции, на северо-западе Италии) тем, что восстановил там древний атлетический праздник – эти игры в Акции равнялись главным играм Греции по важности – и велел построить новый стадион, вмещающий соревнующихся. Более того, тот же император ввел Актийские игры в Риме (хотя они, возможно, и не пережили его смерти). Участие в них мужчин и мальчиков из аристократических родов всячески поощрялось. И для этой цели был возведен деревянный стадион, о котором имеется первое упоминание в западном римском мире; за этим, вероятно, последовала традиционная греческая программа соревнований.

Итак, Тацит слишком драматизирует ситуацию, когда полагает в своих «Анналах», что введение Нероном празднеств по греческому образцу в столицу было сенсационным нововведением. Однако он играет честно, когда описывает первые Неронии: его отчет об этом событии гораздо более спокойный, нежели его же описание Ювеналий, потому что в этом случае, по крайней мере, не было позорного личного участия в них императора. Конечно, в «Анналах» представлено консервативное мнение, отражающее недоверие к греческим играм, которое проявляется даже в произведениях некоторых друзей Нерона, таких, как Сенека и Лукан.

Согласно этой точке зрения, подобное празднество превратит молодых людей в уклонистов, гимнастов и извращенцев. Но Тацит видит и представляет обратную сторону медали. Танцы и гонки на колесницах практиковались и прежде. Оплата их правительством пощадит кошельки государственных чиновников. У народа останется меньше поводов донимать чиновников ради дополнительных греческих зрелищ. Кроме того, следует учесть высказывания некоторых лиц в защиту постоянного театра, который положит конец расходам на строительство столь многочисленных временных. А награды за ораторское искусство и поэзию будут поощрять талант.

«Несколько ночей за целое пятилетие отдаются веселью, а не разгулу; ведь их озарит такое обилие ярких огней, что не сможет укрыться ничто предосудительное» (Тацит. Анналы, XIV, 21).

Во всяком случае, следует признать, что эти первые Неронии прошли без скандала. В прошлом присутствие танцоров часто было причиной волнений и они подвергались гонениям. Теперь им разрешили вернуться в Италию из мест их ссылки, хотя не допустили до участия в играх, поскольку игры считались священным событием, подобно их греческому прототипу. Что же касается императора, то хотя он сам не принимал участия, сочли благоразумным, чтобы он все равно получил награду. Итак, Нерона объявили победителем в ораторском искусстве.

Страсть ко всему греческому

Тацит охарактеризовал Неронии с присущим ему язвительным замечанием: «Греческая одежда, в которую в те дни облачились, по миновании их вышла из употребления» (Тацит. Анналы, XIV, 21).

Это должно было разочаровать императора, который, независимо от неодобрения Сенекой мужских нарядов ярких расцветок, отдавал предпочтение греческому костюму. Сам Нерон часто появлялся на публике в разновидности греческой тоги яркой расцветки, которая комбинировала в себе простоту туники в своей верхней части с летящими складками тоги внизу. Такая одежда носилась с шарфом вокруг шеи и без пояса и обуви. Некоторые римляне имели обыкновение надевать подобный наряд в менее строгие ежегодные празднества Сатурналий, но в других случаях он обычно предназначался для женщин. Однако именно так любил одеваться Нерон. Он также нарушал общепринятые приличия, появляясь на публике в подобии расшитой цветами туники – коротком одеянии без пояса, с муслиновым воротником.

Именно страсть ко всему греческому подтолкнула Нерона включить атлетическую и гимнастическую программы в свои игры. Это было чрезвычайно несвойственно для большинства римлян, которые презирали атлетов как слишком тренированных, заикленных на физических упражнениях тупиц. Император, с другой стороны, относился к ним с заметной благосклонностью, как к любителям, так и к профессионалам, и проводил много времени, наблюдая их выступления. Определенно, читателям трудно не думать о нем, когда Сенека писал неодобрительно о людях, которые никогда не упускали возможности отметить форму каждого атлета, как только тот появлялся на римской сцене.

Итак, для своего празднества Нерон выстроил новый гимнасий на Марсовом поле, самый роскошный во всем Риме (в него попала молния два года спустя, но он был выстроен заново в 66 году). Поблизости располагались великолепные новые термы, снова самые замечательные из всех.

Марциал вопрошал: что может быть хуже Нерона? Что может быть лучше Нероновых терм?

Подобно гимнасию, термы сегодня не представляют собой ничего выдающегося, но их впечатляющий общий план поддается реконструкции, а множество обломков из разнообразного дорогостоящего мрамора можно и сейчас обнаружить на этом месте. С архитектурной точки зрения это было новаторское здание, уже включающее в себя парные залы и крестообразные своды, которые нам известны по термам и залам спустя десятилетия после смерти Нерона.

Флавий Филократ писал, менее тактично, нежели Сенека, что грубый, откровенный философкиник Деметрий вошел в новые здания и объявил публичные бани ненужной тратой денег, а мытье в целом лишаящим мужества вырождением. Позднее он был изгнан из Италии (и даже беспечный император Веспасиан счел, что будет предпочтительнее, чтобы такой откровенный человек проживал бы где-нибудь в другом месте).

Во время посещения гимнасия Деметрий собственными глазами видел Нерона во время тренировки, почти обнаженного, если не считать набедренной повязки, громко распевающего, когда он выполнял свои обычные физические упражнения. Это вызывало некоторые осложнения, поскольку Нерон имел амбиции не только как вокалист, но и как атлет, и не представлялось возможным свести его интерес к атлетике, не уступающий его страсти к пению и лицедейству, к роли обычного зрителя. Он был очень умелым борцом, и повсеместно считалось, что он в состоянии соревноваться в этом умении на следующих Олимпийских играх.

Ему также приходилось думать о тренировках в гонках на колесницах. В то время возницы имели обыкновение применять навоз хряков, как внешне, так и внутренне, в качестве средства от травм, и Нерон употреблял его пепел, разведенный в воде.

Советники Нерона в области медицины

Сочетание неограниченной половой активности с нескончаемыми пиршествами непременно отразилось бы переутомлением на человеке любого телосложения, а физические данные Нерона не были особенно впечатляющими. Однако его здоровье, несмотря ни на что, оставалось отличным. Всего три возможные болезни можно отметить за четырнадцать лет его правления, при этом лишь один случай не вызывает никаких сомнений. Нерон не страдал от недостатка медицинской помощи. С одной стороны, новые термы поощряли гидротерапию, которая тогда снова вошла в моду в Риме. Все римские ведущие практикующие врачи были родом из Массилии (Марсель): и богатый астролог Кринас (Crinas), и впоследствии критиковавший его Хармис (Charmis). Последний прописывал холодные ванны даже зимой и непременно купал престарелых бывших консулов в ледяной воде.

Когда Нерон взошел на трон, во главе этой профессии был невероятно состоятельный Стертиний Ксенофонт, который первым стал называть себя «главным лекарем», а также «императорским лекарем». Проблемы приспособляемости ко двору императора проиллюстрированы памятником, воздвигнутым в его честь в его родном городе Косе, надпись на котором гласила: «Любящий Клавдия», а позднее была заменена на «Любящего Нерона», и впоследствии и его имя также было стерто в свою очередь.

Если, как подозревали, Ксенофонт действительно помогал убить Клавдия, то это может объяснить, почему при Нероне мы находим его не практикующим придворным лекарем, а занимающим должность одного из императорских министров, принимающих греческие делегации. Нерон, вполне вероятно, не слишком был склонен получать медицинскую помощь от человека, который знал, как погубить императора.

Во всяком случае, Нерона пользовали еще два лекаря. Совершенно случайно они носили одинаковые имена – Андромах. Один из них, с острова Крит, изобрел противоядие от укусов ядовитых животных, которое сам же, вопреки этикету, восхвалял в длинной лозме. Нерон также получил письмо от другого лекаря, Фессала из Тралл в Малой Азии, который основал популярную новую школу медицины – Методици (Methodici). Хотя Фессал не мог выдержать конкуренции с хитроумными лекарями из Массилии, он уверенно делал нападки на всех своих предшественников, и даже если он, по его же словам, выучил все, что знает, за шесть недель, памятник ему на Аппиевой дороге называет его *patronices* – лучшим из докторов. Но его знаменитый соотечественник Гален из Пергама, который писал по вопросам медицины в следующем веке, описывает его как человека невежественного и надменного.

Гален был также шокирован другим лекарем времен Нерона – практикующим врачом из той же страны Ксенократом, родом из Афродисиады. Лечение, которое он обыкновенно предписывал, включало в себя поедание человеческого мозга, плоти, печени и крови, а также экскрементов гиппопотамов и слонов – средств, которые должны были наверняка привлекать любителей всяческих мерзостей, как об этом писали Сенека и Лукан.

Глава 6. ТЯЖЕЛАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ ЖИЗНИ

Растущая озабоченность Нерона драматическим искусством и атлетикой была грубо прервана скандалом. Один из самых важных государственных чиновников, городской префект Луций Педаний Секунд, который отвечал за поддержание порядка в столице и обладал властью суммарного производства в суде, в 61 году был убит одним из своих рабов.

«То ли, – говорит Тацит, – из-за того, что, условившись отпустить его за выкуп на волю, Секунд отказал ему в этом, то ли потому, что убийца, охваченный страстью к мальчику, не потерпел соперника в лице своего господина» (Тацит. *Анналы*, XIV, 42).

Традиционные последствия подобного убийства, совершенного рабом, были печальны. Древний обычай требовал, чтобы не только он, но и каждый раб, проживающий под одной с ним крышей, должен быть казнен, а Педаний владел четырьмя сотнями – включая, конечно,

многочисленных женщин и детей.

Возникшая ситуация была особенно затруднительной, потому что Нерон и некоторые из его самых просвещенных советников предпочли бы отойти от древней традиции. И, как мы уже знаем, сам император, несмотря на то что был склонен к убийствам, когда видел угрозу для себя, ненавидел подписывать смертные приговоры, и его нерасположение к этому вдохновило Сенеку написать трактат «О милосердии». Ведь Сенеку тоже удручала жестокость римских казней – и особенно то разнообразие способов, с помощью которых лишали жизни рабов. К примеру, он порицает отвратительное сжигание рабов заживо в «напитанной горючей смолой тунике из горючей ткани» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 14, 5).

Он неоднократно подчеркивал, что рабы – часть общечеловеческого братства, в которое он, как последователь учения стоиков, верил. И в одном из великолепных исторических писем к Луцилию Младшему он так развивает этот вопрос:

«Я с радостью узнаю от приезжающих из твоих мест, что ты обходишься со своими рабами как с близкими. Так и подобает при твоём уме и образованности. Они рабы? Нет, люди. Они рабы? Нет, твои соседи по дому. Они рабы? Нет, твои смиренные друзья. Они рабы? Нет, твои товарищи по рабству, если ты вспомнишь, что и над тобой и над ними одинакова власть фортуны» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо 47, 1).

Остальная часть письма, как и другие произведения Сенеки, в подробностях и пространно приводят читателя к заключению, что с рабами следует обращаться достойно.

Петроний даже приписывает те же взгляды необразованному Трималхиону:

«Друзья, – сказал восхищенный этим безобразием Трималхион, – и рабы – люди; одним с нами молоком вскормлены и не виноваты они, что участь их горька!» (Петроний. Сатирикон, 71).

Очевидно, именно так и рассуждали многие в то время. Весьма вероятно, что и чувства Нерона в этом отношении совпадали с чувствами его друзей, Сенеки и Петрония. Министры, которых он видел каждый день, все когда-то были рабами, и от них очень даже можно было ожидать, что они поощряли сочувствие Нерона к условиям содержания рабов. И то же самое мы читаем на страницах судебных отчетов – Нерон в определенный момент своего правления приказывал городскому префекту, занимавшему эту должность в то время, обращать внимание на рабов, которые жалуются на несправедливое обращение своих хозяев. Все это звучало довольно иронично ввиду случившегося теперь убийства.

В 57 году Сенат ужесточил карательные меры. Поэтому впредь, если человека убивал один из его рабов, казнили не только всех остальных, но тот же приговор распространялся и на тех, кто получил вольную по завещанию убитого, но в то время находился в доме. Это было на случай, если какой-нибудь раб поддастся соблазну ускорить свое освобождение по завещанию с помощью насилия.

Убийство Педания Секунда, возможно, вызвало у Сенеки особое замешательство, поскольку убитый, как и он, был родом из Испании – его родиной был город Барцион (Барселона). Педаний, следовательно, мог быть ему другом и ценным политическим сторонником. И ситуация почти вышла из-под контроля, поскольку население Рима приняло в этом событии участие. За исключением тех случаев, когда они волновались насчет поставок зерна или ввязывались в разборки почитателей того или иного танцовщика или в потасовки цирковых фракций, римские обыватели редко вмешивались в государственные дела. Но в то время они вмешались. Им была не по нраву аристократия, которая больше не была в состоянии действовать в качестве их щедрых покровителей и, следовательно, не проявляла симпатии к традициям. И судьба, грозившая невинным рабам, казалась архаичной, варварской бессмысленностью.

Начались изуверские волнения. Здание Сената было осаждено, и дебаты проходили в критических условиях. Судя по Тациту, адвокатом этого консервативного процесса был некий Гай Кассий Лонгин, выдающийся судья, один из первых профессиональных юристов, которого император наделил консульством и важными постами. Тацит, несомненно, смакует

парадокс, говоря, что тот был известен либеральностью своих законодательных реформ. Но он был родом из строгого республиканского семейства и сам, будучи губернатором Сирии, насаждал необычайно строгую военную дисциплину. Подробности приписываемой ему речи не стоит изучать слишком буквально, поскольку Тацит повторяет историка поздней республики Саллюстия, которым сам восхищался. Хотя довольно легко было понять, какими должны быть аргументы Кассия: что римское общество, с его огромным подчиненным населением, состоящим из рабов, удерживаемых силой, непременно рухнет, если преступления, подобные этому, не будут беспощадно наказываться.

«Но после того, как мы стали владеть рабами из множества племен и народов, у которых отличные от наших обычаи, которые поклоняются иноземным святыням или не чтят никаких, этот сброд не обуздать иначе, как устрашением. Но погибнут некоторые безвинные? Когда каждого десятого из бежавших с поля сражения засекают палками насмерть, жребий падает порою и на отважного. И вообще, всякое наказание, распространяемое на многих, включает в себе долю несправедливости, которая, являясь злом для отдельных лиц, возмещается общественной пользой» (Тацит. *Анналы*, XIV, 44).

Эти и другие сенаторы, питавшие трусливое сочувствие к рабам, не осмелились высказать его и проголосовали за массовую казнь.

«Но, – продолжает историк, – этот приговор нельзя было привести в исполнение, так как собравшаяся толпа угрожала взяться за камни и факелы. Тогда Цезарь, разбранив народ в особом указе, выставил вдоль всего пути, которым должны были проследовать на казнь осужденные, воинские заслоны» (Тацит. *Анналы*, XIV, 45).

Для правительства, на которое оказывал сильное влияние Сенека, гуманный защитник прав рабов, это была печальная и разрушившая последние иллюзии миссия. И это было печально также и для юного императора с определенными либеральными идеями. Это был один из тех случаев, которые последовательно отталкивали Нерона от грубой реальности римской жизни.

Рабов нужно было подавлять внутри страны, а непокорных вассалов – за границей. Это также не являлось задачей, которая доставляла Нерону удовольствие, поскольку, наряду с одами своих поэтов, он предпочитал мир. На Востоке Нерон изначально предпринял попытку претворить свои желания в жизнь, но обстоятельства обрекли его на поражение. Теперь стало в равной степени невозможным избежать репрессивных военных действий в Британии.

Два вторжения Юлия Цезаря на остров более ста лет назад были наименее удачными из его походов и не дали результатов, кроме продолжительной разведывательной миссии. Римлянам нравилось создавать за границами своего государства полузависимые государства, но это оказалось недостижимым в Англии, где местные племена, отделенные барьером Ла-Манша, упрямо сохраняли свою независимость. Наконец, при правлении Клавдия, в период 43-48 годов, юго-восточная часть острова была завоевана и была установлена диагональная граница грубо вдоль рек Северн и Трент в Девоне через Аквы Сулии (Бат) и Ратаэ (Ratae, Лестер) за пределы Линдума (Lindum, Линкольн). По крайней мере, образовались три зависимых королевства: два в пределах новой границы (регны в Западном Сассексе и ицены в Западной Англии) и одно за пределами границы (бриганты в Йоркшире). Предводитель британцев в борьбе против римлян на юго-востоке Каратак потерпел поражение и бежал, сначала в Центральный Уэльс, а затем к королеве бригантов Картимандуе. Она передала его Клавдию (51 г.), который, ко всеобщему удивлению, пощадил его, сохранив ему жизнь.

Итак, в умиротворенной провинции закипела деятельность. Римляне быстро принялись добывать металл Британии. Серебро добывалось в Мендипе (Mendip), залежи свинца разрабатывались уже в 49 году, и монеты Нерона были обнаружены в кучах шлаков от железа Уэлдона (Wealden). Но Британия все еще была очень приграничной областью. В этом отношении она напоминала Армению на противоположном конце империи. Здесь первоочередной задачей Нерона было дать формальную независимость под римским контролем местному принцу Тиридату. Наверняка у Нерона возник соблазн поступить так же

в Британии, поскольку было бы удобнее, если бы местные кандидаты находились всегда под рукой. Одним из них был Когидубн (Cogidubnus), который управлял племенем регни внутри римской провинции и носил особый почетный титул – «короля и императорского легата». В его столице Новломаге (Novlomagus), Чичестер (Chichester), надпись, относящаяся к 58-60 годам, выражала педантичную почтительность Нерону, а в Фишбурне, на побережье Сассекса, Когидубн уже соперничал с Нероном своей резиденцией с колоннами и правительственными зданиями, которые позднее слились в один просторный дворец, раскопки которого велись в последние годы.

Однако ситуации, сложившиеся в Армении и Британии, были различны в жизненно важном отношении. За границами первой страны находилась мощная и независимая держава, королевство Парфия, и одобренный ею Тиридат намеревался достичь хороших отношений с ней. За границей Британии не стояло такой могущественной силы. Более того, сама граница была импровизированной и ненадежной, и был большой соблазн разобраться с восставшими за нею областями, аннексировав Уэльс, а позднее, возможно, и Йоркшир тоже. Миролобивые наклонности Нерона могли быть поколеблены предоставившейся перспективой легкодостижимых завоеваний, что привлекало всех без исключения императоров и даже тех из его советников, которые следили за престижем императора в родной стране.

В 58 году был назначен новый губернатор Британии с инструкциями следовать агрессивной политике аннексий. Его имя было Квинт Вераний. Греческий писатель Онасандр (Onasander) оказал Веранию честь, посвятив ему научное эссе по военному искусству, поскольку тот считался одним из самых выдающихся военачальников своего времени. Но весь план пришлось отложить, потому что очень скоро Вераний умер. Все, что он успел сделать, – это провести несколько незначительных набегов на Уэльс. Но в его завещании, как оказалось, содержалось хвастовство, что, если бы он прожил еще пару лет, он бы «покорил всю провинцию» – под чем, вероятно, подразумевался весь остров. Тацит,

который цитирует это притязание, возможно, мог бы одобрить его, поскольку разделял староримскую гордость военной агрессией и аннексиями. Однако вместо этого он предлагает насмешку, видимо, потому, что завещание Верания содержало пространную лесть императору. В любом случае историк не был готов представить Нерона в качестве свершавшего завоевания верховного главнокомандующего в традиционном римском понимании.

Сменивший Верания Гай Светоний Паулин немедленно возобновил продвижение вперед. Он посвятил два сезона покорению Северного Уэльса, включая Сноудонию (Snowdonia), и продвинулся вперед аж до Ирландского моря. Однако очень скоро стало ясно, что вся эта его деятельность останется безрезультатной, если племена Моны (англи) не покорятся. Этот остров – Мон-МамКимру (Mon Mam Сутга), легендарная мать Уэльса, – имел обширные хлебные поля и пастбища, которые приносили стране в целом большую часть дохода. Но прежде всего это было место сосредоточения друидов, фанатичных жрецов, которые являлись центральными фигурами в движении сопротивления. Тайники, обнаруженные в ЛлинКерриг-Бах (Llyn Cerrig Bach), состояли из подношений или же церковных налогов, которые они собирали или которые им были подарены. В тайниках были предметы военного снаряжения, некоторые даже из Юго-Западной Британии и Йоркшира. Среди предметов в тайниках имелись и цепи для пленников, а также военные трубы, привезенные из Северной Ирландии. Хотя Мона была уже довольно плотно заселена, она давала прибежище многим врагам Рима из Уэльса и других мест и обеспечивала базу снабжения остальным, которые еще находились в горах.

Клавдий подверг друидов проскрипциям, Нерон должен был искоренить их. А предприняв подобные действия, римляне не только разрушали враждебный местный культ с широкими ответвлениями (гораздо более пространный, чем намекали какие-либо древние авторы), но также устраняли исполнителей диких обрядов, которых не коснулась культура. Эти обряды включали в себя приношение человеческих жертв для посвящения своим божествам и предсказания, в процессе чего друиды «окропляли свои алтари кровью пленников и общались со своими богами при посредстве человеческих внутренностей». Новый губернатор Паулин, который ранее был военачальником в Северной Африке, отличился в борьбе против племен с Атласских гор, нанося удары по равнинам, которые снабжали горные племена. Теперь он предлагал сделать то же самое, заняв Мону, и со своей базы в Деве (Deva), Честер, он двинулся в атаку.

Римские легионеры переправились через пролив, но с большим трудом. Сама переправа была мучительной, а моральный дух армии был подавлен магическими заклинаниями, в которых друиды были большие мастера.

Светоний Паулин «...решает напасть на густонаселенный и служивший пристанищем для перебежчиков остров Мону и с этой целью строит плоскодонные корабли, не боявшиеся мелководья и подводных камней. На них он и перевез пехотинцев; всадники же переправлялись по отмелям, а в более глубоких местах – плывя рядом с конями.

На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого иступленного, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размещают гарнизон и вырубают их священные рощи, предназначенные для отправления суеверных обрядов» (Тацит. Анналы, XIV, 29-30).

Друиды умирали или спасались бегством, но их делу никоим образом не был положен конец. Во время гражданских войн в империи после смерти Нерона они снова появились, чтобы возглавить беспорядки в Галлии.

«Теперь, говорили они, губительное пламя уничтожило Капитолий, а это ясно показывает, что боги разгневаны на Рим и господство над миром должно перейти к народам, живущим по ту сторону Альп» (Тацит. История, IV, 54) ¹⁹.

На тот момент операция, которую Нерон доверил Паулину, была пока удачной, хотя этот успех был очень далек от постоянного, поскольку через каких-то семнадцать лет тесть Тацита Агрикола будет вынужден снова завоевывать Мону. Также он будет вынужден разгромить ордовиков, ближайшее племя на равнинах Уэльса, которое Паулину, очевидно, не удалось покорить.

Причиной, по которой губернаторы Нерона не смогли достичь большего, состояла в том, что, пока они противостояли сопротивлению на Моне, опасный мятеж разразился в Восточной Англии. Восстали ицены. Это племя, жившее на равнинах Норфолка, Саффолка и Кембриджшира, давно и успешно управлялось под римским надзором его царем Прасутагом. Теперь он умер (59 г.) и сделал императора сонаследником вместе со своими двумя дочерьми. Будучи вассальным царем, Прасутаг не мог законно завещать свой трон своим наследникам. Но вероятно, он надеялся, что с поддержкой Нерона его дочери смогут совместными усилиями встать во главе племени. Римляне же решили этот вопрос по-иному. Возможно, они всегда намеревались присоединить вассальную территорию, когда ее правитель умирает. Во всяком случае, они проявляли беспокойство по поводу ее лояльности, потому что ицены представляли собой недовольное включение внутри римской границы, установленной Клавдием. Теперь их беспокойство значительно возрастало от присутствия грозной вдовы покойного монарха Боудикки (Боадицеи). Хотя, судя по историку Диону Кассию (см. приложение 2), Боудикка была достаточно умна, она не получила никаких прав как одна из основных наследниц, поэтому, если даже королевство и продолжит свое существование, оно не будет принадлежать ей. Прасутаг, составляя свое завещание, вне всяких сомнений, понимал, что Рим, который навлек на себя неприятности, поддерживая королеву Картимандую племени бригантов в Йоркшире, не захочет иметь дела с еще одной вдовой.

И в самом деле, римляне решили, что королевское семейство иценов должно прекратить свое правление. Было не слишком приятной миссией сообщить об этом Боудикке. Дион Кассий пишет, что она была очень высокой, с устрашающей внешностью, со взглядом очень жестоким, голос ее был грубым, огромная грива очень светлых волос спадала ниже талии, вокруг шеи было тяжелое золотое ожерелье; она носила тунику жемчужного цвета, поверх которой был накинута плотный плащ, пристегнутый брошью. Даже если это описание носит определенные шаблонные черты Благородной Дикарки, все же местные императорские агенты, видимо, были встревожены этой свирепой женщиной, которая называла императора «мисс Домицией Нерон» и чувствовала себя вполне благополучно, ни в коей мере не потревоженная его губернатором, который находился далеко в Уэльсе. Поэтому тревога вынудила императорских чиновников вести себя очень своевольно.

Римскими провинциями обычно управляли как губернатор, так и императорский агент или прокуратор (в основном занимающиеся финансовыми вопросами), и они иногда заменяли друг друга. Кроме того, император имел различных местных представителей, в основном бывших рабов, присматривающих за определенными императорскими имениями, владениями и доходами. В 53 году Клавдий предпринял опасный шаг, наделив своих главных агентов в каждой провинции правом принятия решений, равным по закону его собственному решению, и правительство Нерона унаследовало этот закон и страдало от его последствий. Хотя управление в основном было неплохим, мы слышим об ужасающе несправедливом поведении его агентов, которые превышали свои полномочия – к примеру в

¹⁹ Здесь и далее цит. по кн.: Корнелий Тацит. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. Л.: Наука, 1970.

Испании и Египте. В последней провинции, где такие чиновники держались мертвой хваткой, эдикт, изданный губернатором сразу после смерти Нерона, показывает, что имелись многочисленные случаи мелкого мошенничества.

В Британии, где теперь дела шли не так уж плохо, Сенека не мог помочь улучшить положение, поскольку, судя по некоторым данным, он ссудил бриттам десять миллионов сестерциев и настаивал на возвращении долга с соответствующим процентом. И хотя это вряд ли можно считать необоснованным (даже для морализирующего философа), похоже, это стало одной из дополнительных причин недовольства бриттов. Однако беспорядки возникли не столько из-за ссуды Сенеки, сколько из-за римских налогов. Поскольку таким полувцивилизованным племенам не нравилось платить регулярные налоги, они больше предпочитали беспорядочные и неравномерные взимания.

К сожалению, тем не менее взимались и регулярные, и дополнительные налоги, поскольку теперь римские агенты принялись конфисковывать земли, которые Клавдий оставил в руках иценской знати. Судя по официальной версии, главный императорский агент Кат Дециан лишь требовал выплаты ссуд, данных еще Клавдием, но результат был таким же. Его намерением, вне всяких сомнений, было оставить бриттов настолько обнищавшими, что они не будут в состоянии поднять восстание. Римляне имели все основания полагать, что немедленным результатом аннексий будет бунт, и считали, что отъем основных имений сделает это невозможным. Но если так, они просчитались, потому что за этим последовал именно такой жестокий мятеж.

Как только взбунтовались ицены, их соседи тринобанты, которые населяли Эссекс, присоединились к ним, вероятно сочтя Боудикку предводительницей всего движения. Тринобанты опять же имели особые основания для недовольства. Когда Юго-Восточная Англия попала под контроль Клавдия, с их территорией с самого начала обращались как с завоеванной землей. На месте их старой столицы Камулодуна (Кольчестер) Клавдий основал новую столицу всей провинции, заселив ее «колонией», или поселением бывших римских солдат. Это отняло значительные земли у лишенной собственности местной знати и не завоевало доверия местных народов, которые чувствовали, что у них нет защиты от любых других попыток захватов, которые поселенцы могут вознамериться совершить. К тому же там стоял гарнизон, который вел себя не лучшим образом. Более того, новое учреждение Клавдия включало большой и пышный храм, посвященный его собственному божеству, что было обычно в провинциальных столицах. Располагаясь на месте бывшего кольчестерского замка, возникший культ оказался слишком дорогим для бриттов. Им полагалось выбирать ежегодно местного высокого жреца и жрицу божественного правящего императора. Пользующиеся бенефицией священнослужители были вовлечены в большие расходы, которые они усердно возмещали за счет собственных несчастных народов. А племена, которые были вынуждены платить за содержание храма и жрецов, были малочисленны, по видимому, число их не превышало десяти.

Подобная система работала в Галлии, обеспечивая эффективную преданность Риму. Но бритты, не имеющие за собой традиции общих собраний, никоим образом не были готовы к такой резкой перемене от независимости к статусу римской провинции. Такое было лишь в определенных областях, а именно в некоторых частях Хертфоршира, где лачуги местных жителей начинали заменяться домами римского типа, а военные вожди – землевладельцами. Романизация не зашла столь далеко, как полагали римляне. Они снова просчитались, когда создавали Камулодуну благоприятные условия для развития, но не защиту – там имелись здание Сената и театр, но не было никаких фортификационных укреплений.

В результате римское население в Британии и правительство Нерона в Риме потерпели ужасную катастрофу. Камулодун был взят за два дня, и его маленький гарнизон, который забаррикадировался в храме, пал жертвой в общей резне. Освободительные силы не смогли пробиться туда, и непопулярный представитель императора Кат Дециан сбежал в Галлию. Тогда и город-порт Лондиний (Лондон), о котором мы впервые слышим, перешел в руки восставших, а также и Веруламий (Сент-Альбан). Паулин, который теперь снова находился

на юго-востоке, был вынужден принять ужасное решение сдать эти города. Число римлян или романизированных бриттов, убитых восставшими, насчитывало до семидесяти тысяч или более. Тем не менее перспективы Боудикки были ограничены, потому что она не получала никакой помощи за границами Йоркшира, где Картимандуя, заручившись поддержкой римлян против своего собственного инакомыслящего населения, не была готова противостоять режиму. И возможно, где-то рядом, в Уорикшире, Паулин победил мятежников в решающей битве. Как Тацит, так и Дион Кассий описывают битву как риторическую декорацию. Но хотя оба отчета в равной степени обстоятельны, они совершенно несовместимы друг с другом. В описании событий после сражения также есть расхождения. По утверждению Тацита, Боудикка отравилась. По версии Диона Кассия, она заболела и умерла. В любом случае с освободительным движением было покончено.

Мирная романизация

Нерону пришлось принимать решение – либо принять политику репрессивную, либо соглашательскую. Паулин был за первый подход, в то время как новый императорский агент Классичан, который недолюбливал его и был женат на благородного происхождения галльской девушке (его могила находится в Британском музее), склонялся к терпимости. Император послал влиятельного грека-вольноотпущенника, министра Поликлита, разведать сложившееся положение дел. После того как он и его огромный эскорт приехал и уехал, стало ясно, что он сделал отчет в пользу соглашательского подхода. Следовательно, выждав некоторое время в порядке приличия, Паулина заменили. Тацит винит его преемника в неспособности возродить политику агрессии, но это было бы несвоевременно – особенно потому, что Нерону нужны были легионы на Востоке. Тацит также воздерживается от выказывания следующему губернатору уважения за его благоразумную политику мирной романизации. Но это потому, что историк желает оставить все возможные похвалы для последующего губернаторства – своего тестя Агриколы.

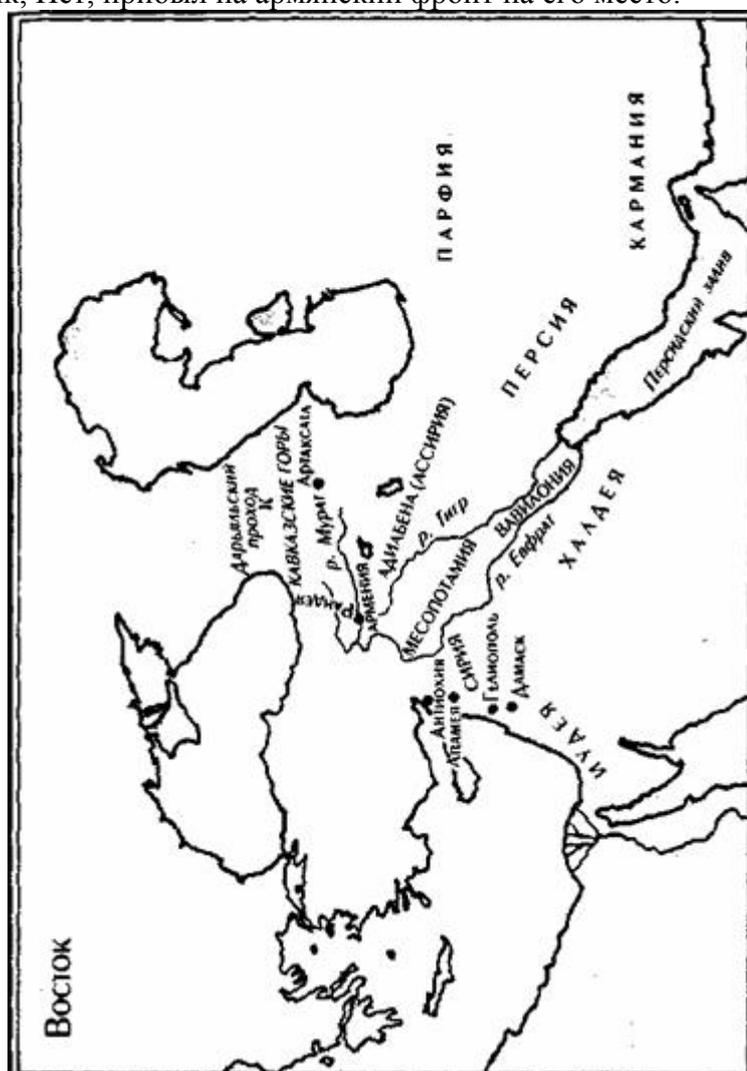
Британские города были выстроены вновь, культ императора возрожден и перенесен в более удобный центр в Лондон, который вскоре стал столицей. На римских монетах появились изображения воинственных фигур, чтобы шовинистам не на что было пожаловаться. Но был выбран курс на мирную политику.

Тем временем Армения, на границе другого конца римского мира, тоже переживала период войн. Мирная политика, которую Нерон пытался претворить на практике, признав Тиридата, ставленника Парфии и сводного брата ее царя, а также и римского кандидата, не оправдала себя на практике. Корбулон, выдающийся римский военачальник, очевидец этого, искал с ним встречи, но потерпел неудачу, и поэтому были рекомендованы военные действия. Это означало, что, по крайней мере временно, Нерон был вынужден изменить свою политику. Невозможно было продолжать пытаться покровительствовать тому, кто поднял оружие против Рима. Следовательно, правительство империи решило вернуться к порочной, непрактичной старой политике официального введения на этот пост вместо него проримской, антипарфянской марионетки (приблизительно 60 г.). Такой ставленник, Тигран V, который даже не принадлежал к местной царской фамилии, а был родом из Каппадокии в Малой Азии, был должным образом возведен на трон Армении при поддержке римских войск. Одновременно полоски его территории были розданы некоторым соседним монархам в надежде, что это удержит их от того, чтобы противостоять или вредить ему, но и эти меры вряд ли могли внушить армянам любовь к чужестранцу Тиграну.

Эти приготовления были обречены на неудачу. Неизвестно, сам ли Нерон или его советники, благоволившие к прежнему мирному, сохраняющему лицо подходу, довольно цинично уступили консервативному давлению и стали вести традиционную антипарфянскую политику, но в данных условиях она не могла принести успеха. Во всяком случае, Тигран, с подачи римлян или без нее, почти сразу же предпринял ничем не спровоцированное крупномасштабное нападение на соседнюю страну Адиабену (Ассирия), которая была

вассалом Парфии. В результате, естественно, парфянский царь Вологез I открыто начал военные действия против Тиграна, и армянский вопрос стал теперь основным вопросом парфо-римской политики. Вологез официально короновал Тиридата царем Армении, приказал ему изгнать чужестранного узурпатора и мобилизовал свои собственные силы для крупномасштабных операций в его поддержку.

В этот момент правительство Нерона решило, очевидно по рекомендации Корбулона, разделить восточное командование (61 г.). За южными пределами азиатской границы лежала область, наиболее удаленная от Армении, – густонаселенная, с римским гарнизоном, провинция Сирия, чье очень высокое благосостояние в те времена до сих пор символизирует гигантский храм Юпитера времен Нерона в Гелиополисе (Баальбек). Как только разразилась война с Парфией, Сирия немедленно стала уязвимой; и поэтому было решено, что теперь Корбулон должен двинуть свои войска в эту провинцию с целью усиления ее защиты, в то время как новый главнокомандующий был послан разбираться с Арменией. Однако перед походом на север Корбулон отправился на помощь Тиридату. Цари Парфии, которые не питали никаких иллюзий относительно конечного превосходства в силе Рима, быстро предложили переговоры о далеко идущем замирении. Но их делегация к Нерону с подобными предложениями не достигла успеха. Тем временем Корбулон отправился в Сирию, а его преемник, Пет, прибыл на армянский фронт на его место.

Теперь стало ясно, что правительство Нерона решило больше не ставить марионетку на престоле Армении, а вести по отношению к Армении политику аннексий. Недавно преваляровали аргументы в пользу дальнейших завоеваний Британии, и этот курс политики там был лишь временно приостановлен, поскольку бритты подняли восстание, недавно подавленное. Такая же экспансионистская политика теперь была опробована в Армении. Это

была неудачная идея: ни местные народы, ни парфяне не смирились бы с ней, а страна была обширной и горной, с дикими, плохо очерченными и почти неопределенными простирающимися границами. Но план совместного парфо-римского ставленника провалился, и правительство также, очевидно, пришло к заключению, что восстановление римского ставленника Тиграна тоже не сработает, по крайней мере без продолжительной и массивной интервенции, и поэтому этого неудачливого, опрометчивого человека спокойно забыли.

Однако политика аннексий быстро зашла в тупик, так как Пет позволил, чтобы его окружили парфяне в Рандее (крепость к северу от реки Мурат), где он был вынужден капитулировать. По-видимому, он также был вынужден пойти на унижительные условия, включая вывод войск из Армении в ожидании переговоров между Вологезом и Нероном. Но в этом мы не можем быть уверены, потому что черпаем сведения исключительно из мемуаров Корбулона, который ненавидел Пета, и хотя тот вернулся из Сирии ему на помощь, вне всяких сомнений, не слишком спешил. Даже Тацит, хотя и восхищается Корбулоном, признает, что не все им написанное верно ²⁰.

Во всяком случае, Пет, как только парфяне отпустили его, покинул сцену своей катастрофы с панической скоростью – сорок миль в день, бросая по пути своих раненых на произвол судьбы.

Поскольку патриции, чья вина состояла в родственной связи с императорской фамилией, привыкли получать безжалостное обращение от Нерона, можно было ожидать, что такой военачальник, как Пет, столь униживший Рим, его императора и его воинство, будет иметь большие неприятности. Но вовсе нет. Когда побежденный главнокомандующий вернулся домой, ожидая худшего, Нерон сказал ему, что он прощен. И добавил с ласковой угрозой, что предаст гласности эту новость немедленно, поскольку продолжительная неопределенность повредит здоровью того, чьи нервы, очевидно, столь хрупки. Таким образом, Пет остался жить, чтобы занять в последующем новый пост главнокомандующего на Востоке в правление следующего императора.

В Армении, как и в Британии, сторонники захватнической политики в совете Нерона не смогли достичь своей цели. Затем вернулись к самому началу и к мирной политике в отношении официально одобренного Римом кандидата, человека, которому благоволили и парфяне также, – Тиридату. Вероятно, именно этого хотели в то время Нерон и те из его друзей, которые поддерживали его, и его снисходительный прием Пета, похоже, подтверждал это подозрение. Во всяком случае, именно так обернулось дело. После специальной встречи с консулом императора Корбулон, снова переведенный на армянский фронт, был вынужден совершить военный бросок в Месопотамию, чтобы, несмотря на то что он так и не дал главного сражения, о победе можно было должным образом сообщить римскому Сенату и народу. Тогда он снова попытался устроить встречу с Тиридатом (63 г.), и на этот раз она состоялась. После обмена всяческими любезностями, как того требовал этикет, похоже, была достигнута договоренность, что римляне уберут свои войска из Месопотамии при условии, что парфяне уйдут из Армении. Тиридат публично снял свою тиару и возложил ее к ногам статуи Нерона. Тиара должна была быть возвращена ему самим императором в Риме, куда, как было запланировано, Тиридат явится в должное время, чтобы нанести визит.

Нерону было трудно достичь урегулирования этого вопроса, но когда оно в конце концов было достигнуто, оно было превосходным. Нельзя было ожидать, что Тацит и другие историки одобряют его, потому что они были наследниками аристократической экспансионистской традиции. Но решение Нерона было дипломатичным и принесло мир всему региону на период не менее пятидесяти лет, до тех пор пока Траян не вернулся к более жесткой политике и снова вторгся в Армению и Месопотамию. Такой длительный мир на

²⁰ Мнения Тацита в «Анналах» и Диона Кассия не вполне совпадают.

этих территориях был беспрецедентным. Единственный правитель, который сделал попытку дипломатической договоренности раньше, Август, был вынужден скрывать свои мирные цели от консервативного мнения римлян, чеканя монеты с надписями: «Армения покорена», «Армения снова покорена». Но политика Августа не продлилась, потому что его армянский ставленник был принят Парфией очень неохотно и умер вскоре после этого, в то время как замирение Нерона удачно продолжалось. В этом большая доля его личной заслуги, потому что именно он, хотя и был молод, одержал верх над консулами, чьим генеральным директивам от его имени были вынуждены подчиняться даже такие упрямые военачальники, как Корбулон.

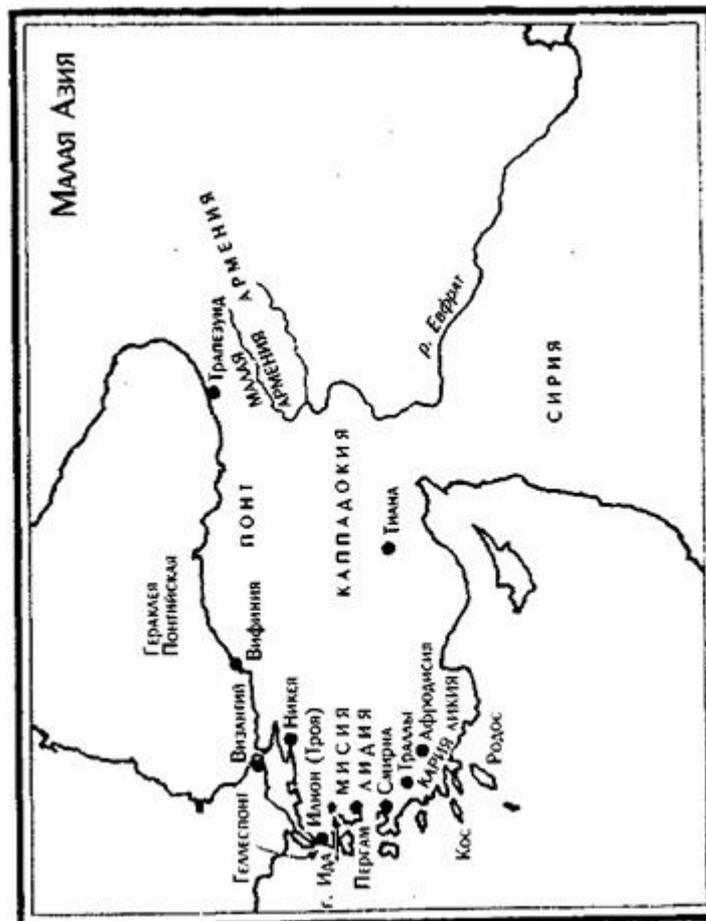
Жаль только, что такой успех не мог быть более зрелищным, потому что подобный вид триумфов Нерон любил больше всего, ибо они позволяли продемонстрировать блистательное помпезное зрелище. Но в этом, как мы увидим, он позже достиг беспрецедентного размаха, когда Тиридат, почти три года спустя после замирения 63 года, появился в Риме.

Глава 7. ЭКСПАНСИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, Армения не была аннексирована, и историки, которые недолюбливали Нерона, упрекали его за то, что он не расширил империю, как следовало бы поступить могущественному императору, – ведь в других местах за время его правления аннексии происходили. Их, по-видимому, было всего четыре – две не очень важные и две гораздо более значительные. На границах самой Италии у подножия Коттиевых Альп Сузы (Segusio) и важнейший переход Монт-Женевр (Mont Genevre) были переданы из рук вассальной династии в непосредственное подчинение римскому правлению. На границе с Сирией также величественный город Дамаск, который в течение двадцати лет контролировался вассальным арабским монархом, как следует из монет, был вновь аннексирован Римом в 62-63 годах с целью упрочения границ.

Кроме того, в верхнем конце восточной границы, как мы снова узнаем из монет, важная полоса территории Малой Азии была добавлена к империи в 64 году под названием Малая Армения. Это было вассальное Понтийское царство, его монарх был тогда смещен, но ему было позволено переехать в другое феодальное поместье, которым он обладал на юго-восточном конце полуострова. Это Понтийское царство, примыкающее на западе к давно существующей римской провинции Понт и Вифиния, включало прежде независимый город Трапезунд (Трабзон, Трабезонд), который теперь стал важным приграничным постом.

Трапезунд был стратегически выгодно расположен на Черном море, и в течение всего времени, предшествующего этой аннексии, мы имеем некоторые неясные фрагментарные свидетельства, по большей мере в форме надписей и монет, из которых можно предположить, что политика Нерона и его советников в течение значительного времени была направлена на то, чтобы превратить Черное море в безопасное римское озеро, подобное Средиземному морю.

Постоянно изменяющиеся границы между Парфией и Арменией создавали сложную приграничную ситуацию на ее азиатском побережье, и европейское побережье Черного моря было также ни в коей мере не безопасно. Римское правление простиралось до Днестра и далеко за него. Киммерийским Босфором (Крым) правил вассальный монарх, удачливый владелец огромного состояния в зерне, чья политика в этой области также обеспечивала огромную и прибыльную работорговлю в Риме. Но вдоль побережья между Днестром и Крымом существовали лишь островки греко-римской цивилизации. Монеты одного из таких мест, Тира (Белгород) на Днестре, датируются периодом начиная с 57 года, из чего можно предположить, что именно в том году Нерон взял город под контроль империи. Но приблизительно в 60 году возникли угрожающие волнения племен на нижнем Днестре, и губернатор Нерона Тит Плавтий Сильван Элий (родственник первой жены Клавдия) восстановил порядок на территории, где теперь находится современная Румыния. Переселив сто тысяч живших за Днестром к югу от него – царей, женщин, детей и остальных, он захватил полосу Валахии и вступил в союз с вождями Молдавии и греческими прибрежными городами.

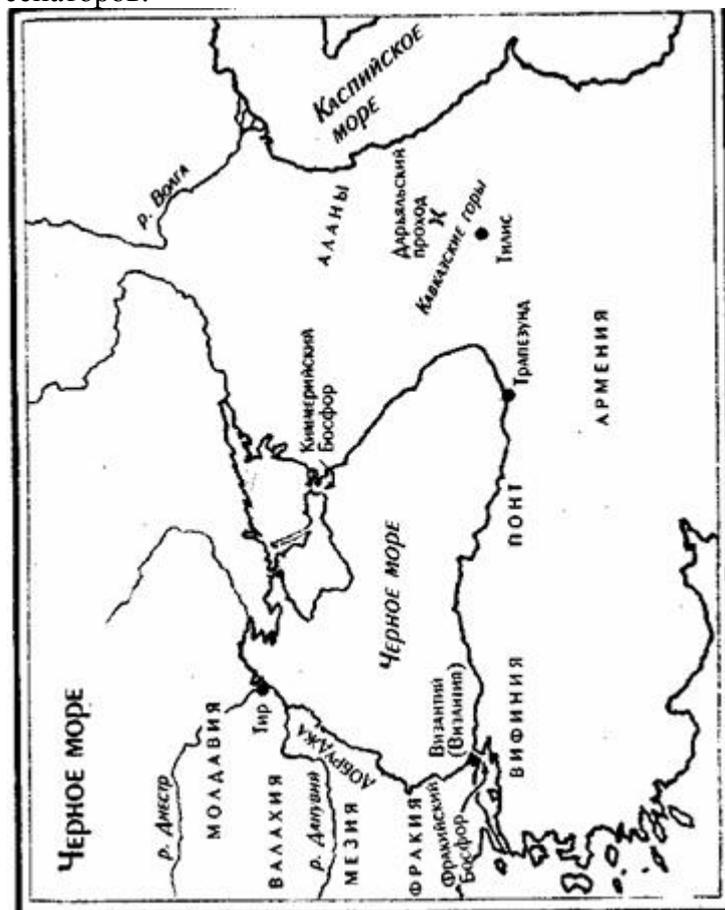
Он также вторгся в Крым и, следовательно, объявил, как свидетельствует надпись, себя первым, кто отправил оттуда огромные запасы зерна в Рим.

Удаление портрета местного монарха с крымских монет в 62-63 годах, когда портрет Нерона и его имя появляется безо всяких упоминаний о царе, предполагает, что Крым был покорен и стал непосредственно зависеть от римлян, таким образом составив четвертую из аннексированных Нероном территорий. Но если так, это положение не продлилось после его смерти. До того были новые восстания племен в Доброгее (Dobrogea, Добруджа).

Итак, политика Нерона в этой области осталась незавершенной. Однако это, очевидно, имело целью установить те же самые меры безопасности для торговли в отдаленных областях, какие уже существовали на всех имперских территориях дальше на запад и юг.

Поиски янтаря

Нерон и его помощники из соображений, варьирующих от научного любопытства до простого стяжательства, были очарованы дальними странами и горели нетерпением их исследовать. К примеру, император очень хотел заполучить янтарь. Его ближайшей целью, как оказалось, было устроить прекрасное зрелище на гладиаторских играх. Но здесь крылось не только это. Торговля янтарем из Ютландии и Балтики восходит ко II тысячелетию до н. э., но хотя янтарные пути были хорошо известны, торговля оставалась все еще в руках местного населения. Было бы неплохо изменить это положение, насколько это возможно, потому что торговля янтарем интересовала стороны, включая императора, стремившиеся завладеть этим прибыльным делом. Но даже за пределами самых отдаленных просторов Римской империи нужно было пересечь целых четыреста рискованных миль, прежде чем достигнуть Балтийского побережья. Во время правления Нерона некий римский патриций, доверенный начальника императорских гладиаторов Юлиан, совершил такое путешествие. Он пересек Данувий на границе с Карнунтом (Панония, Petronell) и проник на север, туда, где теперь располагаются Чехословакия и Польша. Он добрался до Балтики и совершенно случайно привез назад столько янтаря, что император, по словам Плиния Старшего, на одном из своих пышных зрелищ смог покрыть сети безопасности, оружие и даже гробы этим материалом. Но долгосрочные результаты были более значительными, и на севере римская торговля процветала. В других отношениях деятельность Нерона на германской границе и за ее пределами была не очень значительной. Он нанял телохранителей германцев, отказал в разрешении одному из своих губернаторов на Рейне прорыть Мозелло-Саонский канал, потому что это могло обеспокоить галлов, а также отказался позволить обитателям Фризии поселиться на прибрежной полосе территории империи между Рейном и Зейдер-Зе. Тем не менее визит двух фризийских посланников в Рим вызвал смех, поскольку в театре из национальной гордости они имели наглость расталкивать всех локтями, чтобы пройти вперед и сесть среди римских сенаторов.

«Прибыв в Рим и дожидаясь, пока их примет занятый другими делами Нерон, они

попали, осматривая все то, что показывают варварам, и в театр Помпея, куда их привели, чтобы они увидели собственными глазами, как богат и могуществен римский народ. Там, не зная, чем себя занять (ибо по своей дикости не могли оценить представления), они принимаются расспрашивать, кем заполнены ряды амфитеатра, как размещаются в нем сословия, где всадники, где сенаторы, и замечают на сенаторских скамьях некоторых, в ком по одежде узнают чужестранцев; осведомившись, кто это, и услышав в ответ, что такая честь даруется послам тех народов, которые отличаются доблестью и дружественным расположением к римлянам, они восклицают, что никому из смертных не превзойти германцев ни на поле сражения, ни в преданности, спускаются вниз и усаживаются среди сенаторов» (Тацит. *Анналы*, XIII, 54).

От Балтики до Центральной Африки

Довольно значительным достижением за правление Нерона было то, что экспедиции из Рима посещали не только Балтику, но и Центральную Африку. Африканская экспедиция, которая, вполне вероятно, отправилась из Рима в 61 году, состояла из небольшого отряда преторианских охранников, включая, возможно, пару офицеров.

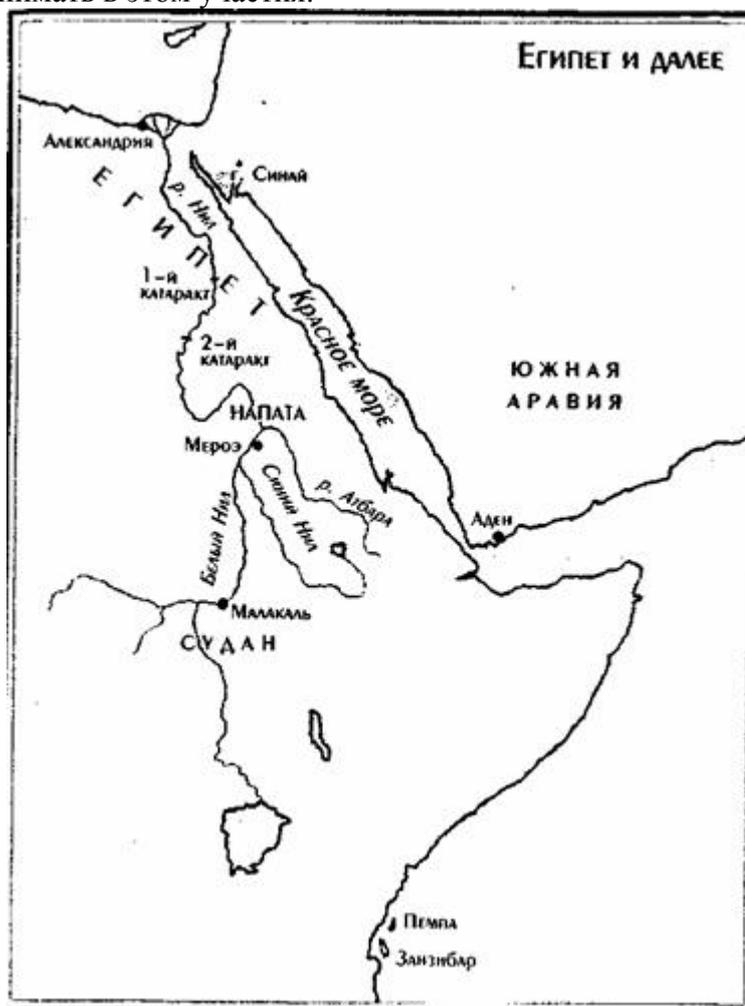
Приплыв в Египет, они пересекли южную границу империи недалеко от 1-го катаракта (First Cataract), в месте теперешней границы Египта с Суданом, и затем проследовали на юг, в Судан. Они пересекли Нил с Атбарой и достигли Мероэ (Bakarawiga), столицы Напаты – независимого государства, с которым Рим поддерживал отношения.

Здесь жители Напаты обеспечили им военный эскорт, и они двинулись дальше на юг. В конце концов они подошли к необъятным болотам, где видели растения, настолько «перепутанные с водой», что они были непроходимы, за исключением, возможно, каноэ на одного человека. Это описание явно указывает на Судан, болотистую область плавающих островов из растительности на Белом Ниле к югу от Малакаля, на Верхнем Ниле – в

провинции Судана – область, которая была вновь открыта лишь в 1839-1840 годах.

Исследователи проникли за тысячи миль вне границы империи, если считать по прямой, в действительности конечно же их путешествие длилось гораздо дольше. Когда они, в конце концов, снова вернулись домой, их расспрашивал о путешествии Сенека, который выслушал их рассказы о длиннохвостых попугаях, носорогах, слонах, бабуинах с собачьими лицами – и, если уж на то пошло, также и о людях с собачьими головами. Они также показали ему – или скорее подарили – немного эбенового (черного) дерева, что привезли с собой. Но они были вынуждены сообщить, что царство Напата бедно и слабо, мало заселено, а его столица Мероз в упадке. Поэтому, если Нерон и его правительство надеются воспользоваться этим государством в качестве плацдарма для политической экспансии, они больше не станут принимать в этом участия.

Однако причина, по которой император и Сенека отложили эту замечательную экспедицию, остается непонятной. Что было причиной – интересы торговые, политические или научно-исследовательские? Торговля и политика не были связаны так близко, как стали восемнадцать веков спустя, и императорская поддержка коммерческих начинаний была в основном косвенной, состоящей в обеспечении мира, надежных дорог и безопасных морских путей, по которым один корабль мог перевозить шестьсот человек. Однако императоры, естественно, благоволили деловой активности, что означало не только преуспевание, но и спокойствие, или, другими словами, удовлетворение политических амбиций.

Министры Нерона тоже имели причины придерживаться той же линии, поскольку были греками, а люди восточного происхождения были знакомы со всеми восточными купцами, которые контролировали торговлю империи. Более того, это было время, когда вольноотпущенники восточного происхождения делали себе сенсационные состояния, – тип людей, которых Петроний выводит в образе миллионера Трималхиона, добившегося успеха лишь благодаря самому себе.

«Но человек никогда не бывает доволен: вздумалось мне торговать. Чтобы не затягивать рассказа, скажу коротко – снарядил я пять кораблей. Вином нагрузил, – оно тогда на вес золота было, – и в Рим отправил. Но подумайте, какая неудача: все потонули. Не выдумка, а факт:

в один день Нептун проглотил тридцать миллионов сестерциев. Вы думаете, я пал духом? Ейей, я даже не поморщился от этого убытка. Как ни в чем не бывало снарядил другие корабли, больше, и крепче, и удачнее, так что никто меня за слабого человека почесть не мог... В первую же поездку округлил я десять миллионов. Тотчас же выкупил я все прежние земли моего патрона. Домик построил; рабов, лошадей, скота накупил; к чему бы я ни прикасался, все выросло как медовый сот. А когда стал богаче, чем вся округа, тогда – руки прочь: торговлю бросил и стал вести свои дела через вольноотпущенников» (.Петроний. Сатирикон, 76).

Неспокойные моря тогда невозможно было проконтролировать. Но контролировать законность человеческих поступков – можно. И обеспечение безопасных условий для торговли было одним из мотивов, которые заставляли имперское правительство уделять неустанное внимание поддержанию безопасности по всей империи. Чтобы иметь мир внутри границ, необходимо было иметь хорошие отношения с народами, живущими вне их, – лучше всего (чего прежним императорам не удалось достичь в Британии), если возможно, поддерживать непрерывный пояс небольших государств, которые, будучи независимыми для видимости, в действительности зависели бы от римского покровительства. Экспедиция в Центральную Африку была связана именно с такими соображениями. Напата, если бы она не оказалась такой слабой, могла бы стать именно такого рода буферным государством, с которым римлянам нравилось бы поддерживать отношения. Возможно, римские гости оказывали ей поддержку, какую только могли, выступая против ее соседа с другой стороны – Аксума в Эфиопии. Но на востоке обоих царств простиралось Красное море, в котором римляне и их левантийские грузоотправители были чрезвычайно заинтересованы из-за торговли с Индией, которая в то время уже вела торговлю, основываясь на гораздо более точных знаниях о муссонах. Вполне возможно, хотя это до сих пор не ясно, что люди из центральной части Римской империи оккупировали некое место на юго-западе Аравии недалеко от Адена, возможно Сиагрос (Syagros), Кейп-Фартак (Cape Fartak). И что за время правления Нерона путешественники с территории империи достигли даже мест дальше к югу – вплоть до места, носившего название Мунуфиас (Menuthias), что было Занзибаром или Пембой.

Научные исследования

Нерон с готовностью заражался энтузиазмом исследовательских проектов. Именно он пытался измерить глубины предположительно бездонного озера Алкион рядом с Лерной в Греции с помощью звука. Таким отношением он во многом обязан Сенеке, который был страстно заинтересован в исследованиях с научной точки зрения. В юности он жил в Египте и написал монографию об этой стране, а кроме того, он изучал Индию. Теперь он готовил материал для восьмитомного труда, озаглавленного «Естественные вопросы», большая часть которого сохранилась до наших дней. Его предметом служила естественная наука во многих аспектах – природа огня, воздуха и воды, природа ветров, землетрясений и комет. Неудивительно, что Сенека хотел расспросить людей, вернувшихся из Центральной Африки, поскольку надеялся, что они открыли истоки Нила.

Подобная деятельность не соответствовала его философской убежденности, что земля – это единое братство людей, объединенных Римом.

Ничто на своих не оставил местах Мир, открытый путям, Индийцев поит студеный Араке, Из Рейна перс и Альбиса пьет.

(Сенека. Медея, 370)

«Естественные вопросы» выражают ту же самую мысль более детально. Наверняка Нерона ободряли слова Сенеки, обращенные к нему или к его совету с предсказаниями – сделанными в просветительском, научном стиле – того, что люди будущих поколений будут знать гораздо больше, чем современники Сенеки, что многое останется векам, в которых сотрутся их имена: мир сам по себе не так уж велик, если не считать того, что он ставит вопросы, достаточно великие... Великие открытия совершаются медленно, особенно когда работа спорится неспешно.

И Сенека, будучи испанцем – младшим соотечественником великого географа Помпония Мелы, хотя тот был родом из Тингентеры рядом с Гибралтаром, – записал некоторые незаурядные примеры на тему, о которой он думал. С одной стороны, он был убежден, что Испания вскоре будет общаться с Индией через океан. Он предсказал открытие новой трансатлантической земли, которая заменит полулегендарную Тулу (Исландия или Норвегия) как край земли. Грекосирийский ученый предыдущего века Посидоний сказал, что Испания и Индия находятся на расстоянии 7700 миль. Но Сенека с оптимизмом, не оправданным до эры аэропланов, полагал, что вскоре можно будет добраться из одной страны в другую всего за несколько дней.

Глава 8. НОВЫЕ СОВЕТНИКИ И НОВАЯ ЖЕНА

В 62 году умерло сразу несколько человек, которые играли важную роль в жизни Нерона. Четыре из этих смертей мало отразились на нем, поскольку умершие потеряли свое влияние на него задолго до этого. Двое из них были прежними министрами – Паллант, который достиг могущественного положения при Клавдии, и Дорифор, который, как предполагается, был любовником Нерона в его юные годы. Нет причин верить неизбежным слухам, что он ускорил конец их обоих.

Однако с двумя другими, Рубеллием Плавтом и Фаустусом Суллой, дела обстояли по-иному. Рубеллий мог похвастать происхождением от Августа, что было почти сравнимым с происхождением самого Нерона, а Сулла, потомок великого диктатора, носившего то же имя, и Помпея, был женат на одной из дочерей Клавдия. Как и двое министров, умерших в том же году, они сошли с римской сцены за несколько лет до этого. Ведь Рубеллий и Сулла жили в изгнании. Но, как мы уже могли убедиться, ни одному частному лицу, имеющему отношение к императорскому дому, не позволялось продлить свое существование на долгие годы, и люди в ссылке обычно жили недолго, поскольку было довольно легко передать приписываемые им высказывания подозрительному Нерону. Решение предать их смерти, по словам Тацита (что усиливает их трагедийность), было принято из-за смерти другого человека, которая послужила жестоким прецедентом и в общем оказала большое и далеко идущее влияние на правительственную политику. Имеется в виду смерть Бурра. Предполагалось, что снова подействовал яд императора, хотя Бурр, по-видимому, почил вследствие естественной причины – абсцесса или рака шеи или горла.

Нерон решил заменить его, как командира преторианской гвардии, не одним офицером, а двумя, – решение, которому отдавалось предпочтение в ранние дни правления Августа. Количество административной, юридической и консультативной работы, предусматриваемой этой должностью, помимо чисто военных обязанностей и членства в императорском совете, оправдывало разделение должности на двоих, что также помогало предотвратить опасность того, что командир охраны может обрести слишком большую власть. Но это разделение ни в коей мере не означало, что один из коллег станет ближе императору, чем другой. Так было и сейчас. Одним из двух новых командиров стал Фений Руф, любимый караульными стражами и пользующийся всеобщей популярностью, поскольку прежде отвечал за поставки в Рим зерна и справлялся со своими обязанностями без какой бы то ни было выгоды для себя. Но он не был слишком впечатляющей личностью,

и его быстро затмил другой командир, разделявший с ним пост, – Гай Офроний Тигеллин.

Карьера Тигеллина была необычной. Он доводился сыном сицилийцу из Агригента, который счел благоразумным покинуть остров. Юноша воспитывался среди домашней челяди Агриппины и ее сестры и был изгнан Калигулой по подозрению в прелюбодеянии сразу с двумя этими высокими матронами. Пожив некоторое время в Греции, занимаясь рыбной ловлей, он снова появился в Южной Италии. Здесь он сделал себе состояние, став землевладельцем и заводчиком скаковых лошадей для цирка, и именно этим он привлек расположение Нерона, который сделал его начальником караула. Теперь, в 62 году, он разделял с Фением Руфом пост командира преторианской гвардии.

Тацит приписывает Тигеллину отталкивающий характер, обвиняя его в разврате, вероломстве, жестокости, жадности и циничной торговле человеческими жизнями.

«...Тигеллин, человек темного происхождения, провел молодость в грязи, а старость – в бесстыдстве» (Тацит. История, 1, 72).

Был ли он, следовательно, назначен на этот высокий пост потому, что был любителем лошадей, как Нерон, или же потому, что они питали страсть к одинаковым развлечениям? Это не могло быть решающим доводом для назначения на столь высокий пост, если бы правление проявляло высокую степень ответственности. Мы, конечно, не знаем ничего хорошего о Тигеллине. Но ненависть к нему Тацита внушает нам подозрения, что новый командир должен был быть человеком, обладающим гораздо большими способностями, чем об этом пишет Тацит, хотя, возможно, и не лучшими качествами. Историк был снобом, который не одобрял людей скромного происхождения, обретших власть, и он особо обвиняет Тигеллина не только в порочном детстве и беспутной юности, но и в низком происхождении. К тому же Тацит видел в нем перевоплощение и повторение пугала Сеяна, чье пребывание на том же самом посту при Тиберии, по его мнению, сделало это правление решающей эпохой римского вырождения. Вдобавок Тигеллин занял место Сенеки, чью сторону, по-видимому, поддерживает Тацит.

Действительно, назначение Тигеллина сразу после смерти Бурра подтолкнуло Сенеку к решению удалиться в отставку. Волны критики, направленной против него, всегда значительные, теперь, по-видимому, стали гораздо сильнее, чем он мог с ними справиться. Сенека занимал слишком изолированное положение, чтобы быть в силах продолжать полезную карьеру советника императора. Очевидно, критика была нацелена на его огромное состояние, но гораздо более серьезным был тот факт, что император больше не желал его видеть.

Очевидно, разнообразные философские высказывания Сенеки могли быть, и несомненно были, истолкованы как порицание вкусов императора, к примеру его страсти к гонкам на колесницах, пению и атлетике, а также к ношению эксцентричных нарядов. И вне всякого сомнения, всегда находились люди, готовые донести Нерону, что написанное или сказанное Сенекой можно счесть за критические замечания в адрес принцепса. Когда Сенека пошел к нему, чтобы объявить о своей отставке под тактичным предлогом необходимости управления своими обширными владениями, Тацит блестяще воспроизводит обмен неискренними любезностями между ними. Нерон, по его словам, убеждает его не уходить в отставку. Но Сенеку было не уговорить.

«И Сенека в заключение их беседы, как это неизменно происходит при встречах с властителями, изъявляет ему благодарность, но вместе с тем немедленно порывает со сложившимся во времена его бывшего могущества образом жизни: перестает принимать приходящих с приветствиями, избегает появляться в общественных местах в сопровождении многих и редко оказывается в городе, ссылаясь на то, что его удерживают дома нездоровье или философские занятия» (Тацит. Анналы, XIV, 56).

С тех пор произведения Сенеки резко увеличились в объеме. Новые работы включали трактат «О досуге», «Естественные вопросы» и изящные нравственные письма к Луцилию Младшему. Когда-то их было больше ста двадцати четырех, из числа дошедших до нас, хотя Луцилий не просил столь многочисленных советов, вылившихся в тома.

Удаление Сенеки и Бурра привело к тому, что Нерон потерял осторожность и набрался храбрости, чтобы развестись с Октавией. Их брак был полной катастрофой: она совершенно не привлекала его. И похоже, у Октавии не было перспектив заиметь ребенка – либо потому, что ей не удавалось забеременеть, либо потому, что ее муж не мог заставить себя выполнять супружеские обязанности. Но римские правители, как зачастую показывают отчеканенные ими монеты, были сильно озабочены тем, чтобы иметь детей и наследников, чтобы защитить свое положение от возможных претендентов.

Кроме того, Нерон оставил Акте и влюбился в другую женщину, Поппею. Ранее отмечалось, что древняя традиция относить ее большое влияние к 59 году, вероятно, фальсифицирована, поскольку еще до 62 года император сменил ее на другую. Это был решительный и, возможно, рискованный шаг, заключавшийся в унижении молодой жены из императорского рода, чей отец был предшественником самого Нерона. Сенека и Бурр не могли бы одобрить этого развода, но теперь их уже не было рядом. И сразу через год после расставания Нерона с Акте Поппея забеременела. Теперь наконец у Нерона появился шанс получить наследника вместе с женой, которую он находил определенно более привлекательной, чем Октавия. И он сделал решительный шаг.

Инсценировка предположительной виновности Октавии, казалось, была невыразимо грязной.

Для того чтобы примирить Сенат, народ и армию с устранением женщины столь высокого происхождения, необходимо было основательно запятнать ее репутацию грязью. Для этого был подкуплен кто-то из ее домашней челяди и принужден был сообщить, что у его хозяйки была преступная любовная связь с александрийским рабом, игравшим на флейте. Ее слуги подвергались допросам и пыткам, но многие из них остались непоколебимо преданными ей. Тигеллин лично руководил допросами, и, когда он допрашивал одну из ее служанок, Пифию, та плюнула ему в лицо и воскликнула, что «женские органы Октавии чище, чем его рот».

Тем не менее пытками было получено достаточно признаний, чтобы начать процедуру развода. В качестве места уединения Октавии была дана усадьба Бурра – с довольно зловещим добавлением некоторых имений, которые принадлежали Рубеллию Плавту перед тем, как от него тоже избавились. Однако вскоре после этого она была отправлена подальше в Кампанию, где содержалась под военной охраной.

Но Нерон не посчитался с мнением римского населения. За год до этого оно восстало в поддержку осужденных рабов, а теперь толпы демонстрировали свою решительную поддержку этой трогательной девушке из императорского рода, которая лишь недавно вышла из подросткового возраста. Слухи о том, что Нерон собирается вернуть ее назад, вызвали столь шумные проявления радости, что их потребовалось подавлять армией. Понятно, что это досаждало Поппее. Голословные утверждения о нарушении супружеской верности Октавией с александрийским рабом явно не получили одобрения, нужно было найти и выдвинуть какое-то другое обвинение. Итак, Нерону теперь пришлось привлечь своего старого наставника, командующего флотом Аникета, чтобы тот заявил, что сам совершил прелюбодеяние с Октавией. Поскольку он был связан с Нероном соучастием в смерти Агриппины, у него не было другого выхода. Созвали императорский совет, чтобы выслушать от него признания, которые в действительности превзошли полученные им инструкции. А затем лучше всего было убрать его со сцены. Ему было приказано удалиться на Сардинию, где он «безбедно проживал в ссылке и умер естественной смертью».

Нерон издал эдикт, где сообщалось, что выбор Октавией любовника показывает ее намерение оказать тайное влияние на лояльность флота. Он добавлял, что она забеременела от Аникета и избавилась от плода – не слишком обдуманное обвинение, принимая во внимание, что прежде он обвинял ее в невозможности зачать. Октавия должна была быть вывезена из Кампании и содержаться на острове Панадерия (Pantellaria). Но всегда оставалась опасность того, что какой-нибудь амбициозный патриций освободит ее и сделает своей женой. И поэтому лишь несколько дней спустя после ее прибытия на Панадерию

Октавия была предана смерти. Через двадцать или тридцать лет после этих событий была написана риторическая трагедия «Октавия» – единственная римская историческая пьеса, дошедшая до наших дней, дающая драматический и лирический отчет обо всех этих событиях. Сенека появляется на сцене, чтобы выступить против жестокости императора. «Октавия» – хаотичное произведение, но впечатляющее в изображении трех испуганных людей – Октавии, Пoppеи и самого Нерона.

Но теперь торжествовала Пoppея, поскольку спустя всего лишь двенадцать дней после развода Нерон женился на ней.

О, какой ты была красивой на этом высоком помосте в дворцовом зале! Твои прелести удивляли Сенат, когда ты жгла священные благовония, Окропляя алтарь священным вином, в изысканной свадебной фате из шафрана.

(Анон. Октавия)

Одним из друзей Нерона, который вряд ли присутствовал на свадьбе, был Отон. Он сам любил Пoppею и был ее любовником; не исключено, что они были даже женаты. Однако, не успокоившись на том, что когда-то помог Нерону в его любовных делах с Акте, Отон к тому же сам познакомил его с Пoppеей. Древним историкам нравилось слагать легенды вокруг этого треугольника. Но то, что, вероятно, произошло, на удивление просто: Нерон захотел ее для себя и поэтому назначил Отона на пост губернатора в отдаленную Лузитанию (Португалию), где тот довольно неплохо устроился.

«Правителем Отон был мягким и с подчиненными народами жил в согласии, ибо знал, что его наместничество – не более чем почетное изгнание» (Плутарх. Гальба, 20).

Когда его отношения с Нероном стали натянутыми, кажется, Сенека поспособствовал получению этого поста для него и таким образом, возможно, спас его от гибели.

Хочешь узнать, почему Отон в почетном изгнание?

Сам со своею женой он захотел переспать!

(Светоний. Отон, 3)

Пoppея была провозглашена Августой, как и Агриппина (но не Октавия). Портрет Октавии появляется на монетах Александрии и западных городов, но ни разу в столице. Теперь же портретное изображение Пoppеи не только заменяет изображение своей предшественницы в Александрии, но ее фигура также видна на золотых и серебряных монетах Рима. Она изображается стоящей рядом с императором на монетах с надписью «AUGUSTUS AUGUSTA».

В еще одной серии монет она появляется в облике богини Конкордии ²¹ с надписью «CONCORDIA AUGUSTA». Под этим подразумевалось, что в семействе императора царит согласие и оно соответствует всеобщей гармонии, обеспеченной режимом.

Это лестное внимание Пoppея получала от многих сообществ и личностей, знающих, куда ветер дует. Предполагают, что Нерон был ею сильно увлечен, по-видимому, слишком увлечен, чтобы убить ее сына от предыдущего брака, хотя есть сведения, что именно так он и поступил. Нерон написал стихотворение о ее «янтарных волосах», что создало моду на этот промежуточный оттенок между блондинкой и брюнеткой. Монеты Александрии показывают, что ее прическа была более претенциозна, чем у Октавии, но весьма похожа на прическу Агриппины – подобие конского хвоста на затылке. Кроме всего этого и за исключением того, что Пoppея была на несколько лет старше Нерона, мы знаем о ней слишком мало. Правда, нам предоставляется довольно много информации, но многое в ней

²¹ Обожествленное понятие согласия, понимавшееся как согласие между гражданами, народом и Сенатом в эпоху империи.

вымышлено. Историки не только предвосхитили то, что она перешла из рук Отона к императору, но этот факт также дал повод к многочисленным другим мифам, а история оболъщения ею Нерона, сначала скромно, а затем настойчиво, является банальной традиционной темой.

Тацит, однако, наделяет ее особым шармом, и вот какие выводы он делает о ее личности:

«У этой женщины было все, кроме честной души. Мать ее, почитавшаяся первой красавицей своего времени, передала ей вместе со знатностью и красоту; она располагала средствами, соответствовавшими достоинству ее рода; речь ее была любезной и обходительной, и вообще она не была обойдена природной одаренностью. Под личиной скромности она предавалась разврату. В общественных местах показывалась редко и всегда с полуприкрытым лицом – то ли чтобы не насыщать взоров, то ли, быть может, потому, что ей это шло. Никогда не щадила она своего доброго имени, одинаково не считаясь ни со своими мужьями, ни со своими любовниками; никогда она не подчинялась ни своему, ни чужому чувству, но где предвиделась выгода, туда и несла свое любострастие» (Тацит. *Анналы*, XIII, 45, 2-3).

Это, вероятно, по большей мере довольно правдивая картина. Но возможно, слишком уж эффектная, поскольку здесь наблюдаются подозрительно схожие словесные и стилистические отзвуки другого великого историка, Саллюстия, писавшего за полтора века до Тацита о другой зловещей красавице, покровительнице Катилины Семпронии.

Какие еще сведения о Поппее дошли до нас, кроме цвета ее волос и прически? Мы знаем, что ее отцом был некий Тит Оллий, который стал жертвой Тиберия по подозрению в участии в заговоре Сеяна, но она предпочла взять более блистательное имя своей матери, красивейшей женщины своего времени и жертвы Мессалины; семейство Поппеи, по видимому, происходило из Помпеи. До нас дошли сведения, что она очень заботилась о своей внешности, поскольку ее лицо было ее богатством. По сведениям Диона Кассия, она изобрела особый крем для лица, названный ее именем, которым пользовались долго после ее смерти, и она смягчала кожу, купаясь в молоке ослиц, – для этого содержали стадо из пятисот недавно ожеребившихся ослиц.

Но также случайно удастся узнать, что, как и ее новый муж, она дружила с комическим актером по имени Алитир (*Alityrus*), который был иудеем. С его помощью его соотечественник Иосиф Флавий, историк, удостоился беседы с ней в ПUTEОЛАХ и добился освобождения нескольких арестованных раввинов, кроме того, она также помогала евреям и по другому случаю.

Поппея разделяла интерес к восточным религиям с Нероном, который покровительствовал довольно истерическому культу сирийской богини, известной еще как Атаргатис²², и который воспользовался случаем визита армянского царя, чтобы изучить доктрину персидских мудрецов, магов. Отон также обладал знаниями о похожих экзотических учениях, поскольку был посвященным в культ египетской богини Изиды (как и родственники Поппеи в Помпеях). Он, как и Поппея, интересовался астрологией, и один из ее нанятых слуг, связанный с этим предметом, по имени Птолемей, или Селевк, поехал с Отоном в Лузитанию (см.: Тацит. *История*, 1, 22).

Агриппина также верила в астрологию, как и многие другие образованные люди того времени. Казалось очевидным, что должна быть некая гармония между землей и другими небесными телами и что последние таким образом управляют жизнями людей. Ведущий толкователь этой доктрины Барбилл, который был царского происхождения и, возможно, был сыном придворного астролога при Тиберии, писал одному из друзей Сенеки, объясняя, почему существует такое влияние, и весьма вероятно, что этот представитель столь невразумительного учения был близким другом Нерона и идентичен с его губернатором

²² Атаргатис – богиня плодородия и благополучия, отождествлялась с Афродитой.

Египта, носящим такое же имя. Существовал любопытный контраст между этой модой на астрологию и время от времени повторяющейся тенденцией правительства отправлять астрологов в ссылку – предположительно, менее модных, которые легко могли навлечь на себя гибель, например, когда начинали говорить о гороскопах императора. Специалист по вопросам сельского хозяйства Колумелла написал трактат, озаглавленный «Против астрологов», но, к сожалению, он не дошел до наших дней.

Что же касается Нерона, увлечение астрологией было вызвано его глубоким интересом к магическому искусству. Он имел обыкновение носить при себе маленькую фигурку девушки, подобие талисмана, о которых мы читаем в папирусе магов, обнаруженном в песках Египта. Ведь вскоре после того, как Нерон заполучил ее образ, он раскрыл заговор против себя, и поэтому с тех пор у него вошло в привычку совершать жертвоприношение статуэтке ежедневно три раза в день. Лукан был также основательно знаком с восточной магией – он был первым из поэтов, кто, насколько нам известно, обладал такими знаниями. Ужасы, в которые Лукан, как и его дядя Сенека, любили погружаться, включали цветастый, бросающий в дрожь отчет о некромантии, к которой Нерон также сильно пристрастился. Сплетни того времени относили эти его занятия к угрызениям совести за убийство своей матери. Это сомнительно, но отказ Нерона посетить Афины позднее вполне мог быть вызван легендами о том, как в этом городе матереубийцу Ореста преследовали фурии. И по той же самой причине он не осмеливался принимать участие в Элевсинских мистериях – которые были наиболее почитаемой церемонией греческой религии, – поскольку перед тем, как начать церемонию в Элевсии, глашатай, по обычаю, возвещал, что все, кто совершил преступления или неблагоприятные поступки, должны покинуть это место. Нерон не осмелился бы не повиноваться этому приказу.

Император был суверен не больше, чем его подданные, а возможно, менее легковверен, чем большинство из них. Появление комет всегда вызывало у правительства беспокойство – это являлось поводом предполагать, что произойдет смена императора, и Сенека не был склонен думать, что это беспокойство совершенно беспочвенно.

За чудесами, предзнаменованиями и знаменами пристально следили, широко сообщали о них и свободно их изобретали. Летописцы, в соответствии с традицией, все еще считали необходимым записывать их, не обязательно потому, что доверяли частным сообщениям (хотя они в большинстве случаев верили, что некоторые из них вполне могли быть правдой), но потому, что подобные истории отражали настроения и эмоции народа. После смерти Агриппины, например, говорили о многочисленных чудесах.

«Одна женщина родила змею, другая на супружеском ложе была умерщвлена молнией; внезапно затмилось солнце и небесный огонь коснулся четырнадцати концов города. Но боги были ко всему этому непричастны, и многие годы Нерон продолжал властвовать и беспрепятственно творить злодеяния» (Тацит. Анналы, XIV, 12).

И два года спустя Нерону показали младенца, родившегося с четырьмя головами и соответствующим количеством конечностей.

Отложил ли бы император в 62 году свой развод и повторную женитьбу, если бы приметы были неблагоприятны, – мы не можем сказать. Но во всяком случае, удручающие обстоятельства конца Октавии, вероятно, довольно быстро улетучились у него из головы, поскольку привели к такой счастливой развязке. Его радость возросла, когда 21 января 63 года Пoppея подарила ему дочь.

Рожденная в его родном городе, Анции (Anzio), малышка получила имя Клавдия и была почти сразу же провозглашена «Августой», как и ее мать. Было несколько нелепым нововведением называть новорожденную этим священным именем. Но ее называли Августой на оловянных амулетах, которые были отчеканены в Риме и, возможно, служили в качестве тессеров²³ для бесплатной раздачи даров в честь этого события. По этому поводу

²³ Тессеры – билеты и значки, изготавливавшиеся в форме диска.

были большие празднества. Почти весь римский Сенат отправился нанести визит в Анций, и городку подарили золотые статуи и устроили игры в цирке. Другие игры учредили в Риме, где также был издан эдикт об основании храма плодородия, а записи Арвальского братства говорят о том, что в апреле его члены воздали жертвы духам двух августейших особ вместе – и Поппеи, и Клавдии.

Но празднества резко оборвались в мае, потому что малышка умерла. В комментарии Тацита об этом мало сочувствия.

«И вот снова посыпались льстивые предложения причислить умершую к сонму богов и для воздаяния ей божеских почестей соорудить храм и назначить жреца; сам Нерон как не знал меры в радости, так не знал ее и в скорби» (Тацит. Анналы, XV, 23).

Нерон добился отцовства с помощью исключительно грязных средств. Однако все равно добился, и даже дочь, пока была жива, была полезным преимуществом для потенциальной династии. Но теперь мечта закончилась, и детей у него больше никогда не было.

Глава 9. ВЕЛИКИЙ ПОЖАР И ХРИСТИАНЕ

Римляне придавали большую важность юбилеям, естественным или придуманным. В 64 году люди заметили, что неожиданно подошел один зловещий юбилей. 19 июля было датой, когда галлы подожгли город почти за четыре с половиной века до этого. И вот теперь, в ночь с 18-го на 19 июля 64 года, разразился Великий римский пожар – самый ужасный и разрушительный пожар из тех, что довелось испытать городу. Вот что Тацит рассказывает по этому поводу:

«Начало ему было положено в той части цирка, которая примыкает к холмам Палатину и Целию; там, в лавках с легко воспламеняющимся товаром, вспыхнул и мгновенно разгорелся огонь и, гонимый ветром, быстро распространился вдоль всего цирка. Тут не было ни домов, ни храмов, защищенных оградами, ни чего-либо, что могло бы его задержать. Стремительно наступавшее пламя, свирепствовавшее сначала на ровной местности, поднявшееся затем на возвышенность и устремившееся снова вниз, опережало возможность бороться с ним и вследствие быстроты, с какой надвигалось это несчастье, и потому, что сам город с кривыми, изгибавшимися то сюда, то туда узкими улицами и тесной застройкой, каким был прежний Рим, легко становился его добычей. Раздавались крики перепуганных женщин, дряхлых стариков, беспомощных детей; и те, кто думал лишь о себе, и те, кто заботился о других, таща на себе немощных или поджидая их, когда они отставали, одни медлительностью, другие торопливостью увеличивали всеобщее смятение. И нередко случалось, что на не оглядывавшихся назад пламя обрушивалось с боков или спереди. Иные пытались спастись в соседних улицах, а когда огонь достигал их и там, они обнаруживали, что места, ранее представлявшиеся им отдаленными, находятся в столь же бедственном состоянии. Под конец, не зная, откуда нужно бежать, куда направляться, люди заполняют пригородные дороги, располагаются на полях; некоторые погибли, лишившись всего имущества и даже дневного пропитания, другие, хотя им и был открыт путь к спасению, – из любви и привязанности к близким, которых они не смогли вырвать у пламени...

Лишь на шестой день у подножия Эсквилина был, наконец, укрошен пожар, после того как на обширном пространстве были срыты дома, чтобы огонь встретил голое поле и как бы открытое небо. Но еще не миновал страх, как огонь снова вспыхнул, правда в не столь густо застроенных местах; по этой причине на этот раз было меньше человеческих жертв, но уничтоженных пламенем святилищ богов и предназначенных для украшения города портиков еще больше...

Установить число уничтоженных пожаром особняков, жилых домов и храмов было бы нелегко; но из древнейших святилищ сгорели храм, посвященный Сервием Туллием Луне, большой жертвенник и храм, посвященный Геркулесу аркадянином Эвандром в его присутствии, построенный Ромулом по обету храм Юпитера-Остановителя, царский дворец

Нумы и святилище Весты с Пенатами римского народа; тогда же погибли сокровища, добытые в стольких победах, выдающиеся произведения греческого искусства, древние и достоверные списки трудов великих писателей и многое такое, о чем вспоминали люди старшего возраста и что не могло быть восстановлено, несмотря на столь поразительное великолепие восставшего из развалин города» (Тацит. *Анналы*, XV, 38, 40, 41).

Нерон в это время находился в Анции, но как только начался пожар, поспешил вернуться и организовал помощь. Кроме публичных зданий на Марсовом поле, его Ватиканские сады были открыты для беженцев, поспешно возводилось временное жилье. Продукты привезли из Остии и соседних городов, и цены на пшеницу были временно снижены до одной шестнадцатой от ее обычной цены.

Но все эти благотворительные меры не могли убедить население, уверенное в том, что именно Нерон намеренно устроил поджог. По обычаю, было принято хвалить правителя страны, когда новости бывали хорошими, и поэтому, когда случались несчастья, казалось правильным, что вина должна пасть на него. Кроме того, пока город горел, ходили слухи, что Нерон был настолько тронут зрелищем, что взял свою кифару, облачился в свой певческий наряд и все это время исполнял трагическую песнь собственного сочинения под названием «Падение Трои», которая, по-видимому, основывалась на его эпической поэме «Троянская война». Такова знаменитая легенда о том, что Нерон играл на флейте, пока горел Рим; хотя если он действительно играл на каком-то музыкальном инструменте, то это была кифара, а не флейта.

Историки сходятся во мнении, что Нерон действительно играл и пел, однако существуют расхождения в том, где это имело место. В соответствии с Тацитом, все происходило на сцене его личного театра. Дион Кассий говорит, что он стоял «на крыше своего дворца». А Светоний, более обстоятельно, приписывает место действия «Микенской башне», вероятно башне, соединяющейся с усадьбами и Микенскими садами на Эсквилине, владениями Нерона, которые, по-видимому, были местом его пребывания в свободное время. Но где бы подобная сцена ни разыгрывалась, весьма вероятно, что такое выступление Нерона действительно имело место. Когда человеку его артистических вкусов и эмоций предлагается фон такого превосходного фейерверка, он непременно счел бы соблазн непреодолимым. С другой стороны, его поступок был губительным с точки зрения общественного мнения – петь и играть на кифаре, когда народ переживает такие жизненные невзгоды, наверняка считалось выражением бессердечности. Хотя это все равно не могло служить основанием для того, чтобы считать Нерона виновником пожара. Но пострадавшее население, услышав рассказ об этом, вполне могло прийти к заключению, что, если император нашел пожар столь восхитительным, определенно именно он и положил ему начало.

К тому же были другие обстоятельства, которые отменяли подозрения, что именно Нерон был поджигателем. Прежде всего видели, что попытки борьбы с огнем встречали противостояние.

«И никто не решался принимать меры предосторожности, чтобы обезопасить свое жилище, вследствие угроз тех, кто запрещал бороться с пожаром; а были и такие, которые открыто кидали в еще не тронутые огнем дома горящие факелы, крича, что они выполняют приказ, либо для того, чтобы беспрепятственно грабить, либо и в самом деле послушные чужой воле».

И Тацит, который упоминает об этих странных событиях, добавляет, что, хотя эти загадочные фигуры могли быть обыкновенными мародерами, желавшими беспрепятственно получить добычу, не исключена вероятность, что они действовали по чьим-то указаниям. Если так, то кто их отдал? Кто еще, как не сам император? Еще одним удручающим событием была повторная вспышка огня, после того как всем казалось, что пожар уже закончился. Дело в том, что этот новый большой пожар начался в усадьбе, принадлежавшей командиру охраны Тигеллину, – это заставило людей подумать, что он сам и устроил поджог – с целью закончить работу, которая была так хорошо начата (императором), но не

лучшее время, чтобы поджог остался незамеченным. Тем не менее слухи о том, что за все в ответе Нерон, свирепствовали среди бедствующего населения. Никогда еще не был он столь непопулярен, и большой взрыв официальных, утешительных, религиозных обрядов ничем не помог отвлечь общественное мнение от этого рискованного голословного утверждения. Следовательно, возникла необходимость отвести обвинение и переложить его на кого-нибудь другого человека или группу людей.

Народные козлы отпущения

Жертвами, которые выбрало правительство для этой цели, стали христиане, чье несчастливое появление на сцене истории побудило Тацита к его самому знаменитому и загадочному высказыванию.

«Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время, это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому» (Тацит. *Анналы*, XV, 44, 2-8).

Иисус был распят в Иудее во время прокуратуры Понтия Пилата, чье пребывание префектом этой незначительной провинции отмечено надписью, недавно найденной в ее столице Кесарии, между современной Натанией (Nathanya) и Хайфой (Haifa). И это было за тридцать лет до Великого римского пожара. С тех пор верование пришло из Иерусалима в Самарию и на север в Антиохию, потом в Малую Азию и на Балканы, а затем и в Италию. Еще до середины I века христиане уже были в самом Риме. Святой Петр предпринял путешествия в Антиохию, Коринф и Рим, хотя, вопреки традиции, он, вероятно, по прибытии нашел, что церковь уже существует в столице, а святой Павел, римский гражданин из греческого города Тарса на юговостоке Малой Азии, предпринял свои многочисленные путешествия, проповедуя веру, как и многие другие до него, как иудеям, так и не иудеям. Он также добрался до Рима.

Ранее в Македонии Павел и его товарищ Сила попали в очень неприятную ситуацию в Фессалонике (Салоники) и Филиппах.

Вероятно, их обвинили в магии, которая была запрещена законом, если она была вредной, и их обвинили в попытке обратить в свою веру нехристиан, что широко считалось неприличным и могло легко привести к ситуации, когда выдвигаются обвинения в преступлении. Но брат Сенеки Галлион, который стал губернатором Ахеи (Греция) в 52 году, отказался рассматривать выдвинутое иудеями обвинение в том, что Павел пытался убедить людей поклоняться Господу вопреки закону. Галлион благоразумно вернул дело обратно, отклонив предложение быть судьей в таком процессе.

Почти пять лет спустя, когда Нерон взошел на трон, другой губернатор Иудеи, Фест, оказался перед такой же дилеммой. После жалобы азиатских евреев на то, что он осквернил их церковь, Павел был арестован неким римским офицером в провинции Иудеи, чтобы спасти его от самосуда. В течение двух лет он был интернирован в Кесарию, а затем отправлен в Рим по его собственной просьбе. Любой римский гражданин мог обратиться к императору с жалобой на приговор суда, вынесенный ему. Но в случае с Павлом поступили особо, поскольку губернатор, насколько нам известно, даже не предпринял попытки рассмотреть его дело. Он мог бы сделать это, если бы захотел, и были юридические

основания для обвинения в подстрекательстве. Но он был лишь рад избавиться от такого зажигательного пропагандиста. Итак, Павел под военным эскортом был отправлен в Рим.

Путешествие было богато событиями, и Павел пережил кораблекрушение, но в конце концов в 59-м или в 60 году он прибыл в Рим и был доставлен к Бурру как командиру преторианской гвардии. Тем не менее Павел не был арестован, и мы больше не слышим о его деле, но он провел два года в столице, общаясь очень свободно со всеми своими единомышленниками христианами. Павел записал о своем намерении совершить путешествие в Испанию, но у нас нет определенных доказательств, что он его совершил. Поскольку он был знаком с испанцем Галлионом, Павел мог предположительно быть знаком и с братом Галлиона Сенекой, в чьем философском учении содержатся некоторые те же предопределяющие и моральные концепции, какие мы находим в раннехристианской этике и теологии, поскольку эти идеи служили разменной монетой того времени. Позднее был измыслен обмен письмами между ними. Также считается, что Петр и Павел были казнены в Риме, – судя по некоторым сведениям, оба одновременно.

Относительно ранние версии событий, датируемые III веком, не связывают их смерти с расследованием последующего пожара, но тем не менее уверенность растет, что именно в это время они приняли мученическую смерть.

Версия Тацита о гонении христиан колеблется между точкой зрения, что христиане были признаны виновными в поджоге, и мнением, что на них совершались нападки лишь за то, что они были христианами. Даже самые современные исследования слов историка – а их исследователи были многочисленны – не проясняют этого недоразумения. Действительно, те же самые неясные отношения существовали среди людей в основном во время проведения расследования. Поскольку эта неясность была, очевидно, предусмотрена правительством, которое старалось создать впечатление – в процессе расследования этого дела, – что признание в христианском веровании равносильно признанию в поджоге.

Вероятно, Нерон и его советники в действительности не верили, что Рим подожгли христиане. Но для того, чтобы отвлечь внимание от слухов, что в нем виновен император, они сочли удобным связать это с самой непопулярной и незащитной группой населения, какую только смогли найти. Преследования христиан во время правления Нерона послужили прототипом других в более поздние времена. Но было бы неправильно согласиться с подтекстом слов Тацита о том, что христиане подвергались нападкам со стороны Нерона потому, что они практиковали христианство, то есть потому, что они не осуществляли определенные местные религиозные обряды, осуществлять которые для нехристиан было нормой. Маловероятно, что Нерон предпринял какие-то меры, которые ставили вне закона христианство как таковое; с юридической точки зрения этот вопрос, по-видимому, так и остался нерешенным.

Тацит подводит этому краткий итог, когда замечает, что христиане ненавидели весь род людской. Это не является каким-то особым обвинением с точки зрения закона, но во взрывоопасной ситуации может очень быстро привести к нему. Люди, которые вели себя столь подозрительно странно, могли в любое время оказаться обвиненными в разжигании междоусобицы или в подстрекательстве населения к насилию.

О чем говорит такая необычность? Прежде всего, это было частью необычности, присущей любому и каждому иноземному культу. Существовало сильное убеждение, что поклоняться следует лишь наследственным римским божествам и что нет более верного способа делать это, как исполняя традиционные обряды. Приверженность к неримской религии была «суеверием», а это было сродни преступлению. Верно, что веками многие восточные культы, даже самые экзотические и оргастические, почитались (хотя бы отчасти) в Риме, прижившись там в специально предназначенных для этого храмах. Также верно, что Нерон, Поппея, Отон и их друзья могли свободно выражать свои личные вкусы, питая склонность к той или иной восточной религии. Но для других чуть менее привилегированных, чем они, это могло быть опасным.

Существовал прецедент подобного рода всего за шесть лет до этого, когда Помпония

Грецина, жена Авла Плавтия, который отпраздновал малый триумф над британцами во времена правления Клавдия, оказалась привлеченной к суду «за приверженность к чужеземному суеверию» (Тацит. Анналы, XIII, 32, 3).

Причины этого обвинения не приводятся. Нам лишь сообщается, что после убийства Мессалиной одной из ее родственниц (придворной дамы), Помпония не прекратила горевать и никогда не снимала траурных одежд. Другими словами, она показала, что «отличается» от общества, окружавшего ее, и эта ее необычность выглядела вдвойне подозрительной при ее интересе к некоему восточному культу. Об этом сообщили ее мужу, как главе семейства, что скорее предполагает, что было выдвинуто обвинение в распутном сексуальном поведении, относимом (иногда верно, а иногда нет) к восточным «суевериям». На самом деле Помпония была оправдана, но продолжала носить траур еще тридцать лет. Возможно, она была христианкой, потому что сто пятьдесят лет спустя мы слышим о христианке Помпонии Грецине. Но не исключена вероятность, что она была еврейкой. Иудеи тоже были «не такие, как все», потому что не могли вполне присоединиться к убеждению, что император был их единственным правителем. Действительно, Иосиф Флавий, иудей, вполне мог создать слово «теократия», что означает передачу всей верховной власти и полномочий в руки Господа Бога.

Таким образом, растущие враждебные эмоции, которые вызывала волна восточных религий того времени в сердцах консервативных римлян, не пощадили иудеев. А люди знали, кто они такие и какой веры придерживаются, поскольку в столице находился ряд синагог. Возможно, к концу века их число насчитывало одиннадцать или двенадцать: и иудеи в квартале, где они проживали, вполне могли составить общую конгрегацию в количестве около пятидесяти тысяч.

И не только одни консерваторы не любили иудаизм. Несмотря на то что один человек еврейского происхождения, некий Тиберий Юлий Александр, сумел достичь высот карьеры при правлении императора Нерона и был губернатором в Египте (предположительно после отказа от своей религии), даже либерально настроенный Сенека говорит о евреях тем же основательно враждебным языком, что Тацит и Светоний о христианстве, поскольку называет их самым криминальным из всех народов.

Почему же тогда Нерон, когда ему были нужны козлы отпущения, не обрушился на иудеев? Одной из причин может быть то, что они пользовались благосклонностью Поппеи. Но, кроме того, нападки на евреев, живших в столице, имели бы удручающие последствия для римского правительства на Востоке. Потому что точка возгорания конфликта между греками и иудеями находилась в опасной близости. Губернаторы Египта, Сирии и Иудеи были постоянно заняты деликатной задачей сохранения равновесия и мира между этими взаимно и до дикости недружелюбными сообществами. И они ни в коей мере не всегда решались в пользу греков. Так случилось, что недовольство иудеев на их родине в этот самый момент быстро приближалось к критической точке. Начать гонения на их собратьев по религии в Риме означало бы вызвать самые жестокие волнения в Иудее и во всех восточных провинциях.

Иудеи и христиане

Но христиане – это совсем другое дело. Подавляющее большинство римлян до сих пор не отличало их от иудеев. Но те, кто понимал эти различия, могли достаточно ясно осознавать, что преследования этой небольшой группы не вызовут ничего похожего на столь неблагоприятные последствия. Среди челяди Нерона действительно были христиане – не исключено, что у него была даже наложница-христианка.

Но это были люди, не обладающие ни в коей мере большим влиянием, чем питающая благосклонность к иудеям императрица или Агриппа II, иудейский вассальный монарх областей, примыкающих к провинции Иудеи.

И иудеи сами по себе вряд ли были склонны сочувствовать христианам или сожалеть о

тех несчастях, которые могут обрушиться на них. Когда святой Павел за несколько лет до этого прибыл в столицу и попросил поддержки у местных иудейских вождей, те дали уклончивый ответ – ссылаясь главным образом на те сведения, что были им доступны, не в пользу христиан. А затем, выслушав его, они не пришли к единому мнению о том, стоит или не стоит его поддерживать. Но в Иерусалиме приблизительно в то же самое время, или немного позднее, произошел жестокий разлад между христианами и иудеями, и высокого священника Анана (Ananus), названного брата Иисуса, забросали камнями до смерти. И вот теперь, всего около двух лет спустя, было ясно: иудеи наверняка не станут устраивать волнений, если Нерон устроит гонения на христиан.

Неразрешенная загадка

Во всех других отношениях христиане также представляли собой исключительно подходящих козлов отпущения. Они общались лишь с себе подобными, что было очень подозрительно, и в бездуховном, воспитанном в национальном духе обществе должно было неизбежно привести к враждебным слухам. Их разговоры о всеобщей любви породили представление о том, что религиозные службы, которые они проводили, были оргиями сексуальной неразборчивости и инцеста. Причастие с его символами тела и крови Христовой в широких массах считалось людоедским пиром.

Но самые худшие подозрения вызывали апокалипсические воззрения, которых страстно придерживались ранние христиане. Они все еще верили, что близится конец света и что, когда он настанет, Второе пришествие Мессии будет сопровождаться всеожжением. «Впрочем, близок всему конец... Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного. Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете», – писал Петр ²⁴.

Такое отношение, конечно, было известно за пределами сообщества, и поэтому христиане казались особенно подходящими жертвами истерической толпы. Перед лицом этой веры во всеожжение – которое должно произойти гораздо раньше (скорее даже безотлагательно), чем полагали ранние языческие философы, – мало было пользы от того, что, обращаясь к христианам в Риме за несколько лет до пожара, Павел напоминал им о наказе Христа «подчиниться Цезарю» и снова и снова повторял, что они должны даже благословлять своих гонителей.

Хотя никто по этому случаю не писал более страстно о Втором пришествии Мессии, чем Павел, он допускал, что доктрина о близком конце света может когда-нибудь оказаться опасной ответственностью для христиан, которые были вынуждены, в конце концов, жить в греко-римском обществе того времени. Но его убогая аудитория предпочла верить, что их спасение близко и что все тогда сгорит в геенне огненной.

Возможно, этот счастливый процесс можно было ускорить. А следовательно, разве не могло быть такого, что именно христиане устроили Великий пожар в надежде достичь именно этого? Возможно. Но кажется гораздо вероятней, что все это было простым совпадением, как все те многочисленные пожары, которые опустошали Рим каждое лето. Хотя тогда нам все равно придется объяснить загадочные фигуры, которые появлялись среди языков пламени и дыма и мешали борющимся с огнем делать их дело. Не могли ли ряды этих противоборцев включать не только мародеров, но и христиан, людей, которые, возможно, устроили поджог, но теперь видели перст Божий в деле и стремились содействовать этой цели? И снова такое могло быть. Хотя мы никогда не будем уверены в этом.

Однако Тацит говорит нам (и у нас нет причин сомневаться в его словах), что оказалось

²⁴ Первое соборное послание святого апостола Петра, главы 4, 7, 12, 13.

возможным найти людей, которые, признавшись в том, что были христианами, были готовы назвать и других. Есть несколько логичных объяснений этому, и они не взаимоисключаемы. С одной стороны, при любом и каждом преследовании находятся люди, которые слишком слабы, чтобы не признаться под пыткой. Во-вторых, некоторые признания могли быть ко всему прочему сфальсифицированы тайными агентами государства. И несомненно, была также и третья категория, состоявшая из христиан, которые сознательно желали умереть за свою религию, что продолжалось – к нескончаемому удивлению и презрению римлян – также и во всех более поздних гонениях. Такие мученики могли вспомнить, что, несмотря на уверенность Павла в необходимости поддерживать правительство, прошло всего несколько лет с тех пор, как он призывал их римскую конгрегацию пожертвовать своими бренными телами при жизни, хотя он в то время не мог предположить столь удручающих последствий.

Поэтому, несмотря на личные возражения императора против смертной казни, его правительство казнило христиан столь невыразимо ужасными методами, как те, которые недавно бичевал Сенека.

«Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или, обреченных на смерть в огне, поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц» (Тацит. *Анналы*, XV, 44).

Нерон как антихрист

Вряд ли удивительно, что позднее христиане сочли Нерона антихристом (см. приложение 1). Странно, но отношение Светония было иным.

Ссылаясь на то, что наказание было наложено на христиан, он описывает их как «приверженцев нового и зловредного суеверия» (Светоний. *Нерон*, 16) и причисляет их гонения к добрым делам Нерона.

Что же касается непосредственно самой казни, тактика правительства дала осечку. Правительство не посчиталось с тем фактом, что население Рима, хотя и черпало непрерывно веселье из самых жесточайших гладиаторских боев и травли диких животных, время от времени проявляло коллективное мягкосердечие. Они уже показали это дважды за время правления Нерона – один раз, когда собирались казнить множество невинных рабов, и снова, когда его невинной молодой жене Октавии был дан развод. И теперь снова народ почувствовал жалость к несчастным жертвам.

«И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона» (Тацит. *Анналы*, XV, 44).

Глава 10. ЗОЛОТОЙ ДВОРЕЦ. ИСКУССТВО И РОСКОШЬ

Нерон делал все возможное, чтобы извлечь пользу из разрушений, произведенных пожаром. Для скорейшего восстановления были отобраны религиозные святыни и места народных развлечений:

на монетах того года изображены перестроенный храм Весты ²⁵ и продовольственный рынок. Не было упущено из вида и то, что было неплохим способом вернуть народную

²⁵ Это было особенно своевременно, потому что шел шестидесятый год со дня смерти и обожествления Августа, с чьим культом этот храм был тесно связан.

благосклонность – было решено перестроить Большой цирк и снова ввести его в действие.

Огромное количество частных домов также были разрушены пожаром, и император подготовил амбициозный план застройки.

«Вся не отошедшая к дворцу территория города в дальнейшем застроилась не так скученно и беспорядочно, как после сожжения Рима галлами, а с точно отмеренными кварталами и широкими улицами между ними, причем была ограничена высота зданий, дворы не застраивались и перед фасадом доходных домов возводились скрывавшие их портики. Эти портики Нерон пообещал соорудить за свой счет, а участки для построек предоставить владельцам расчищенными. Кроме того, он определил им денежные награды – соответственно сословию и размерам состояния каждого – за завершение строительства особняков и доходных домов в установленные им самим сроки. Для свалки мусора он предназначил болота близ Остии, повелев, чтобы суда, подвозящие по Тибру зерно, уходили обратно, погрузив мусор; самые здания он приказал возводить до определенной высоты без применения бревен, сплошь из габийского или альбанского туфа, ибо этот камень огнеупорен;

...домовладельцам было вменено в обязанность иметь наготове у себя во дворе противопожарные средства, и наконец, было воспрещено сооружать дома с общими стенами, но всякому зданию надлежало быть наглухо отгороженным от соседнего» (Тацит. *Анналы*, XV, 43).

Тацит добавляет, что были назначены специальные надзиратели, обязанные следить за доставкой воды, чтобы не было самочинного перехвата. И объем воды, которая подавалась в Рим, был более обильным и пространным, чем до этого, поскольку Нерон прибавил к существующим акведукам многочисленные ответвления.

Его Рим со старыми жилыми постройками исчез, но определенное понятие о намерениях и амбициях Нерона можно получить, судя по построенным позднее доходным домам и строениям, которые до сих пор можно увидеть в городе-порте Остии. Впредь не позволялось домам превышать определенную высоту – возможно, установленную в семьдесят или восемьдесят футов, и император предлагал покончить с покосившимися жилищами, которые давно подвергали опасности столицу.

«Эти меры, – комментирует Тацит, – принятые для общей пользы, послужили вместе с тем и к украшению города. Впрочем, некоторые считали, что в своем прежнем виде он был благоприятнее для здоровья, так как узкие улицы и высокие здания оберегали его от лучей палящего солнца, а теперь открытые и лишенные тени просторы, накалившись, обладают нестерпимым жаром» (Тацит. *Анналы*, XV, 43).

В наше время есть тенденция отмахиваться от этих критических замечаний о новых широких улицах как от реакционных. Но средиземноморским летом такие улицы можно вынести, лишь если там имеются деревья, или же, наоборот, крытые, с колоннами, или сводчатые тротуары, которые до сих пор можно найти во многих маленьких итальянских городках. И Нерону также была хорошо известна ценность закрытых галерей. Несмотря на то что некоторые из его новых улиц были незатененными, самая важная из них – Священная дорога – примыкала к крытым сводчатым галереям по обеим сторонам. Наконец-то узкая главная улица Рима получила надлежащее оформление.

Проходной дом и Золотой дворец

Но это ее оформление было спланировано таким образом потому, что вело к резиденции императора. В начале своего правления Нерон уже построил впечатляющие сооружения для собственного проживания. Его элегантно украшенная усадьба на Палатине примыкала к императорским Микенским садам на Эсквилинском холме. Развалины этого связывающего Проходного дома, которые простираются до Ведийского склона рядом с форумом, были найдены под выстроенным позднее храмом Венеры и Ромы, где Нерон воздвиг куполообразное здание, интересное бочкообразными залами в форме греческого

креста.

Теперь, однако, Проходной дом должен был стать лишь простой приемной для нового и гораздо большего по размаху дворца. Этот Золотой дворец должен был занять очень большую территорию в Риме. Он включал не только Проходной дом и усадьбы и сады, которые он соединял, но и долину позади связующего здания, где сегодня стоит Колизей, а также и довольно обширную площадь позади – возможно простирающуюся прямо вверх по Виминалу. Все это занимало очень значительную часть густонаселенной зоны города. По самым скромным подсчетам, площадь парка составляла 125 акров, то есть в полтора раза больше, чем весь нынешний Ватикан, включая его сады и собор Святого Петра. Но другие считают, что владения Нерона составляли 370 акров – размер Гайд-парка. И это, по-видимому, ближе к правде. Неудивительно, что повсюду ходили пакостные вирши.

Дворец расползается и поглощает Рим!

Давайте все сбежим в Вейи и сделаем этот город своим домом.

Хотя Дворец растет так дьявольски быстро, Что грозит в конце концов сожрать и Вейи.

(Светоний. Нерон, 29)

Каким бы ни был точный размер дворцового фундамента, ясно, что никогда прежде и никогда после за всю историю Европы ни один монарх не выделял под собственную резиденцию такой огромной площади в самом сердце своей столицы.

Сам новый дворец представлял собой не единое здание, а множество отдельных – и они должны были располагаться на фоне волшебного пейзажа. По этому же принципу были построены вилла Адриана в Тибуре (Тиволи), а затем сераль султана в Истанбуле. Но нечто подобное уже было знакомо древнему миру из эллинистических дворцов, таких, как Пританей Антигона Гоната в Балла (Palatitsa) в Македонии; и эти комплексы, в свою очередь, их ландшафтная архитектура беседок, павильонов, арок и колоннад, распределенных по окружающим паркам и обрамленных сделанными со вкусом аллеями, восходят к «парадизам» персидских правителей, которые сами были устроены по образу и подобию (подобно и китайским дворцам) древнеавилонских или древнеиранских моделей. В Италии точно такие же образчики появились на карфагенском побережье, а затем в Риме, в экстравагантных виллах поздней республики. Например, легендарный Клодий, враг Цицерона, оставил после себя элегантные колоннады своей усадьбы на Палатине, открывающиеся на окружающие парки, без римской уединенности и – как критиканы быстро отметили – без римской скромности. Теперь Нерон сильно расширил эту схему постройки вилл, трансформировав ее смелым и зрелищным планированием в нечто в целом более впечатляющее.

Архитекторами, которых он назначил для осуществления проекта, были Север и Целер, предположительно итальянские хозяева, осуществлявшие руководство армией восточных специалистов, тех самых людей, которые стекались, не без выгоды для себя, в Рим при Нероне как никогда прежде. Тацит не особенно восхищается проектом в целом.

«Используя постигшее родину несчастье, Нерон построил себе дворец, вызывавший всеобщее изумление не столько обилием пошедших на его отделку драгоценных камней и золота – в этом не было ничего необычного, так как роскошь ввела их в широкое употребление, – сколько лугами, прудами, разбросанными, словно в сельском уединении, тут лесами, там пустошами, с которых открывались далекие виды, что было выполнено под наблюдением и по планам Севера и Целера, наделенных изобретательностью и смелостью в попытках посредством искусства добиться того, в чем отказала природа, и в расточении казны принцепса» (Тацит. Анналы, XV, 42).

Это был романтический итальянский псевдорустический (сельский) идеал современных художников и поэтов, таких, как Петроний.

Здесь благородный платан, бросающий летние тени, Лавры в уборе из ягод и трепетный строй кипарисов. Их обступили, трясая вершиной подстриженной, сосны. А между ними юлит ручеек непоседливой струйкой. Пенится и ворошит он камешки с жалобной песней. Вот оно – место любви!

(Петроний. Сатирикон, СXXXI)

Светоний далее вот как описывает поместье Нерона: «...внутри был пруд, подобный морю, окруженный строеньями, подобными городам, а затем – поля, пестреющие пашнями, пастбищами, лесами и виноградниками, и на них – множество домашней скотины и диких зверей» (Светоний. Нерон, 31).

Водные просторы, на которые он ссылается, были огромным озером на месте бывшего болота на дне долины, где сейчас находится Колизей.

Что же касается зданий, то к ним можно было пройти через Проходной дом между Эсквилином и Палатином. Он был видоизменен, когда было воздвигнуто то, что Светоний описывает как «тройную» колоннаду длиной в милю, а именно, возможно, портик с тремя рядами колонн или, более вероятно, колоннаду, разделенную на три части там, где в нее вливались Священная и Новая дороги. Остатки этого сооружения, по большей части из известкового туфа, можно обнаружить разбросанными повсюду на том месте. С того времени, несмотря на огромные размеры, Проходной дом должен был служить лишь вестибюлем для разнообразных зданий, которые составляли Золотой дворец, – хотя, предположительно, очень монументальный вестибюль и действительно ни одна другая секция Золотого дворца не была спроектирована с таким монументальным размахом, как это раннее здание, которое вошло в его ансамбль.

Что же касается других зданий, новых, то они были разбросаны довольно далеко за портиком. В частности, одни располагались справа, а большое сооружение – слева. Справа, на Целиевом холме, был живописный, с колоннами, питомник для растений и цветов с водопроводом, украшенный гrotтами и статуями и относящийся к примыкающему храму Клавдия, интерес Нерона к которому был скорее архитектурным, нежели благочестивым. Лишь груды каменной кладки сейчас отмечают эти разнообразные сооружения. Но из зданий слева, стоящих грубо под прямыми углами к вестибюлю, многие сохранились до наших дней. Здесь, вдоль Оппиева спуска на Эсквiline, находилась основная жилая секция Золотого дворца. Она кажется скрытой от приближающегося гостя, чей взгляд может упасть на нее, лишь когда он подойдет совсем близко и заметит ее длинную и изящную колоннаду.

Но любитель достопримечательностей сегодня должен быть готов к большим разочарованиям. Верно, что эти громоздкие, похожие на пещеры с кирпичными стенами комнаты и коридоры не столь явно демонстрируют нам вкусы Нерона как архитектора и декоратора. Однако они дают работу нашему воображению, потому что они совершенно замкнутые и ужасно темные. Изначально они должны были стоять открытыми солнцу и воздуху, с видами на искусный затейливый ландшафт. Но по прошествии столетия после смерти Нерона все отверстия были заделаны.

Хотя для современного посетителя невозможно практически определить это сразу, но Золотой дворец был определенно архитектурным чудом. Он состоял из неравных асимметричных, западного и восточного, крыльев, теперь одноэтажных, но изначально двух– или, возможно, трехэтажных. Это было приземистое здание с рядами небольших комнат, выходящих на длинный прямой портик. Но в месте соединения этих двух крыльев этот фасад был разорван и разрезан на две неравные части шестиугольным, но обнесенным с пяти сторон стенами двориком с колоннами (теперь недоступным), а шестая, большая, сторона была открыта с фасада. Это привлекательное строение из двух низких крыльев, разделенных двориком с фасадом, состоящим из ряда колонн, было не ново, потому что мы видим его на росписи, выполненной за поколение до этого для дома Лукреция Фронтонна в Помпеях. Но очевидно, конструкция прежде не использовалась столь широко.

Сразу же за шестиугольным двориком располагается центральное помещение,

известное как Зал золотого свода. Он ведет назад к длинному коридору, который тянется по всему зданию. Здесь сзади не могло быть второго фасада, поскольку задняя часть конструкции примыкает непосредственно к возвышающемуся склону холма, от которого он был изолирован коридором, чтобы обеспечить защиту от обвала земли.

В более длинном из двух крыльев, на запад от дворика, передние комнаты включают два одинаковых покоя, каждый содержащий спальню, две другие комнаты и молельню. Эти покои были на первый взгляд определены как личные апартаменты Нерона и Поппеи, хотя следовало бы считать более вероятным, что император и императрица жили на более роскошном втором этаже, теперь исчезнувшем, который соответствовал убранству дворцов в стиле ренессанс. Эти комнаты на западной стороне выходили на открытое пространство, как спереди, так и сзади, потому что сразу же за ними, примыкающий или вырытый в склоне холма, находился второй дворик (не сохранившийся до сегодняшних дней), на этот раз продолговатой формы, с фонтаном посередине.

Восточное крыло было и короче, и мельче, потому что холм вторгался более близко, как по бокам, так и сзади. Возможно, это крыло представляет более поздний этап плана строительства, потому что, по всей видимости, оно не было закончено при жизни Нерона. Даже если это так, значит, Нерон сам уже модифицировал изначальный план, как явно показывают несоответствия стиля и встроенные пространства. Но самая важная модификация состояла в разбивке фронтальных помещений этого крыла в их центральной точке восьмиугольным залом. Здесь, наконец, осталось нечто, что можно увидеть и сегодня. Зал увенчан куполом, сконструированным посредством революционного изобретения римлян – цемента (или бетона?), который использовали архитекторы с гораздо большей уверенностью, чем в построенном вскоре Пантеоне Адриана. Этот восьмиугольник является одним из первых известных нам примеров использования цемента (бетона?) для облицовки кирпичом в столь широком масштабе и обладает характерными чертами, которые придают ему особый интерес в истории архитектуры.

Подобно более позднему круглому Пантеону, восьмиугольник освещался из округлого отверстия в центре купола. Дальнейшее освещение обеспечивалось серией небольших отверстий (которые больше не видны) в круговом венце или в ободке между стенами и куполом. Стены были неосновательными, разбитыми на уровне пола большими отверстиями, разделенными довольно тонкими простенками, которые объединяли примыкающие колонны. Отверстия в трех самых южных гранях восьмиугольника выходили на фронтальную колоннаду и на парк вдаль, что дает возможность предположить, что сам восьмиугольник образовывал нечто наподобие прихожей. Еще четыре отверстия по два с каждой стороны расходились в сводчатые помещения – два крестообразных и два квадратных. А восьмое отверстие сзади содержало лестничный пролет, по которому вниз стекали потоки воды, проведенной через центральный зал, – идея, воплотить которую пытались в меньшем масштабе на римских прибрежных виллах и которая появилась вновь во дворцах XVI века и в садах Моголов.

Централизованные, построенные из бетонных блоков здания способствовали экспериментированию со сводами, и здесь на потолках мы находим свод, известный как «купольный», или «монастырский». Север и Целер, насколько нам известно, были первыми архитекторами, которые продемонстрировали и использовали в широком масштабе понимание того, как использовать своды. Кроме того, они были так зачарованы манипуляциями с пространством, что каркас из каменной кладки был сведен к минимуму и почти утратил свою традиционную функцию. Пространственные возможности интерьеров зданий побудили их к достижениям, предвидеть которые архитекторы классической Греции не имели ни желания, ни технических возможностей.

Джон Уолд-Перкинс пишет, что архитекторы Нерона верно подошли к проблеме внутреннего пространства, в контексте, который требовал решения изнутри наружу скорее, чем снаружи вовнутрь.

Конструкции, такие, как этот восьмиугольник, были революционными достижениями,

которые подали пример позднему Риму и Европе.

Кроме всех этих архитектурных характеристик, Золотой дворец был полон технических новинок, механических чудес и любопытных приспособлений. Ванны наполнялись как соленой, так и серной водой. В музыкальной комнате находился самый большой и самый мощный гидравлический орган, какой когда-либо был построен. Залы для пиров имели потолки, выполненные из резной слоновой кости с раздвижными панелями, откуда пирующих осыпали цветами и брызгали благовониями из невидимых труб. Сенеке были известны другие механические устройства потолков подобного рода, состоящие из выдвигаемых частей, которые могли представлять различные картины для каждой смены блюд на пиру.

Главная палата Золотого дворца, которая не сохранилась, описана Светонием как «круглая, и днем и ночью безостановочно вращающаяся вслед небосводу» (Светоний. Нерон, 32, 2).

Велись многочисленные споры, не приведшие к определенному выводу, о том, была ли вся комната сконструирована так, что вращалась, словно карусель, или же двигались сферический потолок и купол. В любом случае движущая энергия наверняка должна была поступать от какого-нибудь значительного источника энергии, вероятно сочетающего в себе принципы водяной мельницы и водяных часов. Какой бы метод ни был использован, ясно было, что это последнее слово технического прогресса, конечный продукт исследований александрийских ученых.

Любитель «неслыханного»

Некоторые современники, такие, как Плиний Старший, были целиком пессимистичны относительно возможностей научно-технического прогресса. Но эти новшества в Золотом дворце ближе по духу Сенеке, который приблизительно в это же время в ссылке выражал надежды в отношении технических достижений, хотя нужно добавить, что одно из его литературных писем, написанных приблизительно в то время, содержало критику такого сорта роскоши, что выставлялась напоказ в Золотом дворце. Что же касается Нерона, то он обожал эти новшества и открытия, особенно если в них было нечто сенсационное. Тацит удачно называет его любителем «неслыханного» (Тацит. Анналы, XV, 42), а архитекторы и инженеры Золотого дворца имели удивительную возможность удовлетворять его вкусы, как и другие художники, принимавшие участие в этом проекте. И снова здесь был упор на новизну. Среди изобретений того времени был мрамор, окрашенный в искусственные цвета или с искусственными пятнами, о чем упоминал Плиний Старший, и подобные приемы, несомненно, применялись и в Золотом дворце. Храм Фортуны на этом месте был выполнен из камня, недавно найденного в Малой Азии, который был прозрачным и позволял свету проникать в здание даже тогда, когда двери были закрыты. В самом дворце стены были усеяны драгоценными камнями, а комнаты, предназначенные для любовных утех, были украшены жемчугами.

Также ходили разговоры, что там были комнаты, где стены и потолки были покрыты золотыми пластинами. Но возможно, это были лишь преувеличения в описании позолоченной штукатурки, которая использовалась, например, в Зале золотого свода и сегодня представляет собой печальное и мучительное зрелище, но, к счастью, красоты этих комнат были исследованы художниками в XVII веке при дворе римского папы Льва X и стали предметом подробной акварельной репродукции, сделанной Франческо де Оландой (Francesco d'Olanda).

Настенные росписи Золотого дворца

Прежде всего Золотой дворец предоставил легендарную возможность для настенной живописи. Большинство римлян обычно не слишком восхищались искусствами, и даже

Сенека, как просветитель, совсем отказался уделить внимание искусствам в своем курсе обучения, следуя традициям, которые принижали художников до положения ремесленника. Его ученик Нерон, однако, как нам известно, проявлял интерес к живописи, и Золотой дворец и его фрески определенно во многом обязаны его личной инициативе (термин «фреска», означающий работу по влажной извести, используется неточно, поскольку применялась и другая техника, которая требовала более тщательного ретуширования). Многие из этих росписей и фрагменты фресок, с которыми они чередовались и смешивались, сохранились на прежнем месте, и хотя они теперь лишены воздушности, яркого освещения, в котором, как предполагалось, они должны были купаться, их изысканный шик все еще можно различить в окружающем мраке. В отличие от Помпей, где основной цвет красный, здесь он – белый.

План Золотого дворца

Просторы белого грунта на стенах и потолках щедро покрыты широкой сетью живописных панно, обрамленных прямыми линиями или хрупкими, филигранными решетками. Часто центры этих живописных панно образуют покрытые зеленью площадки, занятые группами птиц или животных или крошечными человеческими фигурками в непринужденных позах, реалистичными или фантастическими. Когда в начале XVI века эти элегантные декоративные узоры стали известны миру, они основательно повлияли на Рафаэля и его школу. Они повторяются в росписях и фресках в Ватиканских лоджиях (Vatican Loggia) Джованни да Удине и многих других итальянских зданий, так же как и в галерее Франциска I в Фонтенбло. Зал золотого свода в этом отношении был особенно важным, и такими же были рисунки в заднем коридоре – высоко на его стенах находятся автографы многочисленных художников Ренессанса, которые приходили, чтобы увидеть это место. Наше слово «гротеск» происходит от термина «grottesca» («принадлежащий пещере»), которым обозначали эти рисунки и фрески, потому что Золотой дворец, который нашли глубоко под землей, казался похожим на подземную пещеру.

Одна высокая сводчатая галерея содержит живописные панно, имитирующие окна с видами на романтические пейзажи, похожие на парки самого Золотого дворца. Повсюду находились большие мифологические сцены, такие, как «Гектор, расстающийся с Андромахой» (не в этой ли комнате Нерон декламировал свою эпическую поэму «Троянская война»?). В целом, однако, живописцы предпочитали подчинять свои панно общей композиции стен и свода и вписывать человеческие фигуры в импрессионистски раскрашенные архитектурные рамки их общего дизайна. Это удавалось особенно на потолках, хотя нужно считать упущением, что даже на такой большой высоте картины имеют тот же самый миниатюрный масштаб, как и те, что расположены гораздо ниже; и большие помещения расписывались точно так же, как и маленькие.

У этого стиля имеется множество предшественников, а именно в Помпеях и в небольшом римском колумбарии на Аппиевой дороге, где покоятся останки челяди Ливии, жены Августа. Но его высшая точка во время правления Нерона восхитительно бодрящая и живительная. Предположительно, большую часть этих достижений следует отнести

главному художнику Нерона, чье имя было Фамул (Famulus) или Фабулл (Fabullus).

Будучи специалистом в комбинации живописи с фресками, он был знаменит своими свежими красками, а также, как нам известно, картиной «Минерва», чьи глаза, кажется, следят за зрителем, с какой бы стороны он на нее ни смотрел. Плиний полагает, что этому художнику не повезло, ибо он оказался причастным к росписи Золотого дворца, который стал тюрьмой для его мастерства.

С другой стороны, шанс, который дала ему эта работа, имели до того или после не многие живописцы. Нельзя сказать наверняка, какие картины были написаны им самим, а какие – его помощниками. Но есть возможность рискнуть догадкой, что он не был столь выдающимся, как архитекторы этого здания; он не был одним из величайших художников в мире, но он был вдохновенным декоратором интерьера. Даже когда ему приходилось делать росписи, стоя на лесах, насколько нам известно, он все равно работал в своей обычной римской тоге. Он хотел подчеркнуть важность своей роли как римлянина, руководящего командой помощников, состоящей из греков или выходцев с Востока. Облачение в тогу также могло быть намеренным, чтобы подчеркнуть достоинство художника, вопреки унижительному мнению, которого придерживался Сенека и многие другие. Если так, Фамул (или Фабулл), несомненно, пользовался поддержкой своего императора.

Собрание скульптур

Нерон давно интересовался скульптурой столь же сильно, сколь живописью; и для Золотого дворца он заказал огромную статую, изображающую его самого. Известно, что ее скульптору Зенодору заплатили огромную сумму за другую статую – Меркурия, которую он сделал в галльском городе Августодуне (Autun); к тому же он был хорошо известным копировальщиком античных кубков. Его статуя Нерона, которая в высоту достигала 110–120 футов, была воздвигнута в качестве центральной фигуры для вестибюля дворца (перестроенного Проходного дома), где она, вероятно, стояла внутри центрального двора с колоннадой, выходящего на Форум. Чело императора венчали солнечные лучи, намекая на сравнение или отождествление с богом Солнца. Позднее Веспасиан снял с нее голову, заменив ее другой, которая представляла Солнце без какого бы то ни было сходства с Нероном. А затем Адриан в следующем столетии, чтобы расчистить место для храма Венеры и Рому, передвинул эту статую вниз в долину, воспользовавшись двадцатью четырьмя слонами для этой цели. Этого Колосса, как была названа статуя, долго продолжали считать с суеверным трепетом гарантом целостности Рима: каждый год в определенный день его пьедестал заваливали приношениями из цветов. Сейчас его больше не существует, хотя здание, которое все еще возвышается рядом с тем местом, где он стоял, называется в честь него Колизеум.

Интерес Нерона к скульптуре также привел его к коллекционированию в своей резиденции как можно больше мировых шедевров. Некоторые располагались в его других поместьях в Сублаквее (Субьяко) и Анции, и раскопки в обоих местах обнаружили знаменитые античные статуи. Но большинство приобретений было задумано для подходящих ниш, которыми изобилует Золотой дворец. Именно здесь, к примеру, скульптурная группа Лаокоона с двумя сыновьями, сражающегося со змеем, которую теперь можно увидеть в Ватиканском музее, была найдена в 1506 году. Вполне возможно, что эту группу привезли в Золотой дворец уже после смерти Нерона, но приобретения, за какие он лично нес ответственность, включали статуи работы Праксителя и других греческих скульпторов, которые в то время стоили огромных денег.

Чтобы завладеть такими работами, император послал двух агентов в Грецию и Малую Азию. Тацит датирует их миссию временем сразу после пожара, когда началось строительство Золотого дворца. Но он также совершенно случайно упомянул, что один из них, свободнорожденный Акрат (Acratus), уже занимался подобными делами несколько лет назад, потому что историк упоминает, что наместником Азии был Барей Соран (61–62 гг.),

который отказался, по сведениям историков, наказать город Пергам (современный Бергама) за то, что он не отдал свои сокровища. Значит, Акрат (Acraeus) начал выполнять свою миссию до пожара, хотя после этого, вероятно, ему поручили еще более сложное дело. Его коллегой был Секунд Карринат, вероятно, сын хорошо известного ритора, который сумел успокоить ограбленных греков философскими изречениями, извлеченными из его собственных сочинений.

Против Нерона было выдвинуто обвинение, что он совершает святотатство, изымая произведения искусства из храмов, включая знаменитые усыпальницы не только в Греции, но и в самом Риме. Подобное кощунство, как нам известно, вызвало у Сенеки такую боль, что он испросил разрешения удалиться подальше в уединенное сельское место, а когда получил отказ, сделал вид, что страдает от мышечных болей, и не выходил из своей спальни. Правдив ли этот рассказ о поступке Сенеки или нет, но Нерон определенно брал произведения искусства из храмов, потому что именно там находились лучшие. Древние историки утверждают или намекают, что Нерон ничего не платил за то, что изымал, ни тогда, ни позднее, когда он лично посетил Грецию. Но это сомнительно, поскольку эти данные можно считать традиционно нелицеприятными; например, путешественник Павсаний цитирует маловероятное сообщение, что Нерон из одних только Дельф изъясил пятьсот статуй. Город Родес, в защиту которого Нерон произнес речь в юном возрасте, был, очевидно, более или менее пощажен, потому что мы узнаем, что в последующем десятилетии в городе все еще находится три тысячи скульптур.

Когда Золотой дворец был завершен, император заметил: «Наконец-то я смогу жить по-человечески!» Это было его прибежище, его райский уголок, шедевр, который он создал сам и для себя, образец моды и вкуса. Проект придал смысл и пикантность его последующему замечанию, что ни один правитель до него в действительности не оценил, какой властью он обладает. И действительно, воплощение в жизнь этого проекта могло помочь обуздать его умонастроение и характер, что служит иллюстрацией к вердикту Иосифа Флавия о том, что Нерон стал неуравновешенным из-за излишеств богатства и удовольствий. Этот процесс моральной деградации позднее детально разработал Тацит. Он считал Нерона просто еще одним зловещим членом династии, из которой все по очереди шли к гибели так или иначе.

Участь Золотого дворца

Некоторые из картин в Золотом дворце могут принадлежать правителям несколько более позднего времени. Хотя, несмотря на то что его новшества и претенциозность должны были возмущать многих римлян, дворец все еще был обитаем в течение года после смерти Нерона, когда его бывший друг Отон, император на несколько месяцев, поставил на голосование в Сенате вопрос о выделении 50 миллионов сестерциев для его поддержания. Однако сменивший Отона на столь же краткий срок правления Вителлин не любил Золотого дворца, а его жена высмеивала украшения, которые были, по-видимому, слишком уж изящны на ее вкус. Или же, не исключено, что они находили все место целиком не совсем подходящим для императора, вспоминая, что даже особняки поздней республики за более чем столетие до этого были спроектированы более строгими и монументальными, а в их дни вкус к таким сооружениям возрождался.

Итак, не одобряли Золотой дворец не из-за его претенциозного величия. Проблема заключалась в том, что эти довольно обширные владения, по словам поэта Марциала, ограбили бедняков, лишив их места для жилья, не говоря уже о серьезном вторжении в оживленные дороги и прелести города. Было непростительно, что столь большая центральная часть столицы предназначалась для проживания одного человека, будь он даже императором. По этой причине Веспасиан (69-79 гг.) снес многие сооружения Золотого дворца, сохранив лишь относительно небольшую их часть, где жил он сам и его сын (который построил поблизости термы). Вот почему скульптурная группа Лаокоона, найденная позднее на этом месте, по словам Плиния Старшего, принадлежала дворцу Тита.

Наконец, Траян, строя собственные термы, через которые лежит современный подход к Золотому дворцу, замуровал отверстия огромными гирями валунов так, что теперь его дерзкие архитектурные формы и блистательную живопись можно увидеть лишь мельком во мраке.

Помпеи и Геркуланум

Как мы можем судить по Помпеям и Геркулануму, стиль живописи, который мы видим в Золотом дворце, не был совершенно новым; в то же время он, в свою очередь, оказал влияние на последующее искусство этих городов. Помпеи и Геркуланум, оба располагавшиеся недалеко от Неаполиса (Неаполя), были разрушены при извержении Везувия через одиннадцать лет после смерти Нерона. Но пока он все еще сидел на троне, разразилось первое предостерегающее бедствие – землетрясение 5 февраля 62 года. Это смещение земных пластов, которое графически изображено Сенекой в его труде «Изыскания о природе» и представлено на двух мраморных барельефах в Помпеях, частично разрушило оба эти города, причинив также небольшие повреждения Неаполису и Нуцерии (Нуцерия). Но землетрясение так же сослужило службу искусству, как и Великий пожар в Риме, который последовал двумя годами позже. То есть восстановительные работы предоставили художникам исключительную возможность, которой они воспользовались безотлагательно и чрезмерно ²⁶.

Некоторые из произведений в разрушенных Везувием городах, которые были созданы в году, сразу же следующем за землетрясением, демонстрируют прямое влияние Золотого дворца. Но тщательный осмотр показывает, что довольно много картин подобного стиля в Помпеях и Геркулануме предшествовали землетрясению. Судя по всему, последующие живописные работы в Золотом дворце оказались не столь новаторскими, как сцены, важными, но не столь уж оригинальными. Ведь так называемый Четвертый (Фантастический или Замысловатый) стиль, характерный для фресок того времени в этих городах, начался почти на десять лет раньше восшествия на престол Нерона, который, таким образом, скорее поощрял его, но не был его инициатором. Но дух Нерона и его времени ясно ощутим. Иногда архитектурные фантазии, изображенные на стенах в Помпеях, являются напоминанием сценических декораций. Более того, имевшие место представления запечатлены на живописных панно, которые изображают модные мифологические театральные сцены как раз того рода, в которых император любил петь и играть сам. Также имеется осмотнительный намек на Нерона в повторяющихся мотивах, изображающих младенца Геркулеса, убивающего змею, которая была послана, чтобы задушить его; Нерону нравилось, когда его сравнивали с Геркулесом (и существует легенда о том, что, когда он был мальчиком, убийцы, посланные Мессалиной, чтобы лишить его жизни, испугались змеи и убежали).

В доме Пинария Церерина (Pinaeus Cerealis) в Помпеях целая стена была расписана как сцена, на которой происходит действие трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (Нерон сыграл множество ролей в болезненно патетических произведениях Еврипида), и к тому же в этих росписях также присутствуют эпизоды из причудливой мелодрамы Сенеки. Древние мифы оживают в группах из многочисленных фигур, располагающихся в эффектных пространственных ракурсах. Так, фреска «Тезей и афинские пленники» из Помпей изображает резкий, живой контраст между спокойным Тезеем и полной ожидания своей участи толпой пленников. Интерес самого Нерона к Троянской войне нашел отражение во многих фресках. Одна из них в доме с крытой галереей (криптопортиком) представляет собой фриз со сценами из «Илиады», изображенными белым на синем фоне; они, возможно, были взяты из некоей рукописи с иллюстрациями, теперь утерянной. Зарево от Горящих

²⁶ К примеру, храм Изиды. Его перестройку финансировал шестилетний мальчик.

кораблей в Трое – еще одна тема, которую художники, как и современные Нерону поэты, без усталости использовали.

Имеется также впечатляющее, вызывающее суеверный страх изображение троянского коня, введенного в обреченный город. В мерцающем свете зарева за объятами паникой фигурками виден смутный пейзаж среди башен и стен. Художники времен Нерона чувствовали ту же любовь к пейзажу, которая побуждала их императора создавать парки своего Золотого дворца, и фрески того времени не только включают часть архитектуры зданий, которые они украшают, но и образуют также дополнение к садам. В росписях в Помпеях и Геркулануме варьируются изображения реалистических или Романтических парков, холмов с неровными вершинами, пасторальных композиций и видов морского берега, а также излюбленных традиционных схем священных оград с необработанными надгробиями и священными деревьями.

Часто на фоне этих пейзажей, подобно архитектурным фантазиям, изображали крошечные фигурки людей. Это не знакомые монументальные персонажи больших мифологических сцен или умелые портреты, в которых эти художники также преуспели. Это меньшие по размеру, более незначительные и более случайные фигуры. Как и в Золотом дворце, миниатюрные человеческие фигурки внесены с изяществом и иронией в эти фантастические обрамления, парящие и летящие на своих высоких карнизах или балансирующие на архитраве, играя с павлином.

Вкусы века

В Риме также был, как нам известно от Плиния Старшего (хотя, по-видимому, примеров тому не сохранилось до наших дней), некий последователь знаменитого и дорогого художника по имени Пирей, который приблизительно в III веке до н. э. специализировался на изображении обыкновенных предметов, цирюлен, сапожных ларьков, ослов и еды. Мы можем не упоминать еще одного художника, вольноотпущенника Нерона родом из Анции, который писал реалистические картины гладиаторских боев. Эта вызывающая отвращение тема сохранилась из более поздних эпох в более долговременной половой мозаике. Но то же самое произошло и с мозаиками Помпей приблизительно времен Нерона, которые соответствуют сохранившимся описаниям специалиста по мозаике II века до н. э., Сосия из Пергама. Одним из его шедевров, судя по Плинию Старшему, было реалистичное изображение объедков, лежащих на полу зала для пиров, и в Помпеях имеется мозаика с точно такой же сценой. Еще одной знаменитой попыткой Сосия, как нам известно, было изображение пьющего голубя, и мозаика на эту же тему также сохранилась до наших дней, так же как и копия из виллы Адриана в Тибуре (Тиволи), изображающая пьющую птицу и других сидящих рядом птиц.

Подобные исследования, как любые художественные проявления любого века, были подвергнуты обычного рода ультраконсервативной, непостижимой обывательской критике. Так, Петроний цитирует своего вымышленного героя, глупого ученого Эвмолпа, заявляющего, что современное искусство копирует лишь недостатки древности, а не его достоинства. Однако, если даже Сосий и ему подобные поощряли фривольности, век Нерона был временем подлинных художественных достижений. И в этом во многом заслуга самого императора.

Роскошь и экстравагантность

Однако у этой привлекательной картины была и обратная сторона. Интересы Нерона стимулировали искусство, но они также были причиной того, что он потакал потрясающей роскоши и сумасбродствам.

Его всегда окружали люди, которые поощряли его в этом направлении. Отон, до того как был отослан, чтобы Помпея досталась Нерону, многое сделал, чтобы показать своему

императору, как жить с размахом. А затем настала очередь и Петрония:

«О Гае Петронии подобает рассказать немного подробнее. Дни он отдавал сну, а ночи – выполнению светских обязанностей и удовольствиям жизни. Если других вознесло к славе усердие, то его – праздность. И все же его не считали распутником и расточителем, каковы в большинстве проживающие наследственное достояние, но видели в нем знатока роскоши. Его слова и поступки воспринимались как свидетельство присущего ему простодушия, и чем непринужденнее они были и чем явственней проступала в них какая-то особого рода небрежность, тем благосклоннее к ним относились. Впрочем, и как проконсул Вифинии, и позднее, будучи консулом, он выказал себя достаточно деятельным и способным справляться с возложенными на него поручениями. Возвратившись к порочной жизни или, быть может, лишь притворяясь, что предается порокам, он был принят в тесный круг наиболее доверенных приближенных Нерона и сделался в нем законодателем изящного вкуса, так что Нерон стал считать приятным и исполненным пленительной роскоши только то, что было одобрено Петронием» (Тацит. Анналы, XVI, 18).

Например, Петроний, как оказалось, ввел моду на розы. Вошло в обычай в модных кругах тратить много денег на розы для пиров. По какому-то случаю один друг Нерона потратил четыре миллиона сестерциев на розы для одного пира. Потребность в розах зимой была особенно большая. Часто их привозили на кораблях из Египта, но некоторые выращивали в Италии под стеклом. Одна фреска в доме Веттии в Помпеях изображала сцену возведения алтаря из роз в этом городе. Но тогда Петроний в «Сатириконе» заявил, что розы вышли из моды; и следовательно, весьма вероятно, что так оно и было.

*...Милей подруга Нам жены. Киннамон ценнее розы.
То, что стоит трудов, – всего прекрасней.
(Петроний. Сатирикон, XCIII)*

Однако, как поставщик императорских развлечений, Петроний был вынужден соперничать с командиром стражи Тигеллином, который приобрел большое влияние на Нерона благодаря своей репутации искусного организатора пиров.

«...Нерон принимается устраивать пиршества в общественных местах и в этих целях пользуется всем городом, словно своим домом. Но самым роскошным и наиболее отмеченным народной молвой был пир, данный Тигеллином... На пруду Агриппы по повелению Тигеллина был сооружен плот, на котором и происходил пир и который все время двигался, влекомый другими судами. Эти суда были богато отделаны золотом и слонового костью, и гребли на них распутные юноши, рассажены по возрасту и сообразно изощренности в разврате. Птиц и диких зверей Тигеллин распорядился доставить из дальних стран, а морских рыб – от самого океана. На берегах пруда были расположены лупанары, заполненные знатными женщинами, а напротив виднелись нагие гетеры. Началось с непристойных телодвижений и плясок, а с наступлением сумерек роща возле пруда и окрестные дома огласились пением и засияли огнями» (Тацит. Анналы, XV, 37).

Император, очевидно, любил развлечения подобного рода. Однако он ни в коей мере не был царствующим гурманом размаха своего отчима Клавдия. Мы не знаем, забавлял ли Нерона знаменитый современник, обжора Арпокрас (Агростас), который съедл четыре скатерти за раз, а также битое стекло. В отношении напитков, судя по множеству источников, он себе ни в чем не отказывал. Однако его собственный вклад в застольные удовольствия в виде напитка собственного изобретения был не столь большим и даже безалкогольным. Поскольку, по словам Плиния Старшего, этот напиток Нерона состоял исключительно из воды, сначала прокипяченной, а потом охлажденной в стеклянном сосуде, погруженном в снег.

В то же время, несмотря на требования атлетических тренировок и занятий вокалом,

Нерон действительно проводил довольно много времени полулежа на обедах и пирах, иногда с полудня (вместо принятого послеполуденного часа) без перерыва до полуночи. Должность императорского виночерпия была, очевидно, очень немаловажной. Занимавший эту должность при Нероне Пифагор, с которым, возможно, у него была гомосексуальная связь, все еще считался знаменитым виночерпием и двадцать пять лет спустя. Другой должностью чрезвычайной важности была должность императорского дегустатора блюд и вин, должность, которая восходит ко временам Августа. Находящийся на этом посту Галот (Halotus) в момент смерти Клавдия (которую, как подозревали, он и ускорил), похоже, сделал неплохую карьеру впоследствии, добившись положения императорского агента при правлении преемника Нерона. Странно, но мы узнаем, что такой молодой принцепс, как Британик, даже когда обедал в присутствии императора, брал с собой своего дегустатора и сначала давал пробовать все ему, хотя это в случае с Британиком не уберегло его от отравления, поскольку никто не попробовал воду, которую добавили ему в вино. Мы располагаем надписями одного из дегустаторов блюд Нерона, человека, который также служил одним из его постельничих. Еще одна надпись относится к ассоциации (коллегии), в которую входили эти люди.

Если они хорошо исполняли свои обязанности (и оставались в живых), они могли получить повышение до поста главного лакея или распорядителя императорского стола.

Несмотря на то что Нерон не был большим гурманом или любителем вина, принадлежности его обедов были невероятно роскошны. Они включали «мирровые» чаши и сосуды, которые были выполнены из очень редкого минерала, возможно из плавикового шпата, добываемого по большей части в Кармании (Юго-Восточная Персия). Считалось, что эти сосуды обладали тонким запахом. Хрупкие и иногда переливчатые, они ценились за свой цвет, который был белый, алый или темно-красный. Нерон заплатил миллион сестерциев за одну такую чашу. Он также очень хотел завладеть чашей стоимостью целых 300 тысяч, которая принадлежала Петронию, но последний, когда, в конце концов, поссорился с Нероном и был принужден покончить жизнь самоубийством, в приступе ответной мстительности разбил эту чашу, чтобы она не досталась императору. Нерон однажды сам, когда впал во гнев, услышав о восстаниях в конце своего правления, перевернул стол и разбил таким образом две чрезвычайно ценные хрустальные чаши с выгравированными на них сценами из Гомера. Портландская ваза в Британском музее может дать некоторое представление о том, как они выглядели.

Нерон никогда не надевал одну и ту же одежду дважды. Даже сети для ловли рыбы были сплетены из золотых нитей с ячейками из алого и малинового шелка. Он заплатил четыре миллиона сестерциев за расшитые вавилонские покрывала на ложа. Нерон также владел знаменитым изумрудом, которым, говорят, он пользовался как увеличительным стеклом, чтобы наблюдать за гладиаторскими боями, но драгоценный камень, должно быть, не совсем годился для таких целей, и записи Плиния, напротив, предполагают, что император пользовался им как зеркалом или отражателем, чтобы защитить свое слабое зрение. Плиний утверждает, что Нерон также особенно любил жемчуг, который он не только разбрасывал по всем любовным гнездышкам Золотого дворца, но и использовал для украшения скипетров и масок актеров, точно так же как он украсил оснащение гладиаторов янтарем. Поппея не ограничилась купанием в молоке ослиц и обула их в золоченые туфли.

Имеются многочисленные рассказы о щедрости Нерона. Он всегда был готов вызвать лекаря аж из Египта для больного друга. Основными лицами, пользующимися его благодеяниями, были, однако, актеры и атлеты, которым, по слухам, он роздал 2200 миллионов сестерциев²⁷, наряду с обширным имуществом. Поэты также многое от него получали, а кроме того, среди других и некий ростовщик низкого происхождения, который

²⁷ По утверждению Тацита, ставший императором Гальба потребовал вернуть назад девять десятых этой суммы.

снискал его благосклонность. Дион Кассий повествует, как Агриппина однажды бранила своего сына за то, что он подарил десять миллионов сестерциев своему министру Дорифору, но Нерон, увидев монеты, составляющие эту сумму, сложенные в кучу, сказал, что она выглядит очень незначительной.

Люди, стоящие во главе государства, включая Сенеку, получали от Нерона огромные суммы денег.

В цирке Нерон имел обыкновение бросать подарки в толпу. Те, кто поднимал их, несомненно после забавной, хотя, возможно, и смертельной потасовки, мог оказаться благодетельствованным дорогими дарами. Нерон дарил птиц, продукты, тессеры на раздачу зерна, одежду, драгоценности, картины, рабов, скот, дрессированных животных, корабли, доходные дома и земельные наделы.

Глава 11. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ НЕРОНА

Если Нерон и был расточительным, то лишь потому, что обладал многим, чтобы проявлять щедрость.

Это был век огромных владений. Сенека, из своих обычных моральных соображений, возражал против не плативших налоги землевладельцев, хотя сам владел очень большими имениями, особенно в Египте. Но владения императора повсеместно в значительной степени превышали владения кого-либо другого. Ими управляла целая толпа агентов, чье число сильно было раздуто за время правления Нерона.

Императорская собственность быстро росла по праву наследования. Почти вменялось в обязанность ради благополучия семейства и вассалов оставлять императору значительное наследство, даже если он приговорил тебя к смерти. Те, кто вместо этого завещал свои оскорбления, как Петроний, были столь редки, что историки считали подобные случаи достойными упоминания. В погоне за наследством Нерон лишь делал то же, но в более крупных масштабах, что самые видные римляне делали всегда. Агриппина, к примеру, после того, как собственными глазами видела жестокую смерть своей служанки во время подстроенного кораблекрушения, предназначавшегося для нее самой, не забыла, несмотря на то что ей пришлось спасаться вплавь, проверить завещание той и опечатать его. А когда она сама была вероломно убита той же ночью, Нерон, вне всяких сомнений, наложил руку на ее громадные владения, как он присваивал себе собственность всех тех, кого уничтожал. Например, говорили, что Нерон отравил свою тетку Домицию, несмотря на то что та была уже в годах, потому что не мог дождаться ее поместий в Байях и Равенне, на месте которых впоследствии построил замечательный гимнасий. Слух о том, что именно Нерон убил ее, мог быть и недостоверным, поскольку подобные сплетни были разменной монетой, но в любом случае он получил ее итальянские владения, и обширные земли, которые принадлежали ей на севере Африки, тоже перешли к нему. Это была территория, где, по словам Плиния Старшего, Нерон убил шестерых, владевших половиной провинции. Хотя это было, несомненно, риторическим преувеличением – имперские владения в хлебодородных землях Туниса были впредь особенно обширными и на них трудились целые армии рабов. И Нерон обладал почти неисчислимыми земельными участками и предприятиями повсюду. К примеру, он владел гончарной мастерской неподалеку от Каллева (Calleva, Silchester), в недавно покоренной Британии.

Гигантские финансовые интересы императора были разнообразны, и его личные финансовые ресурсы было трудно отделить от финансов национальных. Одно из его обещаний, которое Нерон оказался неспособным сдержать, было его заверение сенаторам в начале правления, что его финансовые дела будут вестись отдельно от государственных. Уже со времен Августа стало все трудней понять, какие деньги народные, а какие принадлежат императору. Существовала полная неразбериха между государственной казной в храме Сатурна и личным состоянием императора. Императоры до Нерона уже начали назначать,

что имело определенный эффект, собственных ставленников на посты хранителей национальной казны, и точно так же поступил и Нерон – усилив собственный контроль над казной еще больше, выбирая казначеев, которые занимали теперь более высокое положение, чем прежде. При этом, следуя прецеденту, который уже был создан Августом, Нерон хвастался субсидиями, как ежегодными, так и специальными, которыми он имел обыкновение пополнять казну. Но поскольку никакие отчеты не предавались гласности, неизвестно, говорил ли он правду. Вероятно, были также тайные движения средств в противоположном направлении – никто не мог сказать, к примеру, в какой степени использовались казенные деньги для оплаты строительства Золотого дворца.

Финансовые проблемы

Однако, что было ясно даже до начала постройки Золотого дворца, ресурсы национального дохода вкупе с состоянием императора стали несоизмеримо большими, чтобы компенсировать экстравагантные траты Нерона. Его министру финансов Фаону, преданному, скромному греку, должно быть, приходилось все труднее и труднее подводить баланс расходам. Поэтому в 62 году император назначил троих бывших консулов, включая шурина Сенеки, для надзора за использованием национальных ресурсов. Возможно, это не было серьезным вкладом в разрешение сложившейся ситуации, но, по крайней мере, это был рассчитанный шаг, чтобы успокоить тревогу сенаторов. По этому же поводу, поскольку лучшая защита – это нападение, Нерон критиковал своих предшественников за их порочную практику позволять расходам превосходить доходы.

Ясно, что нужно было найти дополнительные капиталы. В 65 году Нерон был обманут и разочарован одним душевнобольным карфагенцем, который заявил, что нашел огромные залежи золотых слитков в Африке. Но уже за год до этого император начал извлекать значительную прибыль от нового годового дохода посредством манипуляций с чеканкой монет. В частности, это коснулось золотых и серебряных денег. Римскому народу, простодушному в экономическом отношении, не следовало говорить, что металл, из которого эти монеты отчеканены, никоим образом не соответствует тому достоинству, которое официально указывалось на них. Следующие за Нероном императоры спокойно снижали качество серебра, однако Нерон, снизив качество, поступил более честно: он официально снизил вес как серебряных, так и золотых монет. Народам за имперскими границами, таким, как германцы, это все-таки не понравилось, поскольку – обнаруженные клады показывают – с тех пор они отдавали предпочтение старому серебру. Но в границах империи, что имело значение, оказалось, что Нерону удалось справиться с ситуацией, хотя, какое тому он мог бы предложить объяснение, нам неизвестно. Выгода для государства – и, несомненно, для себя, поскольку он владел и контролировал большинство монетных дворов, – должно быть, была действительно очень большой. Прежний вес монет так и не был восстановлен.

Почти одновременно в 64 году была предпринята попытка чеканить основные металлические монеты из меди и бронзы. В отличие от золота и серебра такие монеты выпускались со времен Цезаря и Августа фиктивной, символической стоимостью, безо всяких возражений – по-видимому, потому, что их золотой с красным оттенком цвет был таким привлекательным. Нерон до сих пор не чеканил никаких символических монет, хотя их достаточное количество оставалось в обращении от предшествующих правителей. Теперь, однако, он проделал эксперимент с чисто медной монетой, несомненно, потому, что владел монополией на входивший в ее состав цинк и мог, следовательно, получить достаточную выгоду. Но, очевидно, такая замена оказалась неприемлемой, поскольку вскоре в Риме была возобновлена чеканка монет из латуни и бронзы, и этим занялся второй восточный монетный двор, который отождествляется с Лугдуном (Лион).

Красота этих медных и латунных монет, а также композиции, отчеканенные на их поверхностях, играли немаловажную роль для публичного имиджа Нерона. Они были с

художественной точки зрения самыми лучшими монетами, выпускавшимися Римом, и занимали место среди лучших образцов, которые когда-либо доводилось видеть в мире. В особенности это касается больших медных сестерциев, которые вызвали огромное восхищение в период ренессанса, представляя собой невероятный шаг вперед по сравнению с монетами времен Клавдия. Хотя, век за веком, композиция и девизы многих римских монет отражали в их традиционном ключе последующие нюансы официальной политики, нельзя определить наверняка, действительно ли император лично вмешивался и решал, какими они должны быть в данный момент. Но определенно не может быть случайностью, что лучшие римские монеты чеканились именно в правление императора, который обладал художественными наклонностями. Замечательный вид монет эпохи Нерона, конечно, во многом обязан самому Нерону.

Во-первых, портреты на новых монетах просто превосходны. До сих пор чеканщики монет, подобно скульпторам, варьировали между двумя основными концепциями того, как следует изображать императоров. Одна из этих теорий отдавала предпочтение более или менее реалистичному изображению на основании того, что десятки тысяч сообществ, где ходили эти монеты, должны знать, как выглядит император, чтобы получить какое-то представление о его личности. Альтернативная теория состояла в том, что принцепса следует изображать в традиционном претенциозном стиле как некий идеал, как богоподобного эллинистического монарха.

В начале правления портреты Нерона на его первых золотых и серебряных монетах давали очень неплохое представление о том, как он выглядел в юные годы. Но начиная приблизительно с 64 года и далее художники стремились отразить пышное величие могущественного греческого монарха, при этом наделяли этого правителя тяжелыми, если не сказать обрюзгшими, чертами, которыми и обладал двадцатисемилетний Нерон в действительности. Таким образом, они создавали шедевр величественной индивидуальности.

Монеты Нерона

Его прическа на определенных монетах выглядит необычной. На лбу располагаются параллельные, одинаковые завитки. Их концы прижаты ко лбу, в то время как верхние локоны, волнистые или завитые, жестко уложены, образуя подобие волны над лицом, – это соответствует утверждению Светония, что свои «волосы он всегда завивал рядами» (Светоний. Нерон, 51).

Красивые длинные волосы у молодого человека высоко ценились в Риме времен Нерона, особенно у красивых рабов²⁸. Свободнорожденные юноши, с другой стороны, обычно отрезали свои длинные кудри, когда надевали тогу совершеннолетия, и с того времени и далее их волосы оставались относительно короткими. Но частью традиционного стиля великих греческих монархов было нарушать этот аскетизм и демонстрировать вьющиеся леонийские локоны, которые стали модными при Александре Великом. Но это не совсем то, что теперь делал Нерон. Хотя в его изображениях чувствуется влияние скульптурного портрета Александра, выполненного Лисиппом, и точно такая же голова была и у скульптур, которые Нерон ввез в Рим, однако собственная прическа Нерона ни в коей мере не соответствовала леонийской традиции Александра. Она была основана на тогдашней моде, бытовавшей у римлян низшего класса – так возницы колесниц и актеры причесывали и укладывали свои волосы перед появлением в цирке и на сцене. Бюст возницы, который теперь находится в Национальном музее в Риме, изображает очень похожую прическу.

Сильно выраженный личный вкус правителя совершенно случайно проникает сквозь консервативные условности, которые обычно царили в композициях римских монет.

²⁸ В одном из своих «Писем к Луцилию» Сенека писал: «Если ты считаешь важным, кудряв ли мальчик, протягивающий тебе питье, и блестит ли кубок, значит, ты пить не хочешь».

Прическа Нерона, хотя позднее и предпочитаемая уважаемыми деловыми людьми, была, по существу, стилем бездельничающих или пренебрежительных молодых людей, намеренно не придерживающихся никаких традиций. Хотя, в общем, его внешний вид передан с благородным величием, его прическа создает такое же впечатление, какое произвела бы, если бы монарх 1971 года был изображен на монете с волосами до плеч. Действительно, сам Нерон два года спустя выбрал именно этот стиль сам. Его цирюльник Фаламус (Thalamus) заработал себе репутацию, о которой спустя поколение все еще ходила молва.

Попытки Фаламуса также были отражены в некоторых изящных мраморных скульптурных портретах Нерона, из которых сохранились очень немногие, сделанные еще при жизни (см. приложение 1). Среди них скульптурный портрет в Музее Палатина в Риме, и его современник в Художественном музее в Вустере, штат Массачусетс. На последнем глубоко посаженные глаза смотрят чуть вверх – вдохновенный, обращенный к небесам взгляд, который снова вошел в моду полтора столетия спустя. Но некоторые чеканщики монет не боялись при случае придать Нерону гораздо более вульгарную внешность, почти подтверждая высказывание Стринберга, что в конце жизни он выглядел как «владелица мельбурнского игорного дома».

В то время как аверс монет выполнял функцию защиты имиджа императора, большую пользу приносили композиции реверсов и надписи, содержание которых представляло интересы имперского режима и тех его членов, которые управляли общественным мнением, – людей, в ряды которых наверняка входили некоторые из самых важных чиновников и которые иногда, по предположениям, давали советы самому императору.

Реверс монет, выпущенных в 64 году, включает рассудительно отобранные серии композиций, иногда обладающие значительными художественными достоинствами, иногда представляющие собой надуманные сценки и группы фигур. Прежде всего римлянам настоятельно напоминали о неизменном внимании императора к поставкам продовольствия для них. В одной такой композиции изображаются вместе Церера и Аннона – богини, которые покровительствовали этой деятельности. Уже упоминалось о похожем на карту порте Остии, расширенном Клавдием и, возможно, законченном Нероном, что обеспечивало непрерывность продовольственных поставок; а для того, чтобы запечатлеть особую щедрость императора, изображение сопровождалось надписями, гласящими, что этот исключительный, широкий жест был сделан не единожды, а дважды. Напомнить об этой необыкновенной щедрости стоило, потому что это могло помочь отвлечь внимание людей от непопулярной необходимости прекратить регулярные бесплатные пособия на время после пожара. Другая монета изображает продовольственный рынок, восстановленный Нероном после того, как он сгорел во время того же большого пожара.

Внешняя политика представлена на этих выпусках храмом Януса с указанием, что он был закрыт Нероном, поскольку римский народ живет в мире. Двери этого храма могли быть закрыты, только когда во всей империи не велось ни одной войны – что означало, что за все века существования этого храма двери почти всегда были распахнуты. Но Нерон закрыл их, его блестящее разрешение проблемы с Арменией сделало это возможным. А еще одна монета изображает Алтарь Мира. Мы не знаем, где находился этот алтарь – монета была выпущена вне Рима, – но, очевидно, он был воздвигнут по тому же самому случаю и намеренно напоминает знаменитый Алтарь Мира, который был установлен Августом.

Другие выпуски заботливо подчеркивают военные подвиги, посредством которых, как заявлялось, был достигнут мир (отвлекая внимание от дипломатических достижений, что было менее популярно). Одна монета изображает Нерона, принимающего участие в военных учениях преторианцев, другая изображает, как они приветствуют его, – и в том и в другом Нерон участвовал слишком редко с общепринятой точки зрения, и, следовательно, желательно было подчеркнуть его роль. И эти военные мотивы, подобно ссылкам на мир, также были представлены с отголосками монет Августа.

Дух Августа особенно очевиден в другой серии монет, отчеканенной в гигантских количествах, которые изображают элегантную фигуру богини Победы, держащую щит,

посвященный императору Сенатом и римским народом (SPQR). Композиция повторяет, хотя гораздо артистичней, тип монеты, которая изначально была отчеканена в память Августа, представляя золотой Щит Добродетели, который Сенат и народ посвятили ему при жизни. Изначально такая монета была изготовлена в десятилетнюю годовщину смерти и обожествления Августа. Теперь, в 64 году, наступила пятидесятая годовщина этого события. Другими словами, народу предлагалось композицией этой монеты считать Нерона полным и единственным наследником основателя империи. Память об Августе присутствует постоянно. Выпуски монет городами Малой Азии все еще носят его портрет попеременно с изображением правящего императора. А монеты губернатора Египта прямо называют Нерона «новым Августом».

Другая серия монет намеренно копирует композицию, которая фигурировала на монетах, отчеканенных самим Августом. Она изображает увенчанного лавровым венком бога Аполлона, играющего на лире. Но, как считали Светоний или его источники, фигура должна была безошибочно идентифицироваться с самим Нероном, который имел обыкновение делать то же самое, и делал это с удовольствием. Здесь, как и в прическе императора на его портретах, снова отдана дань личным вкусам императора. Приверженцы традиций могут счесть намек шокирующим, но он тактично выражен непосредственно в традициях Августа, и ссылка делается на респектабельность этого занятия, благодаря традиционному покровительству Аполлона, на которое сам Нерон имел привычку ссылаться. Его постоянно сравнивали с этим богом ²⁹, и его огромная статуя, Колосс, имела корону Аполлона из солнечных лучей. Точно такая же корона, окружающая чело Нерона, появляется и на монетах.

Не было ли более благоразумным для тех, кто выбирал композиции монет, вообще ничего не говорить о пристрастии Нерона к игре на музыкальном инструменте? Очевидно, они придерживались обратного мнения; по-видимому, скандал был слишком публичным, чтобы его игнорировать. И поэтому они сделали все, что могли, приняв это щекотливое положение, но позолотив пилюлю намеком на прецедент Августа и пример самого Аполлона.

Глава 12. НЕДОВОЛЬСТВО ВЫСШЕГО КЛАССА

Конечно, скандал, связанный с выступлениями Нерона, достиг монументального размаха. Хотя даже на этих выступлениях присутствовал узкий круг приглашенных зрителей. Но теперь оказалось невозможным отговорить императора от появления на публичной сцене; возможно, круг советников, теперь окружавших его, и не пытался этого делать. Нерон цитировал греческую поговорку: «Чего никто не слышит, того никто не ценит» (Светоний. Нерон, 20, 1).

Ограниченные сборища казались ему недостаточно подходящими и неспособными отдать справедливость его голосу.

Для своего личного дебюта Нерон выбрал не Рим, а греческий Неаполис (Неаполь), поскольку, как он заметил, «лишь греки имеют вкус к музыке – лишь они одни заслуживают моих стараний». Великий неаполитанский праздник, проводимый каждые четыре года в память Августа, был отмечен посещением самого почитаемого императора. Тот лично не выступал на сцене, Нерон же – наоборот.

«Впервые он выступил в Неаполе; и хотя театр дрогнул от неожиданного землетрясения, он не остановился, пока не кончил начатую песнь. Выступал он в

²⁹ Нерона также приравнивал к Юпитеру в своих «Эклогах» Кальпурний Сикул. Официальные выпуски монет провинций вне Рима более рассудительно и менее непосредственно посвящают реверс «Гению императора» (GENIO AUGUSTI).

Неаполе часто и пел по несколько дней. Потом дал себе короткий отдых для восстановления голоса, но и тут не выдержал одиночества, из бани явился в театр, устроил пир посреди оркестры и по-гречески объявил толпе народа, что когда он промочит горло, то уж споет что-нибудь во весь голос»³⁰

(Светоний. Нерон, 20, 2).

Сенаторы с беспокойством ожидали наступления вторых римских Нероний, проводимых раз в пять лет (65 год). По этому случаю был произведен специальный выпуск монет от имени Нерона, изображавших венки победителя и судейскую урну. Игры проводились в театре Помпея, и именно тогда Нерон предпринял решительные и непреклонные шаги к своему первому появлению перед римской публикой.

«...Сенат, пытаясь предотвратить всенародный позор, предложил императору награду за пение и в добавление к ней венки победителя в красноречии, что избавило бы его от бесчестия, сопряженного с выступлением на подмостках. Но Нерон, ответив, что ему не нужны ни поправки, ни поддержка Сената и что, состязаясь на равных со своими соперниками, он добьется заслуженной славы по нелицеприятному приговору» (Тацит. *Анналы*, XVI, 4)³¹.

Председателем игр, перед которым стояла деликатная задача организовать дебют императора, был Авл Вителлий, сын хитрого и влиятельного адвоката Клавдия. Вителлий, который позднее и сам стал императором на несколько месяцев, сделал выдающуюся карьеру, но имел незавидную репутацию обжоры, льстеца, страстного любителя управлять колесницей и метателя диска, а также обвинялся в сожигательстве с покойным императором Тиберием. Теперь же, судя по Светонию, Вителлий «увидел, что Нерон очень хочет выступить в состязании кифаредов, но не решается уступить общим просьбам и готов уйти из театра; тогда он остановил его, словно по неотступному требованию народа, и дал возможность его уговорить» (Светоний. *Вителлий*, 4).

В другой своей работе Светоний дает немного отличающееся, но более детальное описание происходившего.

«Правда, хотя все кричали, что хотят услышать его божественный голос, он сперва ответил, что желающих он постарается удовлетворить в своих садах; но когда к просьбам толпы присоединились солдаты, стоявшие в это время на страже, то он с готовностью заявил, что выступит хоть сейчас. И тут же он приказал занести свое имя в список кифаредов-состязателей, бросил в урну свой жребий вместе с другими, дождался своей очереди и вышел: кифару его несли начальники преторианцев, затем шли войсковые трибуны, а рядом с ним – ближайшие друзья. Встав на сцене и произнеся вступительные слова, он через Клувия Руфа, бывшего консула, объявил, что петь он будет „Ниобу“, и пел почти до десятого часа. Продолжение состязания и выдачу наград он отложил до следующего года, чтобы иметь случай выступить еще несколько раз; но и это ожидание показалось ему долгим, и он не переставал вновь и вновь показываться зрителям» (Светоний. *Нерон*, 21, 1-2).

Предпринятые меры безопасности были очень строгими и обременительными.

«Когда он³² пел, никому не позволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках» (Светоний. *Нерон*, 23, 2).

Тацит также отмечает, что «...не привыкшим к царившей в Риме разнузданности

³⁰ Нерон намеренно сравнивал себя с Пиндаром.

³¹ Светоний утверждает, что Нерон специально выжидал установленной даты для вторых Нероний; другие историки полагают, что они были проведены в 64 г.

³² Нерон

трудно было взирать на происходившее вокруг них; не справлялись они и с постыдной обязанностью хлопать в ладоши; их неумелые руки быстро уставали, они сбивали со счета более ловких и опытных, и на них часто обрушивали удары воины, расставленные между рядами с тем, чтобы не было ни мгновения, заполненного нестройными криками или праздным молчанием.

...множество соглядатаев явно, а еще большее их число – скрытно запоминали имена и лица входящих, их дружественное или неприязненное настроение. По их донесениям мелкий люд немедленно осуждали на казни, а знатных впоследствии наступала затаенная на первых порах ненависть принцепса» (Тацит. Анналы, XVI, 5).

Эти угрожающие признаки составляли часть общей картины: Рим постепенно превращался в полицейское государство. Нерон, будучи слишком подозрительным и легко впадавшим в страх, с готовностью поддавался под влияние командира преторианцев Тигеллина, который придерживался жестких мер безопасности. Мы уже видели его в работе, когда он фабриковал обвинения против Октавии; теперь список приговоренных к смерти с императорскими родственными связями по крови или по браку возрос. Более того, в год продвижения Тигеллина (62 год) был возрожден старый, ничем не ограниченный обычай обвинения в оскорблении чести императора (*majestas*), который прежние императоры расширили, чтобы включить и подозрения в угрозе их собственной жизни.

Сенаторы, как и император, имели собственный суд, и по восшествии на престол Нерон пообещал гарантировать его независимость, хотя слушания дел в сенатском суде слишком часто превращались в низкопоклонство. Однако этого не случилось в 62 году, когда Сенат решил, что человек, осужденный в декламации сатирических виршей об императоре на пиру, должен быть приговорен ни к чему иному, как к изгнанию. Нерон, как сообщают, пришел в негодование от такой снисходительности, поскольку предполагалось, что он надеялся на более суровый приговор, который сам затем мог бы заменить смягчением, завоевав себе популярность. Однако лезть до определенной степени была все-таки возможна, по крайней мере среди не слишком влиятельных людей. Некий комический актер Дат, декламируя строчки «Прощай, отец, прощай, мать», отважился сделать жесты, как будто он пьет и плывет, намекая на судьбы Клавдия и Агриппины. А при заключительных словах «К смерти путь ваш лежит» указал рукой на сенаторов, чтобы показать, что имеет в виду их предназначение при правлении Нерона. Тем не менее Дат тоже был лишь сослан, как и некий философ, выкрикивавший грубости в адрес императора на улице ³³ проходил по улице, киник Исидор громко крикнул ему при всех, что о бедствиях Навплия он поет хорошо, а с собственными бедствиями справляется плохо».]

Но задевшая за живое шутка Дата насчет сенаторов была делом нешуточным. Как скоро материализовались истинные угрозы жизни императора, мы не можем сказать. Но угрожавшая всем и каждому тайная полиция теперь активизировалась довольно быстро. Результатом стала толпа доносчиков, включающая зловещие фигуры, такие, как Ватиний, хромой, обозленный на всех сапожник из Беневента, к которому благоволил Нерон. Хотя более опасным был рост значительного числа солидных обвинителей. Ораторское искусство всегда было основным гражданским занятием римлян, и молодые люди делали себе имена в качестве обвинителей. В то время это стало единственной важной ролью, которая оставалась для амбициозного или талантливому публичного оратора. Следовательно, обвинители росли в числе; и большое количество ведущих фигур пострадало от их внимания. Риск уже и так постепенно возрос за предшествующие годы, и в господствующей атмосфере его опасность увеличилась. Опытные обвинители были личностями, не уступающими неистовому и фанатичному Эприю Марцеллу и вкрадчивому, веселому Вибию Криспу, товарищу Вителлия по пирам. Подобные люди, несмотря на свое скромное происхождение, были невероятно богаты и влиятельны, и более того, они теперь присоединились к Тигеллину в

³³ Сенека пишет, что «однажды, когда он [Нерон

рядах наиболее близких советников императора.

Что же касается самого Тигеллина, он, как оказалось, лично возглавлял службу соглядатаев, которая обеспечивала подобных людей их оружием. Мы видели ее в работе в амфитеатре, где агенты замечали выражения лиц людей, смотревших выступление императора. Странствующий философ Аполлоний из Тианы заявил, что Тигеллин превратил Рим в город, «где все – глаза и уши», а Сенека, хотя до своей отставки и сам должен был пользоваться услугами доносчиков, сокрушался о сложившейся ситуации, где ничего нельзя было сказать или услышать без последствий. К примеру, в публичных домах тоже существовали агенты, поэтому их посещение зачастую оказывалось фатальным для посетителей. Да и публичные туалеты тоже были небезопасны. В одном из них Лукан, страдавший метеоризмом, имел неосторожность процитировать полустишие, написанное самим Нероном: «Словно бы гром прогремел под землей...»³⁴ Все быстро встали и поспешно удалились, и шутка, ревностно переданная императору, отнюдь не улучшила его отношений с принцепсом.

Заговор Пизона

Меры безопасности, предпринятые Тигеллином, дали осечку, потому что они усилили ту самую угрозу, уничтожить которую были призваны. То есть они непосредственно повлияли на возникновение настоящих, опасных заговоров против Нерона, которые зародились в 65-66 годах. Несомненно то, что неримская приверженность Нерона к сцене и публичным выступлениям, вызывавшая ужас у представителей высшего сословия, имела отношение к этим тайным сговорам. Но основная причина состояла в том, что заговорщики, вполне понятно, сами опасались своей участи стать следующими, на кого падет гнев императора.

Целью заговора Пизона, открытого незадолго до Нероний 65 года, было совершить убийство императора и посадить на трон на его место некоего Гая Кальпурния Пизона. Пизон был аристократичным, щедрым, красивым и красноречивым. Он также был знаменит своим умением играть в игру, напоминающую шашки или триктрак.

Пизон был поверхностным человеком, любящим показать себя. Как и Нерон, он пел и играл на кифаре, что подтверждает мнение о том, что мотивом заговорщиков был скорее страх за собственную жизнь, чем неодобрение вкусов императора, поскольку в противном случае вряд ли они выбрали бы преемником принцепса человека столь схожих интересов. Тацит дает нам подробную историю заговора с многочисленными утонченными риторическими отступлениями. Но трудно сказать, насколько она отражала правду. То же самое относится почти ко всем заговорам, а в данном случае существует вызывающее сомнения расхождение между отчетами одного историка и другого.

В остальном нам лишь остается полагаться на последующий отчет, данный самим императором, который с помощью Тигеллина лично проводил расследование.

Нерон сообщает, что план состоял в том, чтобы убить его в Большом цирке во время проведения игр. В результате утечки информации, которая описывается у разных историков по-разному, пятьдесят один человек был обвинен в заговоре, включая девятнадцать сенаторов, семь патрициев, одиннадцать чиновников и четырех женщин. Последовало девятнадцать расследований и тринадцать приговоров в изгнание, четыре чиновника были уволены со службы. Другие выдающиеся люди стали жертвами позднее и косвенно. Ходившие в то время в народе разговоры, видимо, бросали тень сомнения: а был ли заговор вообще? Но Тацит подтверждает его достоверность, и до определенной степени, по крайней мере, ему можно верить, поскольку он мог обратиться за подтверждением этого факта к

³⁴ Цит. по кн.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Лукан. М.: Правда, 1991. 512 с.

выжившим людям, которые вполне могли иметь собственные особые доводы и версии, какие они желали передать потомкам.

Рискованность этого дела, с точки зрения императора, состояла в том, что в нем участвовало столь большое число высших военных чинов. Одним из них оказался Фений Руф, известный коллега Тигеллина. После того как заговор был раскрыт, он зарекомендовал себя одним из палачей. И, подобно генералу, который предпринял подобную попытку после 1944 года в заговоре против Гитлера, был предан и казнен.

Любопытно, что Дион Кассий в своем описании заговора не упоминает о Пизоне вообще. По его словам, одним из главарей этого смелого предприятия был Фений Руф, а другим – Сенека.

После того как все открылось, Сенека был вынужден покончить жизнь самоубийством. Пространное описание Тацита приписывает ему традиционную философскую кончину, тщательно смоделированную по смерти Сократа, включая предсмертную записку миру, которая была позднее опубликована. Тацит также полагает, что в действительности Сенека не участвовал в заговоре. Но так ли это? Много было предположений о том, что он ответил Пизону. Последний, как утверждалось, предложил встретиться с Сенекой, на что Сенека ответил, что «...как обмен мыслями через посредников, так и частые беседы с глазу на глаз не послужат на пользу ни тому ни другому; впрочем, его спокойствие зависит от благополучия Пизона» (Тацит. Анналы, XV, 5).

Это можно считать признаком вины. Но с таким же успехом, в соответствии с правилами приличий того времени, могло и не быть. Что кажется весьма вероятным, так это то, что важные офицеры, которые предположительно участвовали в заговоре, скорее имели в виду кандидатуру Сенеки, а не Пизона, на трон следующего императора. Возрастающие личные угрозы от соглядатаев Нерона, шпионов и обвинителей сказывались на них не столь сильно, как на сенаторах, поскольку военные были в целом в меньшей опасности, но скандалы, связанные с артистическими вкусами Нерона, принимали угрожающие размеры, и Пизон был бы не слишком хорошей заменой из-за собственных похожих склонностей. Тацит заявляет, что лишь цитирует действительные слова одного из высокопоставленных военных, участвовавших в заговоре, – Субрия (Subrius) Флава.

«На вопрос Нерона, в силу каких причин он дошел до забвения присяги и долга, Флав ответил: „Я возненавидел тебя. Не было воина, превосходившего меня в преданности тебе, пока ты был достоин любви. Но я проникся ненавистью к тебе после того, как ты стал убийцей матери и жены, колесничим, лицедеем и поджигателем“ (Тацит. Анналы, XV, 67).

Пизон, возможно, и не был убийцей, но он определенно был еще одним певцом и актером. Военные скорее хотели бы иметь на месте императора Сенеку. И не исключена вероятность, что Сенека, видимо, действительно участвовал в заговоре, и, возможно, он чувствовал, что вынужден так поступить из-за враждебности Тигеллина, которая угрожала его жизни. Как мы уже видели, он был под подозрением, так как заявил, что настанет время, когда тиран станет настолько невыносим, что его должны будут убить. И возможно, Сенека теперь верил, что этот момент наконец-то наступил. В его произведениях некоторое время превалирует тема смерти. И даже если театральность, сопровождавшая его уход из жизни, может иметь элемент обывательского преувеличения, нет причин полагать, что Сенека не был готов встретить свой последний час. Нерон не дал жене Сенеки Помпее Паулине покончить с жизнью вместе с ним, но некоторое время спустя брат Сенеки Галлион был вынужден покончить жизнь самоубийством. Другой, более ранней жертвой, стал его племянник Лукан – республиканец в сердце, но республиканец, который получил награду на первых Нерониях в 60 году за поэму, восхваляющую императора, и чья эпическая поэма «Фарсалия» снова, наряду с республиканскими чувствами, сумела польстить императору. Его судьба была решена, возможно, когда его неудачная шутка в общественном туалете – или где-то еще – была передана императору. Как поговаривали, Нерон начал запрещать его публичные выступления. К счастью, похоже, нет необходимости принимать на веру рассказ, что Лукан перед смертью обвинил собственную мать Асцилию. Если так, то позднее поэт

Статий вряд ли бы смог в своих стихах, обращаясь к вдове Лукана, иметь бестактность назвать Нерона матереубийцей.

Во всяком случае, Асцилия осталась в живых. Но некоторое время спустя ее муж, Анней Мела, был вынужден, как и его два брата, принять смерть.

А также и Петроний, которого недолюбливал Тигеллин как соперника в развлечениях Нерона; Петроний обставил свое самоубийство с типичным щегольством, проявив немало небрежной злобы по отношению к Нерону. Вот таким образом ушел из жизни еще один из старых приятелей императора. Жена Петрония отравила двоих детей и отравилась сама.

Также после некоторых сомнений был еще один пострадавший от принадлежности к императорскому семейству. Пострадавшей оказалась дочь Клавдия Антония – сводная сестра Британика и Октавии. Нерона заставили поверить, что если бы Пизону удалось осуществить свой замысел или попасть в лагерь преторианцев, то он взял бы с собой Клавдию Антонию 35.

Пизон любил свою жену Сатрию Галлу (которую увел у своего друга), но слухи о Клавдии Антонии – с намеками, что он намеревался сделать ее императрицей, – казались возможными все равно, потому что Галла, хотя и была красива, была слишком низкого происхождения, чтобы пользоваться благосклонностью плебса и сенаторов, если ее муж добьется трона. Но Пизон постарался изо всех сил спасти жизнь Галлы, сильно польстив Нерону в своем завещании, и она, очевидно, осталась в живых.

Из этих разрозненных кусочков информации вырисовывается новая цепочка представителей власти, и мы можем видеть, кем были люди, которые помогали Нерону раскрыть заговор. В их рядах был один из его бывших государственных секретарей Эпафродит, который занял место Дорифора в качестве министра по приему прошений. Это была его месть, потому что его высмеял один из заговорщиков, назвав лакеем. Почетный триумф был пожалован Петронию Турпилиану, человеку, который ввел мирную политику в Британии после бунта – очевидно, он снова стал полезным. Таких же почестей удостоился тридцатипятилетний адвокат и поэт по имени Кокцей Нерва (будущий император), значит, и он тоже наверняка помогал раскрыть заговор. Нерон установил его статую на Форуме, а еще одну в самом императорском дворце. Была воздвигнута статуя и Тигеллина.

Кроме того, почетное консульство отошло к человеку, который теперь заменил Фения Руфа в качестве коллеги Тигеллина на посту командира преторианцев. Это был Нимфидий Сабин. Его мать, дочь портного, бывшего министра Калл иста, была привлекательной и продажной свободной женщиной, которая черпала свою клиентуру из рабов и бывших рабов императорского двора. Предполагаемым отцом Нимфидия был некий гладиатор, но сам Нимфидий заявлял, что он сын императора Калигулы. Его рост и свирепое выражение лица придавали некое правдоподобие подобному заявлению.

«Рожденный матерью-вольнотпущенницей, промышленявшей своей красотой среди рабов и вольнотпущенников из дома принцепсов, он утверждал, что его отцом был Гай Цезарь, то ли потому, что по какой-то случайности походил на него высоким ростом и свирепым лицом, или так как Гай Цезарь, не гнушавшийся даже уличных женщин, и в самом деле потешился с его матерью» (Тацит. *Анналы*, XV, 72).

Тацит, как и другие выдающиеся римляне, имел предубеждение против Нимфидия из-за его особенного происхождения, поэтому если и были какие-то моменты, говорившие в его пользу, то нам о них ничего не сказано. Поскольку раскрытие заговора было удобным случаем для продвижения по службе, вполне могло быть, что и он, как и Тигеллин, был специалистом по охране. Тем не менее, какие бы услуги Нимфидий ни оказывал сейчас, позднее, как мы увидим, он оказался ненадежным. Нерон явно обременил себя двумя довольно мерзкими командирами преторианцев.

Когда заговорщики были устранены, официальный выпуск монет поспешил отдать

35 Светоний утверждает, что Клавдия Антония отказалась выйти замуж за Нерона после смерти Поппеи.

почести Юпитеру-Охранителю (CUSTOS) и двум соответствующим богиням, олицетворявшим Благосостояние, или Благополучие (SALUS), и Безопасность – безопасность императора или безопасность, обеспеченную императором.

Возведение храма в честь богини Салус было поддержано Сенатом, и Арвальское братство воздало жертвы за здоровье Нерона и благополучие империи. Жизнь императоров часто находилась под угрозой, но не очень обычно, чтобы специальный выпуск монет привлекал к этому внимание. В действительности такой поступок можно считать скорее наивным, поскольку подобное уверение предполагало, что ситуация действительно была чревата опасностью, если было поднято столько шума, чтобы убедить всех в обратном.

Смерть Пoppеи

Нерон пытался избавиться от беспокойных мыслей, сконцентрировавшись на своем первом публичном выступлении в Нерониях, описанном в предыдущей главе. Но вскоре ему пришлось пережить трагический удар судьбы. Потому что вскоре после игр умерла Пoppея. Она забеременела во второй раз. Тацит справедливо отвергает легенду, что император отравил ее, заметив, что Нерон хотел детей и любил свою жену. Но, несмотря на это, говорит историк, он пнул ее ногой в случайном приступе гнева, этот удар и вызвал ее смерть.

Другие историки соглашались с ним, а Светоний добавляет, что в то время Пoppея была больна, и предлагает довольно обывательские дополнительные подробности, что Нерон был груб, потому что жена бранила его за то, что он вернулся поздно с гонок на колесницах. Кто мог сказать, насколько отвратительно Нерон мог себя повести в подобном случае? Но если он действительно ударил ее, маловероятно, что намеревался ее убить.

Ее тело было забальзамировано, как тела восточных цариц, и количество благовоний, сгоревших на ее похоронах, равнялось целому годовому запасу, поставляемому из всей Аравии. Нерон произнес похоронную речь, восхваляя ее красоту и то, что она была матерью богини – поскольку умершая в младенчестве ее дочь Клавдия была обожествлена после своей смерти. И теперь Пoppея тоже была объявлена богиней, изображения ее и ее дочери с божественными регалиями красовались на монете иудейского царя Агриппы II, к чьей судьбе Пoppея проявляла интерес.

Нерон так ее и не забыл, один из последних в его правлении указов был посвящен ее усыпальнице. С этих пор, когда он пел женскую роль, он предпочитал носить маску, напоминающую чертами лица Пoppею. Его благосклонность пала на евнуха Спора, потому что его внешность напоминала Нерону Пoppею, и действительно император имел обыкновение обращаться к мальчику, называя его Сабиной – вторым именем своей умершей жены.

Тем не менее в 66 году принцепс вступил в третий брак. Его новой женой стала модная и красивая Статилла Мессалина, которая к тому времени уже сменила четырех мужей³⁶.

Ее последний муж, Вестиний, был устранил с пути за участие в заговоре Пизона, когда занимал место консула. Императорские палачи вошли в его дом в то время, когда он давал пир. Они всю ночь продержали под стражей всех его гостей до тех пор, пока Нерон со смехом не заметил, что те достаточно пострадали за пир у консула. Возможно, ошибкой Вестиния в действительности стало то, что он женился на Статилле, когда та уже была любовницей Нерона. Но были также и другие причины, почему он был так склонен к риску. В частности, Вестиний был человеком излишне откровенным, с чрезвычайно рискованной привычкой говорить грубые шутки об императоре прямо ему в лицо.

В 66 году Нерон обратил свой гнев еще на одну группу патрициев. Это были ультраконсерваторы, люди, которые подошли, насколько осмелились, к республиканцам, и

³⁶ Время женитьбы Нерона на Статилле Мессалине зафиксировано выпуском монет губернатора Азии в 65-66 гг., поскольку на этих монетах изображалась сначала Пoppея, а затем Статилла Мессалина.

зашли гораздо дальше, чем когда-либо заходил Лукан. Их самым выдающимся членом был Тразея (Фразея) Пет из Патавия (Падуя), один из руководителей возникшей группы, имевшей значение на севере Италии. После краткого пребывания в фаворе у Нерона в начале его правления Тразея утратил веру в императора и впоследствии посвятил себя пассивному противостоянию и политике неучастия в работе Сената, где пользовался большим уважением. Во время сенаторских дебатов после смерти Агриппины Тразея вышел из состава Сената. Он также не проявлял особого энтузиазма по поводу Ювеналий, и это особенно задело Нерона, поскольку сам Тразея в своем родном городе появлялся перед публикой и исполнял трагедии. В 62 году, когда против кого-то было выдвинуто обвинение за то, что он написал грубые вирши о Нероне, именно Тразея вызвал досаду императора, убедив Сенат быть снисходительным. Теперь, после смерти Пoppей, он оставался в стороне, когда голосовали о воздании ей божественных почестей; он также не присутствовал и на ее похоронах. А его строгое выражение лица, как у школьного учителя, которое подтверждает Светоний, наверняка было еще одним источником раздражения для императора.

Тразея впал в немилость в 63 году, когда ему было запрещено присоединиться к своим товарищам сенаторам в Анции, чтобы поздравить императрицу с рождением дочери. Но тогда Нерон сделал попытку с ним примириться, поскольку, в конце концов, Тразея был, вероятно, наивлиятельнейшим из всех сенаторов. И к тому же был известен своей безупречной честностью – сам Нерон говорил об этом с восхищением.

Когда Нерон предпринял попытку примириться с Тразеей, его поздравил с этим порывом Сенека, что не принесло пользы ни Сенеке, ни самому Тразее. Теперь Тразее пришел конец, и удар пал также на всех тех, кто доводился ему родственником либо единомышленником.

Греческие философские школы относились к монархии по-разному. Киники (живший в IV веке до н. э. Диоген) не одобряли всех самодержцев, в то время как стоики лишь недолюбливали плохих. Когда Тразея умирал, философ-киник Деметрий – человек, который высказывался против терм Нерона, – присутствовал при этом, чтобы дать ему утешение. Но Тразея придерживался учения стоиков и стремился строить свою жизнь, основываясь на их доктрине. Привкус греческой философии был и у всей группы римлян, которые доводились ему родственниками и друзьями. Имперское правительство традиционно пыталось основывать собственную пропаганду на моральных принципах греческой философии.

Тем не менее сами философы, по крайней мере еще во времена правления Калигулы, проявляли признаки оппозиции режиму – и они недавно понесли потери после заговора Пизона.

Сенека чувствовал необходимость опровергнуть обвинения в том, что эта философия является губительным учением. Обыкновенные римляне, вполне естественно, ничего не чувствовали, кроме презрения к этому вопросу; а интеллектуальные интересы Нерона по-царски не простирались до такой мелочи, как философия, хотя он находил приятной забавой слушать профессионалов, vzdорящих между собой после обеда. Но философская аура, которая окружала Тразею, очевидно, излучала значительный романтический ореол. Поскольку именно это стало причиной создания пространной и далекой от правды саги, большая часть которой состояла из воспоминаний о языческих мучениках, предшественниках грядущих христианских.

Интерес, который Тразея и его друзья питали к философии, и их желание жить по ее заповедям не следует недооценивать. Однако они были римлянами и придерживались, прежде всего прочего, законов бескомпромиссной, сословной чести своего правящего класса, полной личного достоинства и настаивающей на абсолютной свободе слова. Позднее даже беспечный Веспасиан вынужден был считать эту группу невыносимой (в лице приемного сына Тразеи), и во время преследований позднего правления Нерона было проще всего на свете отыскать имеющих вес злобных обвинителей, чтобы предъявить им обвинение – во главе с личным другом императора Эприем Марцеллом, полным энтузиазма. Соответственно Тразея лишился жизни. Поплатился жизнью и выдающийся общественный деятель и стоик

Барей Соран, хотя Тацит и Дион Кассий, возможно, ошибаются, непосредственно связав эти два случая вместе. Как и Тразей, он одно время сотрудничал с режимом и считал уместным льстить бывшему императорскому министру Палланту. Но теперь Барей был обвинен в подстрекательстве мятежа в больших городах Малой Азии – и их самый богатый человек, который был его другом, погиб при его падении. Еще одной жертвой стала малолетняя дочь Барей Сервилия, которая опрометчиво заплатила магам за совет, как спасти жизнь ее отцу. Ее смерть была драматичной и напрасной. Но люди, которые предпочли открыто показывать свое недостаточное сочувствие Нерону, явно не имели больших перспектив на сохранение своей жизни. И Тацит, несмотря на то что восхвалял благородство их поступков, неоднозначно подчеркивает повсюду, что считает такое мученичество красивым, но бесполезным жестом – «впечатляющей, но бесполезной для государства смертью» (Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы, 42).

Падение Тразей и Барей не обязательно было результатом их действительного участия в каком-нибудь заговоре. Нет причины предполагать, что они зашли так далеко. Но в том же году, очевидно, имел место второй заговор, преемник заговора Пизона. Наши сведения о том, что произошло, чрезвычайно фрагментарны. Сохранившийся манускрипт Тацита обрывается на этом самом месте, и, таким образом, у нас нет отчета о последних годах правления Нерона. Один Светоний рассказывает нам о «заговоре Винициана», который неудачно начался в Беревенте, и именно этот заговор, очевидно, упоминается как «нечестивый заговор» в записях Арвальского братства, когда 19 июня 66 года воздавались благодарственные молитвы за его подавление и за хранение жизни императора. Предводителем движения, по-видимому, был некий Анний Винициан, сын человека, составившего заговор против Клавдия и, возможно, имевшего связи с императорским домом. Винициан усердно служил в войске великого полководца времен Нерона Корбулона и был женат на его дочери. Его брат был сослан после заговора Пизона, и они были родственниками Барей, который впоследствии тоже был лишен жизни. Устранение первого брата, а затем и Барей было, по-видимому, поводом, который привел Винициана в страхе за собственную жизнь к мысли устроить заговор против Нерона. Барей был выдающимся губернатором провинции, а губернаторы играли большую роль в заговоре Винициана, или, во всяком случае, в резне, которая последовала за его раскрытием.

В то время Корбулон был, очевидно, не при деле, но где-то в конце 66 года Нерон, который теперь уехал в Грецию, вызвал его, чтобы тот присоединился там к свите императора. По прибытии в Кенхереи, порт Коринфа, Корбулону был вручен от императора приказ покончить жизнь самоубийством. Перед смертью он произнес по-гречески слово «Αχίος». Именно этим словом, по обычаю, приветствовали героя или победителя игр, что означало: «Ты это заслужил». Корбулон сказал: «Я это заслужил». Но означало ли это «я сделал глупость, что приехал», или «я был глупцом, что служил Нерону так долго», или же «я виновен»? Во всяком случае, какой бы ни была правильная интерпретация последнего слова Корбулона, есть большая вероятность, что Винициан и его сообщники-заговорщики намеревались посадить его на трон, хотя и не обязательно заранее посвятили его в свою тайну.

Почти в то же время двое братьев, Скрибоний Руф и Скрибоний Прокул, которые управляли двумя провинциями Германии, граничащими на Рейне, также были вызваны в Грецию. Их тоже вынудили покончить жизнь самоубийством, не дав возможности выступить в свою защиту или увидаться с Нероном. Их семейство могло претендовать на происхождение от императоров и от Помпея и еще прежде вызывало подозрения в глазах принцепса. Если братья действительно были виновны в заговоре, то, несомненно, дело оборачивалось серьезным для правительства, поскольку каждый из них в своей провинции командовал существенной силой в три легиона. Вне всяких сомнений, Нерон и его советники находились под впечатлением, что эта гниль распространилась и на великих полководцев и губернаторов. И возможно, они были правы. Если так, ситуация становилась рискованной.

Глава 13. ВОССТАНИЕ И ТРИУМФ

Возросшее внимание правительства к заговорам или возможным заговорам римской знати совпало с поводом для народного восстания, которое далеко превзошло в своей жестокости волнения в Британии. Его сценой была Иудея, римская провинция, которая приблизительно соответствовала нынешнему Израилю. Хотя римляне по всему Востоку старались справедливо поддерживать мир между греками и евреями, в самой Иудее они полностью потерпели неудачу. Израиль для Рима был то же, что Ирландия для Британской империи, с дополнительными осложнениями, вызванными классовой ненавистью между самими еврейскими жителями. При правлении римских губернаторов (префектов или прокураторов), которые были на удивление низкого статуса, а иногда просто не справлялись с ситуацией, неприятности быстро умножались, и даже проеврейское отношение Поппеи мало чем могло помочь.

Окончательная катастрофа была инициирована префектом Гессием Флором (64-66 гг.), который отказался от умеренной политики своего предшественника и попытался извлечь большую сумму из храмовых сокровищниц, заявив (возможно, справедливо, хотя и бестактно), что она полагается ему в качестве налоговой задолженности. Когда разразился бунт, Гессий позволил римскому войску частично разграбить Иерусалим (май 66 г.). Но ему пришлось отступить из города, поскольку националистические предводители (зелоты), под чьим контролем находилось мощное террористическое крыло, устроили кровавую расправу над римским населением. Тем временем были выпущены большие серебряные шекели, где провозглашались святость и освобождение Сиона, греки в соседних странах были глубоко взволнованы; и по всему Леванту и в Египте они и евреи начали убивать друг друга.

В самой Иудее восставшие быстро получили поддержку. Они сильно приободрились, когда Цестий Галл, губернатор Сирии, вмешался, но получил крутой отпор. Потому что, когда этот чиновник, который был по положению гораздо выше префекта Иудеи, вошел в эту провинцию, он был вынужден оставить свою попытку снова взять Иерусалим. Изнуренный нерегулярными войсками противника, он отошел от его стен и, отступая к Беф-Орону, понес тяжелые потери (ноябрь 66 г.). Когда это стало известно, восстание распространилось на восток от реки Иордан и на юг в Негев.

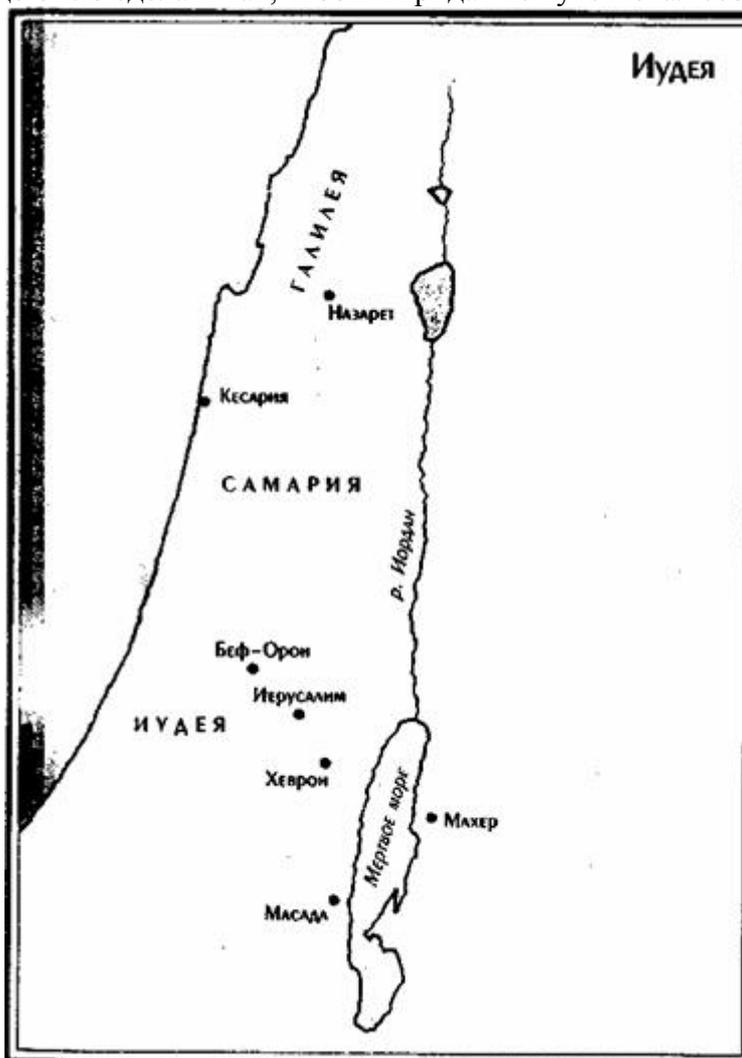
Тем временем в конце года Нерон назначил пятидесятилетнего Веспасиана принять командование в Иудее. Веспасиан, который в то время находился с императором в Греции, изначально приобрел влияние: потому, что его любовницей была свободнорожденная женщина из свиты одной из придворных дам, и потому, что он льстил Калигуле. При Нероне он подверг опасности свою карьеру и жизнь, ушел из театра в то время, пока император лицедействовал; по другой версии, Веспасиан остался, но заснул. Щекотливым моментом было также то, что он был дружен с Тразеей и Бареей, оба уже были повержены. Тем не менее Веспасиан получил назначение в Иудею. Потому что он был не только хорошим солдатом, но к тому же был совершенно лишен социального ореола – после недавних заговоров или слухов о таковых Нерон питал глубокое подозрение к таким фигурам.

В 67 году Веспасиан начал свою кампанию против бунтарей. Двинувшись на юг из Сирии, он вторгся и захватил Галилею. Историк Иосиф Флавий, который был назначен командиром иудеев в этой области, оставил своих соотечественников в Иотапате (Jotapata) и стал сотрудничать с Римом – благоразумно и точно пророча, что Веспасиану предназначено стать императором. Проведя зиму 67/68 года в столице провинции Кесарии, Веспасиан проследовал далее, чтобы восстановить римское правление почти повсюду. Только немногочисленные крепости на холмах все еще сопротивлялись (Херодиум (Herodium), Махер (Machaerus) и Масада, раскопки которой ведутся сейчас), а также и сам Иерусалим, где командование восставших раздирали жестокие фракционистские распри. Но захват Иерусалима римлянами, а затем и завершение всей кампании пришлось отложить, пока

стоящий над Веспасианом главнокомандующий Нерон находился в отлучке.

Царский визит

Когда началось иудейское восстание, император все еще пребывал в Риме и готовился принять царя Тиридата из Армении, во исполнение дипломатического соглашения, достигнутого Корбулоном три года назад, в соответствии с которым, хотя и будучи ставленником Парфии, Тиридату следовало для видимости получить свою корону из рук римского императора. Этот визит символизировал чрезвычайный успех Нерона во внешней политике – мирное, долговременное разрешение армянского вопроса. Однако, поскольку римской публике нравились победы, было важно сделать так, чтобы визит Тиридата как можно больше походил на военный триумф для Рима, хотя – как настаивали и Нерон, и парфянский царь – надо было сделать так, чтобы Тиридат не чувствовал себя униженным.

С Тиридатом обошлись с величайшими почестями. Процессия его свиты, включая огромное количество телохранителей, состоящих из парфянских и римских солдат, обходилась в беспрецедентно огромные деньги: в 800 тысяч сестерциев ежедневно – сумма, которая явно была оплачена из римской государственной казны. А они были в пути не менее девяти месяцев. За исключением неизбежного пересечения Геллеспонта (Дарданеллы), Тиридат передвигался исключительно по суше, потому что, как магическому священнику, ему не позволялось загрязнять море, путешествуя по его поверхности. До Италии он весь путь проделал верхом в сопровождении своей жены, которой пришлось надеть золотое забрало вместо чадры, поскольку, в соответствии с обычаем ее страны, лица ее не должны были видеть. Попад на полуостров Италии с северо-востока, царская процессия разместились

в экипаже с двумя впряженными в него лошадьми, посланном им Нероном. Наконец, Тиридат был препровожден пред императорские очи в Неаполе.

Проследовав до Путеол, Тиридат посетил гладиаторские игры. Они были организованы с крайним великолепием императорским министром по имени Патробий, который привозил нильский песок для гимнастических упражнений. Для того чтобы выразить свою благодарность за такие приготовления, Тиридат изъявил желание устроить травлю каких-нибудь диких животных на арене: и он поразил двух быков одной стрелой. Если только этому можно поверить, добавляет Дион Кассий. Еще одной особой чертой празднества было появление борцов, как женского, так и мужского пола, всех возрастов, начиная от детей и далее – и все они были эфиопами.

Затем император сопровождал его в Рим.

«...вокруг храмов на Форуме выстроились вооруженные когорты, сам Нерон в одеянии триумфатора сидел в консульском кресле, на ростральной трибуне, окруженный боевыми значками и знаменами. Сперва Тиридат взошел к нему по наклонному помосту и склонился к его коленям, а он его поднял правой рукою и облобызал; потом по его мольбе он снял с его головы тиару и возложил диадему...» (Светоний. Нерон, 13, 1-2).

Латинский перевод речи Тиридата был прочитан вслух. Он вручил в качестве заложников своих сыновей и некоторых из своих родственников царского происхождения – включая отпрыска своего сводного брата, самого царя Парфии. Затем Нерон обратился к нему с ответной речью. Текст императорской речи, который сохранился до наших дней, поражает своей достоверностью и напыщенностью.

По словам Диона Кассия, речь Нерона звучала приблизительно так:

«Ты хорошо сделал, что пришел сюда самолично, чтобы удовольствоваться моим присутствием. Твой отец не оставил тебе этого царства; твои братья, хотя и отдали его тебе, не смогли защитить его для тебя, но это – мой милостивый дар тебе. И я делаю тебя царем Армении с тем, чтобы и ты и они узнали, что я обладаю властью лишать царства и даровать их».

После такой впечатляющей сцены в театре Помпея, интерьер которого был специально позолочен для такого случая, были проведены игры, декорации сцены которых также были покрыты золотом, чтобы народ вспоминал об этом потом как о Золотом дне. Даже пурпурный навес, натянутый над головами, был покрыт золотыми звездами, среди которых была вышита фигура Нерона, управляющего колесницей. И конечно же император, после того как препроводил Тиридата на место по правую руку от себя, быстро превратил изображение в действительность, взойдя на колесницу и приняв участие в гонках, а также сыграл на кифаре. Говорят, что царь был поражен; но толпа провозгласила Нерона «императором» – так называли генералов, одержавших победу, и он постоянно называл себя по имени – что делали до него лишь Цезарь и Август. Затем Нерон поднялся во главе торжественной процессии на Капитолий, где посвятил лавровый венок храму Юпитера. Затем, снова поднявшись на Форум, он закрыл двойные двери храма Януса во второй раз, чтобы еще раз показать, что действительно наступил мир. В честь этого случая в Могонтиаке (Майнц) была воздвигнута памятная колонна, где ее можно увидеть и сейчас.

Наконец Тиридат покинул Рим, нагруженный замечательными подарками. Он объявил о своем намерении переименовать столицу своего царства Артаксату в Неронию и перестроить этот город, сделав его более масштабным. Следовательно, его свита была теперь раздута еще больше, с влившимися в нее многочисленными строительными рабочими. Обратно он поехал другим путем, преодолев в достаточной мере свои религиозные сомнения относительно пересечения Ионического моря. Затем после того, как пересек Балканы, он посетил города Малой Азии, прежде чем возвратиться в Армению, чтобы править ею с тех

пор как римско-парфянский ставленник.

Нерон в Греции

Но император теперь подумывал о еще более тщательно продуманном празднестве – и к тому же гораздо более продолжительном, поскольку оно, как предполагалось, должно было длиться целый год. Нерон решил, что настало время совершить его давно планируемый визит в Грецию (Ахею). Он намеревался сделать это еще два года назад и уже было покинул столицу – но лишь для того, чтобы повернуть назад в Беневент, неизвестно почему. Теперь, в 66 году, по всей видимости в конце сентября, он снова отправился в путь. Его сопровождала не его третья жена Статилла Мессалина, а смазливый евнух Спор. Тигеллин также был членом свиты, и было задумано, что в Греции будет церемония, на которой он введет Спора как невесту в императорскую спальню, ведь греки отмечали такое событие пиром. Расхожая шутка того времени вопрошала, почему отец Нерона не удовольствовался такой женой, как Спор. Во время путешествия мальчик находился под присмотром богатой, вороватой, красивой женщины по имени Кальвия Криспинилла, которая теперь появляется в качестве сопровождающего лица во Дворце удовольствий, неся особую ответственность за обширный гардероб Спора.

С другой стороны, римским сенаторам Нерон выказывал заметную холодность. Теперь очень многие из них, казалось, не были в состоянии понять его. Неудивительно, поскольку группы сторонников Пизона и Тразеи были недавно ликвидированы, а заговор Винициана был еще впереди. Фаворит Нерона Ватиний, хромой сапожник, ставший доносчиком, как утверждает Дион Кассий, обычно развлекал императора за столом многозначительной шуткой: «Я ненавижу тебя, Нерон, потому что ты – сенатор!»

Император понял намек, поскольку было отмечено, что когда он отправился в Грецию и снова возвратился в Италию, то отказался вернуть сенаторам обычный церемониальный поцелуй или отвечать на их приветствия. Контроль за делами в Риме был возложен не на его совет, вдохновитель которого Тигеллин сопровождал Нерона в Грецию, а на двух вольноотпущенников греческого и восточного происхождения, служащих в качестве его министров: Геллия, который контролировал азиатские имения Нерона, и Поликлита, кому Нерон ранее доверил миссию в Британии.

Итак, сделав такие распоряжения, Нерон почувствовал наконец, что может теперь обратиться к народу, который действительно понимал, что такое настоящее искусство, – к грекам. Потому что это должно было быть артистическое турне. Приняв участие в празднествах на Коркире (Корфу) и в Актии, император проследовал в Коринф, столицу провинции, где, вероятно, провел зиму. Затем на следующий год он принимал участие в празднике в Аргосе и в четырех национальных играх – Олимпийских, Пифийских, Истмийских и Немейских. Все эти пять событий были отмечены на монетах того времени с надписями на греческом, отчеканенных губернатором Египта. Даты проведения различных игр были изменены так, что одна следовала за другой, чтобы Нерон смог принять участие во всех соревнованиях. Программы также были изменены. Было введено исполнение трагедий в Истмийские игры в Коринфе, где Нерон также пел гимн и краткую песнь о чудесах морских.

На Олимпийских играх (позднее объявленных недействительными) было устроено исключительно музыкальное соревнование, чтобы император мог появиться не только в качестве кифареда, но и трагического актера. В Олимпии Нерон также управлял двумя квадригами и колесницей с впряженным в нее десятком лошадей. Управляя колесницей с десятью лошадьми, он был выброшен из нее. Полуослепленный, Нерон забрался назад, но был не в состоянии закончить гонки. Несмотря на это, ему была присуждена награда – решение, которым судьи заработали дар в миллион сестерциев.

Во всех играх, где Нерон соревновался, он получал награды. Всего тысячу восемьсот восемь. В музыкальном соревновании он побеждал самых знаменитых музыкантов того времени, включая его собственного учителя Терпна.

Его победы провозглашались следующими словами:

«Нерон Цезарь выигрывает это состязание и венчает римский народ и весь обитаемый мир, который принадлежит ему».

Нерон заранее объявил, что его стремлением было стать победителем во всех четырех главных играх. Разнообразные судейские коллегии обеспечили осуществление этих его амбиций. Но хотя Нерон позаботился о том, чтобы их благоприятные оценки не остались недоплаченными, он все-таки не забывал о тяжелом финансовом положении дома, поскольку считал уместным не отказываться от денежного вознаграждения, которое полагалось к венкам победителя. Для греков это стало еще одной проблемой, которая уже давала им повод для беспокойства, тем более что у императора была ненасытная страсть к приобретению произведений искусства.

Нерон нашел время поучаствовать не только в знаменитых национальных состязаниях, но и местных соревнованиях меньшего масштаба. Однако он избегал визитов в Спарту или Афины. Традиционная спартанская дисциплина не слишком была ему по нраву, а Афины, возможно, не привлекали его, как уже было упомянуто ранее, из-за всех этих мифов о

фуриях, преследующих Ореста после того, как тот убил свою мать. Не мог Нерон также поддаться соблазну ступить на Афинскую территорию, чтобы принять участие в Элевсинских мистериях, откуда люди с нечистой совестью изгонялись по призыву глашатая.

Склонность Нерона к авантюрным и дающим волю воображению проектам была видна лучше всего на примере плана создать канал через Коринфский перешеек – плана, который был безуспешно начат в правление трех предшествующих ему императоров и продолжен не столь давно императором Калигулой. Если бы построить такой канал, корабли могли бы больше не огибать мыс Матапан (Matapan), где часто случались штормы, каждый год уносившие печальную дань человеческих жизней и имущества. Веспасиан, теперь занимающий пост главнокомандующего войсками в Иудее, послал на помощь шесть тысяч еврейских пленников, и по случаю официальной церемонии начала работ была устроена музыкальная программа. Но приверженцы традиций заявили, что предзнаменования были дурные, поскольку весь план является оскорблением воли Божьей. Поэтому Нерон самолично схватил золотую лопату и принялся кидать землю, а затем его примеру последовали другие. Говорили, что, когда канал будет готов, он собирался переименовать Пелопоннес в Неронопоннес – остров Нерона.

Но мудрец Аполлоний из Тианы пессимистично заявляет, что императору не суждено было переплыть Истм, и он оказался прав. Только одна пятая канала была вырыта, начиная от порта Лехея на западном конце, а затем преемники Нерона отказались от этой затеи. Истмийский канал не был открыт до 1893 года. (Проект же Нерона для еще одного гораздо более длинного канала в самой Италии, простирающегося от Неаполиса и Путеол до Остии, остался таким же неосуществленным, хотя ради этого были разрушены знаменитые Цекубские виноградники.)

Освобождение Греции

В конце своего путешествия по Греции Нерон предпринял акцию, которая принесла ему невероятную популярность на Востоке, а именно: 28 ноября 67 года он появился на стадионе в Коринфе и объявил Грецию свободной. Большие города в различных частях империи были уже «свободны» – это означало, что им позволялось поддерживать определенный престиж и несколько более свободное самоуправление. Но в том, что целая римская провинция была объявлена свободной, было нечто новое. Радость греков, вызванная этим широким жестом, была неизмеримой, поскольку весь греческий народ сентиментально купался в лучах своей прошлой славы. Но это было вовсе не сентиментальным жестом – Нерон одновременно объявил страну свободной от римской дани.

«Свобода» города ни в коей мере не несла иммунитета от налогов. Но теперь целое сообщество больших городов, которые образовывали провинцию Ахею, получило и то и другое; и это было, очевидно, невероятным практическим преимуществом, особенно потому, что большинство греков не имело свободных денег в достаточном количестве.

Речь Нерона по поводу этого дара греческому народу сохранилась на бронзовой табличке, найденной в маленьком городке Акрефии (Acraephiae) в Беотии, к северо-западу от Афин. Подобно обращению к Тиридату сразу перед отбытием из Италии, это прекрасная иллюстрация высокопарного, самодовольного стиля императора.

Она приводится в книге Диттеберга ³⁷:

«Нежданный дар, народ Греции, приношу я тебе – хотя, возможно, ничто не может считаться неожиданным от такой щедрости, как моя, – столь необозримой, что у тебя не было надежды попросить о ней. Если бы я сделал этот дар, когда Эллада была в расцвете, то, возможно, гораздо больше людей смогли бы воспользоваться моей милостью. Но не из жалости, однако, а по доброй воле я

³⁷ Sylloge Inscriptionum Graecarum.

делаю сейчас это благодеяние, и я благодарю ваших богов, чье пристальное провидение я всегда испытывал как на море, так и на суше, за то, что они предоставили мне возможность столь великой милости. Другие императоры даровали свободу городам; один Нерон даровал свободу целой провинции».

В городе, где была найдена эта табличка, и, несомненно, в каждом другом греческом городке издавались эдикты в благодарность Нерону за его щедрость. Мероприятия в честь этого события в Акрефии были предложены обладателем прославленного беотийского имени Эпаминодом, сыном Эпаминода. Он отождествляет Нерона с Новым Солнцем; император является реинкарнацией как Аполлона, так и Зевса-Освободителя. Этот полет фантазии отражен в монетах империи, изображающих IUPPITER LIBERATOR (Юпитера-Освободителя) – бога, которому, по несчастливому совпадению, Сенека и Тразея воздавали возлияния перед своей смертью. «Да здравствует покровитель Греции!» – провозглашают монеты того времени из Аполлонии на Ионическом море, и даже такой строгий аскет, как Аполлоний из Тианы, был взволнован этим событием. Стали слагаться легенды о Нероне (см. приложение 1).

Тем временем, однако, общая эйфория ни в коей мере не коснулась двух министров, которых Нерон оставил управлять Римом, – Геллия и Поликлита. Моральный дух во всех кварталах был поколеблен. Население столицы стало возмущаться, поскольку корабли, доставляющие зерно, прибывали нерегулярно. Либо они были реквизированы для войны с Иудеей, либо, возможно, некоторые изменили курс, чтобы перевезти огромную свиту Нерона в Грецию. Солдаты тоже выражали недовольство, так как из-за ограничения финансов образовалась задолженность в выплате денежного довольствия.

И от верхушки общества нельзя было ожидать большой радости или преданности после тех опустошений, которые Нерон недавно произвел в их рядах, не говоря уже о его явном настроении отдалиться от Сената, когда он уезжал из Рима. В его отсутствие Геллий продолжал преследования потенциальных непокорных. Но вскоре им овладел страх, и он неоднократно настаивал на возвращении императора. В конце концов, где-то в январе 68 года – после того, как Нерон отсутствовал в Италии гораздо дольше, чем любой другой правитель со дней удаления Тиберия на Капри, – Геллий отправился в Грецию самолично в большой поспешности и умолял Нерона вернуться. Он утверждал, что раскрыл еще один большой заговор. Так ли это было на самом деле, трудно сказать, но легко поверить, что отчеты доносчиков, достигающие его ушей, вызывали у него тревогу.

В любом случае Нерон теперь больше не откладывал и сразу же выступил в обратный путь через Адриатику – действительно так поспешно, что он отправился во время шторма, в котором чуть было не погиб его корабль. Но когда Нерон прибыл в Италию, если не считать немногочисленных смертных приговоров, все неприятные дела подобного рода были забыты. Потому что его внимание было целиком сконцентрировано на целой серии зрелищных процессий, которые были устроены, чтобы приветствовать возвращающегося героя. Теперь с волосами до плеч Нерон совершил триумфальный вход в свой любимый Неаполис на колеснице с впряженными в нее белыми лошадьми, пройдя в город через пролом в стене, по обычаю победивших на состязаниях греческих атлетов. Затем он проследовал до Анция и Альба-Лонга, известного как город – родоначальник Римской колонии, а затем и в сам Рим, где в городской стене были сделаны такие же специальные врата.

Римляне лицезрели удивительный вариант традиционной триумфальной процессии: удивительный, потому что триумф был мирным, а не военным, триумф искусства, а не войны. Облаченный в алую тогу и плащ с блестящими золотыми звездами, коронованный дикой оливой, призом за победу в Олимпийских играх, и размахивая лавровым венком, призом за подобные им Пифийские игры в Дельфах, император стоял в раззолоченной колеснице с кифаредом Диодором, одним из знаменитых исполнителей, которого он победил в состязаниях в Греции. Впереди маршировали люди, несущие 1808 венков императора и корон вместе со знаменами, которые перечисляли все его победы и подчеркивали, что он был

первым римлянином, который их завоевал. Нерон прошествовал вниз по Священной дороге и на Форум среди развевающихся лент и благоухающих облаков шафрана, в то время как толпы приветствовали его как величайшего из всех победителей с начала времен. «Да здравствует Олимпийский победитель! – скандировали они. – Да здравствует Пифийский победитель! Августейший! Августейший! Нерон – Аполлон! Нерон – Геркулес! Единственный победитель во всех состязаниях! Один и единственный Повелитель! Августейший! Августейший! Обладатель волшебного голоса! Да благословят боги тех, кому посчастливилось его услышать!» Это был момент величайшего ликования Нерона, и действительно, это было то, что превратило классический кровожадный триумф в мирное мероприятие.

Затем, подобно великим победителям в битвах прошедших дней, Нерон проследовал вверх на Капитолийский холм. Но так как это был финальный критический пункт назначения традиционной процессии, Нерон желал, чтобы кульминация была другой. На этот раз парад должен был заканчиваться вместо этого на прилегающем Палатине – именно там Август построил свой восхитительный храм Аполлону, божественному покровителю искусств. И именно Аполлону на Палатине новый Август – Нерон – посвятил все свои венки. Позднее многие из них он хранил в своей спальне, поскольку не мог вынести расставания с ними. Но другие венчали обелиск в Большом цирке, где Нерон изящно принимал приглашения соревноваться лично с ним.

Он также дал ряд других публичных представлений, даже при случае добровольно позволяя, чтобы его победили, хотя его собратья-соперники и судьи наверняка пребывали в очень щекотливом положении. В этот момент некоторые предприимчивые личности начали лелеять надежду, что они могут также подбить Нерона давать частные выступления за плату в качестве профессионального лицедея. Некий Ларций из Лидии в Малой Азии осмелился предложить ему миллион сестерциев, чтобы он сыграл на кифаре по такому случаю.

Ларцию не удалось заполучить выступление Нерона, но он все равно лишился своих денег, потому что Тигеллин забрал их в качестве платы за его жизнь.

Нерон остался в Риме на несколько недель. Затем вернулся к более благоприятной эллинистической атмосфере Неаполиса.

Глава 14. КОНЕЦ

Советники императора, уже обеспокоенные слухами о недовольствах, что доходили до них при участии собственной разведывательной службы, наверняка испытывали еще большее беспокойство от фантастических зрелищ, сопровождавших возвращение Нерона, и еще больше подстегивали его ставшую навязчивой страсть к сцене и цирку. Но они, похоже, не позволяли этому лишиться себя присутствия духа, поскольку теперь строились планы экспедиции, которая станет самым серьезным военным походом за время всего правления. Этот план предусматривал в качестве первого этапа занятие Дарьяльского (Крестового) прохода через Кавказский хребет, к северу от Тифлиса. За правление Нерона предпринимались неоднократные попытки превратить Черное море в римское озеро. С оккупацией Кавказа эта цель была бы достигнута. Базой военной операции будет Киммерийский Босфор (Крым), где за несколько лет до этого правление царя – клиента Римского государства – было заменено прямым римским правлением. А ближайшей целью было воинственное племя аланов, которое угрожало кавказскому государству – клиенту Рима, а его присутствие подвергало опасности греческие города вдоль побережья.

Но где, достигнув этих целей, правительство Нерона намеревалось установить новую границу империи, довольно нелегко представить. Весь проект, по-видимому, был связан с большим интересом правительства к исследованиям новых земель, что уже привело к не оставшимся незамеченными экспедициям к Балтийскому морю и в Центральную Африку, а затем по указанию Нерона была предпринята предварительная обзорная экспедиция на

Кавказ. Сведения об отдаленных областях южной Руси оставались все еще фрагментарными. Но, к примеру, было известно, что воды Каспийского моря на севере питает великая река Волга, и не исключено, что обдумывалось возможное продвижение в этом направлении. И наоборот, Кавказ мог бы рассматриваться в качестве плацдарма для продвижения дальше на юг и восток против Парфии, но после так тяжело доставшегося и преждевременно провозглашенного мирного урегулирования этой державы с Арменией это кажется маловероятным. Возможно, Нерон на этом этапе просто намеревался занять Кавказ, а затем посмотреть, как будут развиваться события. Не исключена также вероятность, что его министры, с их торговыми связями на Востоке, преследовали цели расширения торговли, особенно потому, что именно в это время римляне узнали через посредников о торговых операциях Китая в Гималаях.

Но личный интерес Нерона, как интерес Цезаря до него и других римских правителей после него, был, вероятно, привлечен людьми, которые льстиво сравнивали его с Александром Великим. Сенека и Лукан придерживались высокомерного отношения меньшинства, когда за несколько лет до этого считали Александра Македонского «ничтожным, несчастным, безумным, мечущимся» человеком (Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 91, 94, 119).

Для Нерона Александр Македонский был прежде всего знаменитой легендой, а легенду Нерон с его греческими вкусами, весьма вероятно, находил более притягательной, чем даже отвращение, которое он ранее питал к войнам. И доказательством того, что миф об Александре привлекал его, послужило образование нового легиона, который составляли италийцы ростом в шесть футов, потому что Нерон назвал его «фалангой Александра Великого».

Другие легионы для экспедиции можно было собрать из римских западных армий, так как теперь на границе с Парфией царил мир. И Нерон также приказал провести набор солдат в Германии, Британии и на Данувии. Эти далеко идущие приготовления были отмечены чеканкой серебряных монет, изображавших легендарного Орла и два стандарта. Композиция была традиционной, такой, какой она была на знаменитых монетах, которые все еще находились в обращении, отчеканенных сто лет назад. Первым, выпустившим такие монеты, был Антоний, от которого, как полагал Нерон, происходила его бабка по отцу. Основанием для выпуска этих первых монет послужила военная кампания в Акции (морская битва), выигранная другим предком Нерона – Августом. И Август, и Антоний стремились завоевать Восток, и Нерон намеревался превзойти их обоих, хотя маловероятно, что он сам появился бы на поле битвы, поскольку раньше он никогда этого не делал. Однако было бы довольно быть Александром по доверенности, а потом отпраздновать соответствующий триумф.

Мятеж в Галлии

Но этой задуманной экспедиции не суждено было случиться. Поскольку в день годовщины смерти своей матери – а именно примерно в середине марта 68 года – Нерон получил известие о том, что один из его провинциальных наместников поднял мятеж. Это был Гай Юлий Виндекс, наместник Галлии, скорее ее центральной части – Лугдунской, столицей которой был важный город Лугдун (Лион)³⁸, при слиянии рек Роны и Саоны. Несмотря на то что Галлия успешно процветала, к Виндексу, который сам претендовал на царское галльское происхождение, присоединились многочисленные войска, находившиеся вне метрополии, особенно из богатых центральных племен. Это было вызвано, до некоторой степени, тем фактом, что под его командованием не было легионеров. Поэтому, несмотря на отсутствие регулярных войск, он собрал силу, составляющую сто тысяч воинов. Лугдун, с

³⁸ Лугдун внес четыре миллиона сестерциев в казну Рима после Великого пожара, и эти деньги были возвращены Лугдуну после того, как он, в свою очередь, был разрушен огнем в 65 году.

его выраженными традициями лояльности императору, не встал на его сторону, зато к нему присоединилось другое поселение римских граждан, которое было соперником Лугдуна, а именно Виенна (Вьенна), расположенная ниже на Роне в примыкающей провинции Нарбонской Галлии, южной части Франции.

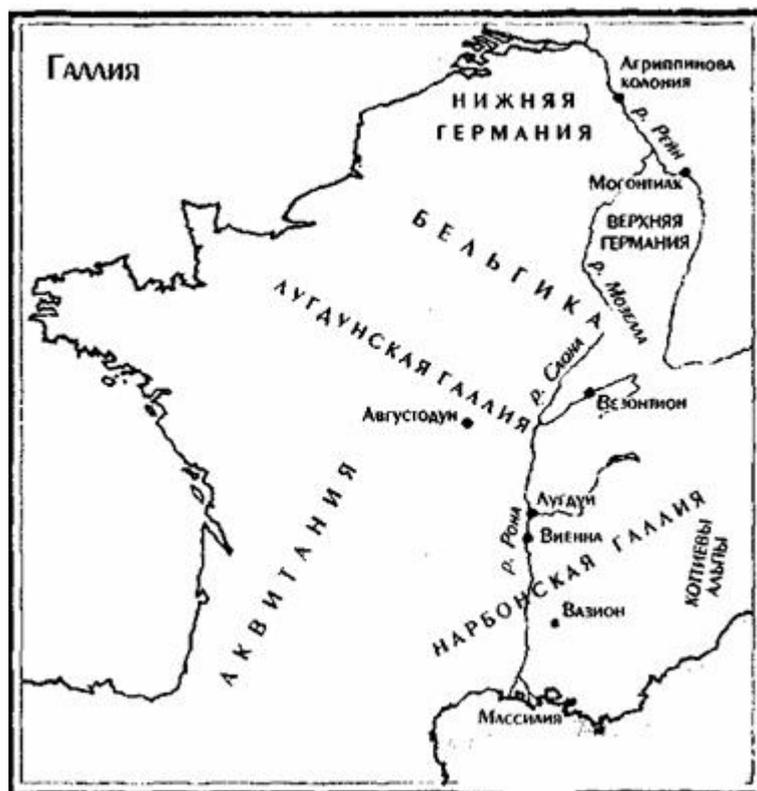
Виндекса описывают храбрым, отважным и умным человеком. Единственное, что говорит не в его пользу (если только он не забавлялся таким образом, устраивая розыгрыши), так это то, что он белил свое лицо. Толпы охотников за наследством, которые окружали знатных людей, относились к нему с особым уважением и старались служить с особым усердием. Правительство Нерона обвинило его в раздувании мятежного галльского национализма, но монеты, которые тогда отчеканил Виндекс, без упоминания своего имени, в Виенне, содержали девизы, которые отрицают любую связь с узкими интересами галлов. Основной мотив – Свобода и Мечь (именно это и означает имя Виндекс), то есть освобождение римских граждан и других подданных империи, где только возможно, от якобы деспотии и тирании правления Нерона.

Виндекс издал воззвание, где перечислялись сумасбродства императора, но главное, что он имел в виду, несомненно, была опасность, исходящая от Нерона, которая тогда угрожала каждому наместнику провинции каждый день их жизни. Однако, хотя в его официальной речи прослеживались республиканские традиции, Виндекс не предусматривал того, что Рим может обойтись вообще без императора. Восстановить республиканское правительство не представлялось возможным. Старая система исчезла более чем за три поколения до этого и теперь была невозвратимой. Его стремлением была замена Нерона каким-нибудь другим императором: неким конституционным правителем, каким был Август или сам Нерон в первые годы своего правления.

Однако сам Виндекс не стремился занять это положение. Вместо этого он предложил возглавить свое движение другой, гораздо более выдающейся фигуре. Это был Гальба, семидесятитрехлетний наместник Ближней Испании (Испания Тарраконская). Гальба был очень состоятельным и очень скупым членом одного из немногочисленных выживших семейств староримской аристократии. Когда-то ему сильно симпатизировала жена Августа Ливия. За тридцать пять лет до этого он имел должность консула, а затем, после продолжительной и неординарной карьеры, был назначен Нероном на настоящий пост в 60 году. Гальба старался держаться в тени в Испании, поскольку знал, что император способен обратить свой гнев на энергично действующих наместников. Но Гальбе все равно не удалось поддерживать хорошие отношения с личными агентами Нерона в провинции, поэтому была причина опасаться, что следующий удар будет нацелен на него. Гальба знал, что может положиться на поддержку народа в Испании, особенно потому, что погубленное Нероном семейство Сенеки Аннея наверняка оставило многих из их феодальных клиентов недовольными.

Однако Гальба был стар и слаб здоровьем, и у него был только один легион, поэтому он и мешкал.

Но дальнейшая отсрочка стала невозможной, когда наместник юго-западной Франции (Аквитании) написал ему, взывая к его помощи против Виндекса, от имени Нерона. Светоний пишет, что «его просил о помощи аквитанский легат».

Как заметил командующий легионом Гальбы, даже обсуждать подобную просьбу означало предательство по отношению к Нерону: просто нужно было решить, кого поддерживать. Итак, 2 апреля 68 года в воззвании в Карфагене (Carthage Nova) Гальба открыто выступил против императора. Но он все еще не соглашался, чтобы его провозгласили его преемником, называя себя военачальником и представителем Сената и римского народа. Он и Виндекс теперь стали фактически союзниками. Гальбу также поддерживал Отон, который занимал пост наместника Лузитании (Португалия) с тех пор, как он вынужден был поспешно покинуть Рим, оставив Поппею императору. Но Отон также мог дать только очень небольшое количество солдат. Поэтому Гальба начал набирать еще один легион из испанцев. Однако этого все еще было не вполне достаточно.

Единственная большая концентрация войск во всей западной половине империи находилась далеко за Рейном; и теперь все зависело от нее. Рейнские армии были распределены между двумя военными округами – находились в Нижней и Верхней Германии. Наместник Нижней Германии был человеком, неспособным принимать решения. Следовательно, хозяином положения стал его коллега в Верхней Германии. Занимавшим эту должность и командующим войсками, расквартированными в Могонтиаке (Майнц), был Луций Вергиний Руф, пользовавшийся глубоким уважением человек из Медиолана (Милан) и один из основных предводителей группы знати с севера Италии. И вот после некоторого перерыва Вергиний двинулся вперед. Он оставил Рейн и направился на юг, по крайней мере с тремя легионами и соответствующими вспомогательными войсками, но ни в коей мере не с теми намерениями, на которые надеялся Гальба, поскольку в этих событиях Вергиний не поддерживал Виндекса, а боролся против него.

Сведения о его действиях, дошедшие до нас, почти полностью затмили антинероновскую политику, которой такие, как он, лидеры считали удобным придерживаться при последующих правлениях. Далек от правды, например, то, что говорится в его эпитафии, где он или его наследники не упоминают о том, что Вергиний помогал Нерону, а предполагают, что в борьбе с Виндексом он патриотично подавлял угрозу галльского национализма. Плиний Младший упоминает в своих письмах надпись на могиле Вергиния Руфа: «Здесь покоится Руф, что Виндекса в битве осилил, Родине власть передал,

но не оставил себе» (Письма Плиния Младшего, VI, 10; IX, 19) ³⁹.

В действительности, однако, не только неточно дано описание целей, которые преследовал Вергиний, но и не сказано, что сам Вергиний преданно действовал в поддержку Нерона. Верно, что могли быть моменты, когда он не намеревался делать этого. Во-первых, он медлил с выступлением, хотя находился в немногочисленном переходе от Виндекса, ему потребовалось два месяца, чтобы отреагировать. И когда он наконец выступил, то связался с Виндексом и договорился о встрече с ним, на которой никто из посторонних не присутствовал. Предположительно, они обсуждали, может ли Вергиний присягнуть на верность Гальбе. Но, если так, ничего из этого не вышло, поскольку к концу мая эти две армии пришли в столкновение и вступили в бой. Битва состоялась под Везонтионом (Безансон), Виндекс был разбит и умер, вероятно покончив жизнь самоубийством. Впоследствии говорили, что обе армии настояли на сражении против воли своих командующих, «...войска Вергиния и Виндекса чуть ли не силою заставили своих полководцев – точно колесничих, которые уж не могут удержать вожжи, – решиться на битву и сошлись в жестокой сече...» (Плутарх. Гальба, 6).

Но это была попытка сделать вид, что Вергиний не принимал решения сражаться в защиту Нерона, что на самом деле было не так.

Тогда, в таком важном кризисе, очень высокопоставленный военачальник не считал достойным оставить императора, и легионеры также не покинули его. Нерона часто обвиняли в том, что он никогда не посещал свои легионы, а что касается Рейнских гарнизонов, он недавно сместил и казнил их последних двух командиров. Но, несмотря на это и на задержки в выплате денежного довольствия и несмотря на его артистические вкусы, армии на германской границе остались верными потомку Августа. Что же касается Вергиния, то либо немного позже, либо, возможно, раньше были предложения, чтобы он провозгласил себя императором. Но вместо этого он по велению долга возвратился в свои провинции, и по крайней мере не под стражей. Гальба, услышав о смерти Виндекса, послал Вергинию просьбу о сотрудничестве, а затем в отчаянии удалился в далекий испанский городок Клуния.

Реакция Нерона на критическую ситуацию

Нерон прекрасно владел ситуацией. Когда известие о мятеже Виндекса в первый раз было доставлено ему в Неаполис, он сначала не обратил на это внимания и не предпринял никаких действий – в течение восьми дней он продолжал ежедневно посещать гимнасий, хотя вызывающее особое беспокойство сообщение, которое прибыло, когда он сидел за столом на пиру, действительно сорвало с его уст раздраженную угрозу о расправе. В конце концов Нерон написал письмо Сенату, извинившись за свое отсутствие по причине болезни горла, и попросил от своего имени и от имени Рима сместить Виндекса с его поста.

Но больше всего задело императора донесение, которое пришло вскоре после этого, сообщающее о том, что Виндекс сказал о нем. Нерона не столько возмутило, что мятежник называл его прежним именем Домиций Агенобарб вместо принятого императорского звучного имени Нерон. Он и сам, по его словам, подумывал о том, не взять ли ему свое родовое имя назад. Но утверждение Виндекса, что он плохо играет на кифаре, сильно задело императора, и он обходил всех своих друзей, спрашивая, согласны ли они, что это заявление чрезвычайно возмутительно. Наконец, Нерон вернулся в Рим, но так и не появился ни перед Сенатом, ни перед народом. Когда его советники по его же немедленному требованию навестили его, он быстро свернул собрание и провел остаток дня, показывая им недавно изобретенный орган, приводимый в действие с помощью гидравлического устройства, и объясняя, что нашел способ, как сделать так, чтобы подобные органы производили более

³⁹ Цит. по кн.: Письма Плиния Младшего. Кн. 1-Х. М.: Наука, 1982.

громкие и более музыкальные звуки.

Услышав о воззвании Гальбы в Карфагене, Нерон упал в обморок. Но женщина, которая когда-то была его нянькой, утешила его, и он достаточно быстро пришел в себя, чтобы набросать несколько четверостиший, высмеивающих зачинщиков бунта. Затем Нерон отправился в театр. Какому-то актеру достались громкие аплодисменты, на что Нерон послал ему записку, уверяя, что тот нечестно воспользовался тем, что император занят другими делами.

Сенат должным образом объявил Гальбу врагом народа, а Нерон отхватил значительный кусок его собственности, на какой только мог наложить руку, пока тот колебался. Тогда в конце апреля, перед битвой под Везонтионом, император сделал вызывающий жест, приняв консульство без коллеги, как поступил Помпей в прошлом веке в другой столь же критический момент. Нерон также начал вербовку в армию, набирая новый легион из моряков в Мизенах, морской базе рядом с Неаполисом. Более того, были назначены два новых главнокомандующих в Северную Италию: Петроний Турпилиан, бывший наместник Британии, который помогал Нерону раскрыть заговор Пизона, и другой бывший консул Рубрий Галл. Чтобы обеспечить их ударной силой, Нерон собрал войско в три легиона, частично из области Данувия, а частично из Британии, которые предназначались для экспедиции на Кавказ, и новая фаланга Александра Великого, сформированная для тех же целей, была отправлена в Галлию, чтобы усилить верноподданный Лугдун. В Африку, где его военачальник в Нумидии (Восточный Алжир) начинал действовать в одиночку и по-пиратски, он отправил Кальвию Криспиниллу, женщину, которая присматривала за Спором – если только, что тоже возможно, она не сбежала туда по собственной воле немного позднее. «...Криспинилла... отправилась в Африку с целью убедить Клодия Макра взяться за оружие...» (Тацит. История, 1, 73).

Император также пытался собрать денег. Но ни одна из этих мер не была слишком эффективной, поскольку его собственная позиция была неуверенной.

«...уходя однажды с пира, поддерживаемый друзьями, он заявил, что, как только они будут в Галлии, он выйдет навстречу войскам безоружный и одними своими слезами склонит мятежников к раскаянию, а на следующий день, радуясь среди общего веселья, сплет победную песнь, которую должен сочинить заранее»

(Светоний. Нерон, 43).

А затем Нерон объявил, что будет проводить игры в честь победы, на которых сам будет играть на свирели и флейте, а также на своем новом водяном органе. Кроме того, даже если он и потеряет свой трон, говорил он, то сможет зарабатывать себе на жизнь своим искусством.

Конец

На каком-то этапе в этот период два командира преторианцев, Тигеллин и Нимфидий Сабин, решили, что не стоит больше предпринимать попыток помочь Нерону. Даже известие о победе под Везонтионом, которое наверняка достигло Рима через несколько дней, очевидно, не заставило их изменить свое решение, поскольку дело уже зашло слишком далеко.

Точная роль, которую играл Тигеллин, не ясна. Возможно, он намеренно оставил Нерона ⁴⁰, а может быть, нет. Он страдал от неизлечимой болезни (по утверждению Плутарха, «Тигеллин... был наказан... неисцелимыми телесными недугами») ⁴¹, и не исключена возможность, что он вообще уехал из Рима. Во всяком случае, он не предпринял никаких действий от имени императора. Инициатива, значит, по утверждению того же Плутарха, лежала на его коллеге Нимфидий (см.: Плутарх. Гальба, 2).

Нимфидий, очевидно, пришел к заключению, что Нерон настолько потерял связь с реальностью, что военная присяга в верности больше не имеет силы. Сподвижники императора разбежались на все четыре стороны. Представителей аристократического класса, совершенно нелояльных из-за казней в их рядах, тайно навестил человек, являющийся доверенным лицом Гальбы, – его вольноотпущенник Икел Марциан. Солдаты германского гарнизона оставались верными императору, но из-за такой задолженности в выплате денежного довольствия разве можно было полагаться на легионеров? Что же касается римского народа, Нерон считал, что все еще пользуется народной любовью, и черновик обращения к римскому народу позднее был найден среди его документов. Но население Рима переживало нехватку зерна, а прибывающие корабли везли песок для какого-то придворного представления борцов! Массовое появление оскорбительных надписей показывало, что репутация императора в столице переживает не лучшие времена. Однако Нерона погубили не эти слои населения. Что же касается Сената, армии и народа, Нерон еще смог бы спасти положение, если бы только предпринял энергичные действия. Его большим просчетом было сохранение личного доверия к командирам преторианцев и особенно к Нимфидию, что оказалось фатальным.

Сообщение о победе под Везонтионом было более чем уравновешено плохими известиями, которые резко усилили природную склонность Нерона к панике. Ведь 8 июня прибыл доклад, что «взбунтовались и остальные войска» (Светоний. Нерон, 47).

Вероятно, Рубрий Галл – один из двух военачальников, которые были посланы командовать армией в Северной Италии, – теперь решил оставить Гальбу, таким образом лишив возможности действовать своего коллегу Турпилиана, который, очевидно, сохранил лояльность императору, но не мог ничего сделать.

Именно в этот момент Нерон решил уехать. Как долго эта мысль зрела в его мозгу, мы не можем сказать. Но теперь, во всяком случае, он задумал уехать немедленно, не теряя ни одного дня. Целью его был Египет, единственная большая провинция, которой, по обычаю, управлял собственный агент императора, не являющийся членом Сената (в то время отступник-иудей Тиберий Юлий Александер был на этом посту). Нерон, который и так

⁴⁰ Это мнение Иосифа Флавия.

⁴¹ Плутарх. Отон, 2. Цит. по кн.: Сравнительные жизнеописания.

планировал посетить эту страну во время своей предыдущей поездки за пределы империи, считал, что она ему верна.

Итак, Нерон отдал приказ своим наиболее заслуживающим доверия министрам спешить в Остию и готовиться к отплытию, а сам намеревался немедленно присоединиться к ним.

Он покинул Золотой дворец в тот же день и преодолел небольшое расстояние до своей усадьбы в Сервилиевых садах, по пути к римским Остийским воротам. Там он отдохнул. Но после короткого сна, проснувшись, обнаружил, что отряда телохранителей-преторианцев, которые стояли на посту снаружи, там больше не было. Несмотря на то что сам Нимфидий посоветовал ему остановиться в Сервилиевых садах, как только Нерон покинул Золотой дворец, командир отряда поспешил в лагерь преторианцев и сказал охранникам, что император уже сбежал в Египет. Тогда Нимфидий, в сопровождении группы сенаторов, предложил преторианцам награду в размере 30 тысяч сестерциев каждому и вынудил их провозгласить императором Гальбу.

Нерон оказался в отчаянном положении, оставшись без преторианских телохранителей и их командиров.

То, что последовало за этим, непременно должно быть поведано словами Светония, хотя его повествование отличается от отчета Диона Кассия и оставляет много вопросов без ответов. В частности, последовательность событий, как она описывается здесь, предполагает, что среди людей, сопровождавших Нерона в последние часы его жизни, наверняка были предатели, хотя Светоний, давая такие подробности, ничего не говорит об этом. Тем не менее это описание является его шедевром.

«...Но среди ночи, проснувшись, он ⁴² увидел, что телохранители покинули его. Вскочив с постели, он послал за друзьями и, ни от кого не получив ответа, сам пошел к их покоям. Все двери были заперты, никто не отвечал; он вернулся в спальню – оттуда уже разбежались и слуги, унеся даже простыни, похитив и ларчик с ядом. Он бросился искать гладиатора Спикула или любого другого опытного убийцу, чтобы от его руки принять смерть, – но никого не нашел. «Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?» – воскликнул он и выбежал прочь, словно желая броситься в Тибр.

Но первый порыв прошел, и он пожелал найти какое-нибудь укромное место, чтобы собраться с мыслями. Вольноотпущенник Фаон предложил ему свою усадьбу между Соляной и Номентанской дорогами, на четвертой миле от Рима. Нерон, как был, босой, в одной тунике, накинув темный плащ, закутав голову и прикрыв лицо платком, вскочил на коня; с ним было лишь четверо спутников, среди них – Спор.

С первых же шагов удар землетрясения и вспышка молнии бросили его в дрожь. Из ближнего лагеря до него долетели крики солдат, желавших гибели ему, а Гальбе – удачи. Он слышал, как один из встречных прохожих сказал кому-то: «Они гонятся за Нероном»; другой спросил: «А что в Риме слышно о Нероне?» Конь шарахнулся от запаха трупа на дороге, лицо Нерона раскрылось, какой-то отставной преторианец узнал его и отдал ему честь.

Доскакав до поворота, они отпустили коней, и сквозь кусты и терновник, по тропинке, проложенной через тростник, подстилая под ноги одежду, Нерон с трудом выбрался к задней стене виллы. Тот же Фаон посоветовал ему до поры укрыться в яме, откуда брали песок, но он отказался идти живым под землю. Ожидая, пока пророют тайный ход на виллу, он ладонью зачерпнул напиться воды из какой-то лужи и произнес: «Вот напиток Нерона!»

Плащ его был изорван о терновник, он обобрал с него торчавшие колючки, а потом на четвереньках через узкий выкопанный проход добрался до первой каморки и там бросился на постель, на тощую подстилку, прикрытую старым плащом. Ему захотелось есть и снова пить: предложенный ему грубый хлеб он отверг, но тепловатой воды немного выпил.

Все со всех сторон умоляли его скорее уйти от грозящего позора. Он велел снять с себя

мерку и по ней вырыть у него на глазах могилу, собрать куски мрамора, какие найдутся, принести воды и дров, чтобы управиться с трупом. При каждом приказании он всхлипывал и все время повторял: «Какой великий артист погибает!»

Пока он медлил, Фаону скороход принес письмо; выхватив письмо, он прочитал, что Сенат ⁴³

объявил его врагом и разыскивает, чтобы казнить по обычаю предков. Он спросил, что это за казнь; ему сказали, что преступника раздевают донага, голову зажимают колодкой, а по туловищу секут розгами до смерти. В ужасе он схватил два кинжала, взятые с собою, попробовал острие каждого, потом опять спрятал, оправдываясь, что роковой час еще не наступил.

То он уговаривал Спора начинать крик и плач, то просил, чтобы кто-нибудь примером помог ему встретить смерть, то бранил себя за нерешительность такими словами: «Живу я гнусно, позорно – не к лицу Нерону, не к лицу – нужно быть разумным в такое время – ну же, мужайся!» Уже приближались всадники, которым было поручено захватить его живым. Заслышав их, он в трепете выговорил: «Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поразил» – и с помощью своего советника по прошениям, Эпафродиата, вонзил себе в горло меч.

Он еще дышал, когда ворвался центурион и, зажав плащом его рану, сделал вид, будто хочет ему помочь. Он только и мог ответить: «Поздно!» – и: «Вот она, верность!» – и с этими словами испустил дух» (Светоний. Нерон, 47-49).

Его бывшей любовнице Акте и двум его кормилицам было позволено устроить ему дорогие похороны ⁴⁴.

Затем его прах в урне из красного мрамора был отнесен в усыпальницу Домициев, что на Садовом холме со стороны Марсова поля под одним из Пинцианских холмов.

К концу 69 года Гальба, Отон и Вителлий – все побывали на троне и уже были мертвы. Спора взял сначала Нимфидий, а затем Отон. Спор покончил жизнь самоубийством, когда Вителлий принудил его играть на сцене роль насилуемой девушки. Нимфидий взбунтовался против Гальбы, но был убит своими собственными преторианцами. Гальба велел провести по улицам Геллия, Патробия и Локусту и казнить. Как сторонники, так и противники Нерона жаждали крови Тигеллина, который покончил с собой по приказанию Отона. «Окруженный наложницами, среди бесстыдных ласк, он долго старался оттянуть конец, пока не перерезал себе бритвой глотку, завершив и без того подлую жизнь запоздалой и отвратительной смертью» (Тацит. История, 1, 72). Отон отказался казнить Кальвию Криспиниллу, которая осталась в живых и умерла в исключительном богатстве. Он подумывал о свадьбе со Статиллой Мессалиной, которая сохранила великолепное положение при Веспасиане и его сыновьях.

Приложение 1. ЛЕГЕНДА О НЕРОНЕ

Светоний говорит, что, когда Нерон умер, люди радовались, а Тацит считает, что они горевали. По словам следующего императора, Гальбы, «дурные люди будут всегда горевать о Нероне» (Тацит. История, 1, 16).

Отон, убивший Гальбу в январе 60 года, правил до собственной смерти, которая произошла три месяца спустя. Он был одним из тех, кто предал Нерона, но когда сам стал императором, выказывал разнообразные почести своему бывшему другу, так же как и

⁴³ Тацит утверждает, что подобный приговор императору был беспрецедентным.

⁴⁴ Нерон недавно сместил сына одной из своих кормилиц Цецину Туска с поста губернатора Египта за то, что тот воспользовался ванной, приготовленной специально для предстоящего визита Нерона.

Поппее, которую они оба любили. «Во всяком случае, изображения и статуи Нерона он разрешил восстановить, его прокураторам и вольноотпущенникам вернул их прежние должности и первым же своим императорским указом отпустил пятьдесят миллионов сестерциев на достройку Золотого дворца» (Светоний. Отон, 7). Затем Вителлий, который занял трон впоследствии до декабря того же года, платил ту же дань своей дружбе с Нероном, при всех попросив кифареда «исполнить что-нибудь из хозяина» (Светоний. Вителлий, 11).

К тому же память о Нероне продолжали заботливо хранить на Востоке. С одной стороны, благодарные парфяне и их друзья помнили его за разрешение восточной проблемы, поскольку это было им на пользу; к тому же помнили его за ту пышность, с которой замирение было отпраздновано во время визита Тиридата в Рим. После его смерти, в связи с этим, царь Вологез или Парфия затребовали у Сената почитания его памяти. Более того, Нерон стал одним из избранных правителей, в число которых входили король Артур, Фредерик Барбаросса, Фредерик II и Гитлер – люди, которые подверглись внезапной или загадочной смерти, реальности которой остальные отказывались поверить, слагая вокруг их памяти саги «о возвращении».

Почти немедленно после того, как Нерон умер, к восхищению жителей Греции и Малой Азии, возник псевдо-Нерон. Будучи либо рабом с Понта, либо итальянским вольноотпущенником, он был совершенным кифаредом, который очень походил на покойного императора. Приблизительно ко времени восшествия на престол Отона он объявил, что он действительно Нерон, и вокруг него собралась толпа сторонников. Однако вскоре он был вынужден уехать на эгейский остров Кифн и там был убит. Затем в 79 году некий Теренций Максим появился в своей родной стране в Малой Азии и, в свою очередь, объявил себя Нероном, который в течение одиннадцати лет где-то скрывался. Его с радостью встретили многие легковверные люди и помогли ему встретиться с парфянским царем Артабаном, который затаил зло на Тита, в то время римского императора, и серьезно подумывал о «реставрации» Нерона на троне Рима. В конце концов, однако, Теренций был признан мошенником и передан римлянам, которые, вероятно, предали его смерти, но прежде он побудил еврейских провидцев пророчествовать о царе, который вернется с запада через Евфрат с десятками тысяч воинов. Не исключено, что в 88 году был и третий псевдо-Нерон, который также сбежал в гостеприимную Парфию.

Греческий оратор и философ Дион Хризостом (Златоуст) из Прусы, который в то время путешествовал по Востоку, счел возможным сообщить в начале следующего века, что не было никакой уверенности в самоубийстве Нерона и что очень многие полагали, что он до сих пор жив.

Он говорил как грек, поскольку память о Нероне почиталась греками из-за того, что Нерон дал их родине свободу. Верно, этот дар был очень быстро аннулирован после смерти Нерона из-за беспорядков при Веспасиане. И все-таки, когда Плутарх, сам будучи греком, позднее описывал душу Нерона, ожидающую муки и реинкарнации, он описал голос, исходящий из яркого света и возвещающий, что боги должны воздать ему, потому что он освободил народ, любимый богами, как ни один другой, среди всех подданных империи.

За этот жест Нерона также восхвалял путешественник Павсаний, а позже другой греческий ученый, Флавий Филострат, которому также было что сказать о проекте Коринфского канала.

Тем не менее, если Нерона помнили святым, то он запомнился и дьяволом. Когда неизвестный автор книги Откровений Иоанна Богослова в конце I века н. э. говорит о звере, чье число есть 666 («Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть»⁴⁵), он, вероятно, говорит о Нероне, поскольку еврейские числа, составляющие эту цифру, те же, что буквы, составляющие имя Нерона. Это был зверь,

⁴⁵ Откровения, книга XIII, стих 18.

«у которого смертельная рана исцелела»⁴⁶, «который имеет рану от меча и жив»⁴⁷.

Общее поверье, что Нерон однажды явится, побуждало христиан думать об этом ожидаемом событии как о появлении зловещего двойника, Второго пришествия Мессии, и верить, что сам Нерон был противником Христа, отстаивавшим безнравственные земные радости вместо благ жизни, полной самоотречения. И так, в то время, как языческие памятные талисманы и геммы чествовали его как возничего колесницы и атлета, христианские летописцы III и IV веков объявляли его антихристом, и, по словам святого Августина, многие полагали, что Нерон восстанет вновь как антихрист. Другие думали, что он не умер, а скрывается, что только предполагается, что он убит, и некоторые считали, что он все еще живет в качестве легендарной фигуры, пребывая в том же возрасте, в каком умер, и что он вернется в свое царство.

Папа Пасхалий II (1099-1118) имел обыкновение прислушиваться к воронам, каркающим на ореховом дереве рядом с усыпальницей Домициев, и он воображал их демонами, служащими Нерону. Поэтому он срыл могилу и воздвиг на этом месте церковь, которая стала современной церковью Санта Мария дель Пополо. Вороны улетели, но в Средние века люди считали, что они все еще служат не обретшей покоя душе императора, потому что она обречена на вечные странствия, пока не придет время вернуться ей на землю, когда сам Христос вернется к нам снова, а Нерон – антихрист – будет похоронен в бездонной яме. И даже в 1900 году легенды о дьявольском зле Нерона все еще ходили в пограничной полосе за Анконой.

Во время Ренессанса Нерона вспомнили по другой причине – из-за того, что выразительность, с которой древние художники изображали его, привлекала скульпторов того времени. А затем эти черты неизбежно привлекали художников барокко, поскольку никто не соответствовал так стилю барокко, как Нерон. Но в результате лишь незначительная часть всех его бюстов, которые мы можем видеть сегодня, относится к его времени.

Что же касается этих скульптурных изображений, а также литературных записей, в следующем приложении будет дано обсуждение больших трудностей в попытке вернуться к отчетам современников и узнать, что же происходило в действительности.

Приложение 2. ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Вместо изобилия материала, который ожидает биографов современных выдающихся личностей, свидетельства о людях, которые жили почти две тысячи лет назад, зачастую на самом деле очень незначительны, а иногда, помимо всего прочего, и очень противоречивы. Древние летописцы часто опускают «исторический фон», потому что, хотя нам теперь он нужен, их современникам этого не требовалось.

Кроме того, в Римской империи, как сегодня в самодержавных государствах, существовала дополнительная трудность, состоявшая в том, что правительство часто не хотело, чтобы народ был в курсе происходящего. Это вполне ясно было объяснено в начале III века н. э. историком Лионом Кассием, греком из Никеи в Малой Азии, который к тому же был римским сенатором и знал ситуацию слишком хорошо.

Он говорил, что начиная со времени правления Августа большая часть имевших место событий стала тайной и хранится в секрете. Даже когда делаются официальные заявления, им нельзя верить, потому что их нельзя подтвердить фактами, поскольку существует подозрение, что все сказанное и сделанное относится к политике правителей и их приближенных. В результате многочисленные слухи о том, чего вообще никогда не было, а

⁴⁶ Откровения, книга XIII, стих 12.

⁴⁷ Откровения, книга XIII, стих 14.

многое из того, что, по словам Диона Кассия, происходило на самом деле, остается совсем неизвестным.

Что же касается слухов, то они были темой некоторых стихотворений друга Нерона Петрония:

...Ибо скорей человек удержит огонь за зубами,
Нежели тайну в душе. Что доверишь лукавому слуху,
Вмиг излетает на свет, наполняя сплетнями город.
Больше того: из предательских уст разносясь по народу,
Все нарастает молва и все суровее судит.
Как когда-то слуга, горя желанием выдать
Тайну царевых ушей, шепнул ее в малую ямку,
И услышала земля, и над нею тростник говорливый
Всем разгласил донос о царе фригийском Мидасе.

(Петроний. Фрагменты, 28)

Тацит заостряет внимание на другой проблеме. Каждый историк, по его словам, по каким-то своим личным причинам либо грубо льстил императору (при его жизни), либо презирал его и писал о нем мстительно (после его смерти).

«Правду стали всячески исказить – сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом – из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним. До мнения потомства не стало дела ни хулителям, ни льстецам. Но если лесть, которой историк пользуется, чтобы преуспеть, противна каждому, то к наветам и клевете все охотно прислушивается; это и понятно: лесть несет на себе отвратительный отпечаток рабства, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде» (Тацит. История, 1, 1).

Еще один выдающийся историк, Иосиф Флавий, иудей, который писал о Риме по-гречески, категорически утверждает, что Нерон заслужил к себе отношение как благосклонное, так и в равной степени неблагосклонное.

Но если так, что, очевидно, так и было, то мы введены в заблуждение, потому что столь большая часть литературных свидетельств, которые дошли до нас, в основном неблагоприятного сорта. Должны же быть к тому же и пронероновские версии. Нерон был, вероятно, во многих отношениях отвратительным человеком. Но абсолютно понятно из разрозненной информации, которая проступает сквозь всю эту грязь, что он и его правительство, к его чести, имело основательные и действительно иногда выдающиеся достижения.

Его собственное представление этих достижений можно увидеть на римских монетах. Здесь, конечно, полное противоречие между всеми обидными литературными сведениями и большим количеством лозунгов для поддержания общественного мнения, которые он сам или его чиновники выбирали для его монет. Естественно, верить всем лозунгам можно не больше, чем верить любой пропаганде любого правительства, даже гораздо менее аристократично управляемого, нежели римское. С другой стороны, действительно хорошая пропаганда – и проницательные попытки твердолобых римлян, конечно, заслуживают быть отнесенными к этой категории – обычно не может расцениваться как абсолютная ложь. Верно, что абсолютная ложь вполне вероятна в очень жестко контролируемых современных государствах, но в Древнем Риме, который не нуждался в необходимости тоталитарного аппарата, правители никогда бы не смогли выйти сухими из воды. Поэтому композиции и надписи на монетах следует изучать с осторожностью, не обязательно как правдивый отчет о событиях, но как свидетельство того, во что власти имели надежду заставить народ поверить. Во всяком случае, довольно часто они дают нам полезные сведения в противовес тому, что

говорят летописцы с другой стороны.

Древних авторов, которые оставили нам хоть какое-то значительное повествование о жизни и правлении Нерона, всего трое; и один из них, Дион Кассий, считается менее «важным», нежели другие, потому что во всем, что касается этого периода, он лишь представлен сегодня «жареной» версией, берущей начало из Средних веков. Из оставшихся двоих Светоний, который из излишней скромности не считал себя историком, а называл биографом, воспроизводит древнее представление, что это была скорее скромная деятельность, нежели история. Его версия биографии Нерона в действительности полна очаровательной исторической информации, но она собрана беспорядочно, некритично, а иногда из противоречивых источников, включая и скандального характера.

Единственное полное описание правления Нерона, которое дошло до нас, исходит из «Анналов» Тацита, или, скорее, у нас имеется двенадцать из четырнадцати лет. В отличие от других упомянутых выше авторов Тацит был историком необыкновенного таланта. Действительно, он обладал величайшим историческим умом, который когда-либо обращался к Риму. Но именно по этой причине он не мог не оставить своего отпечатка на событиях, отпечатка своего исключительного римского консерватизма, а если, как некоторые полагают, он не закончил свои «Анналы» до вступления на престол Адриана (117–138), то и отпечатка раннего кризиса этого правления. Я недавно высказался о результатах этого процесса в своей книге «Древние историки». Но также мы имеем случай проследить за его методами в процессе настоящего исследования жизни Нерона. Общая картина этого императора, которая возникает с изумительных страниц Тацита, достаточно правдоподобна, насколько это возможно, действительно почти навязчива в своей достоверности. Но она зачастую одностороння, а иногда и противоречива к тому же. Его повествование также приукрашено, согласно древней традиции, драматическими диалогами, речами и ситуациями, многие из которых он явно придумал сам или же блистательно выстроил из материала, слишком неадекватного, чтобы быть воспринятым как обоснованная фактами истина.

Но есть и гораздо более серьезная проблема, с которой мы сталкиваемся, и о ней следует упомянуть. Она состоит в том, что долгий период прошел между смертью Нерона и временем, когда эти сохранившиеся до нашего времени исторические свидетельства были написаны. Тацит сочинил свои «Анналы» пятьдесят лет спустя после смерти Нерона, «Жизнь двенадцати цезарей» Светония была написана еще немного позже, а когда прошло еще сто лет, написал свой труд Дион Кассий. Чрезвычайно трудно понять, что же в действительности представлял собой Нерон, когда полагаешься на столь поздние источники. И все труды обсуждаемых писателей в разной степени, но были окрашены теми событиями, что происходили при их жизни. Один из примеров того, как могло это повлиять на Тацита, был уже упомянут, но многие подобные факторы, совершенно неоспоримого характера, можно перечислить во всех трех случаях. Конечно, они пользовались доступными современными им источниками. Но каждый древний историк и биограф лишь цитировал их самым что ни на есть случайным и неупорядоченным образом. И в любом случае каждый из этих оригинальных авторитетных источников в свою очередь имел собственную точку зрения и склонности, которые сегодня иногда могут угадываться, а иногда и нет. Одним из этих авторитетных источников являлся Плиний Старший, которому было тридцать лет, когда Нерон вззошел на трон. Мы располагаем его пространной «Естественной историей», кладезем информации, но тридцатитомная история, которую он написал о своем времени, не сохранилась. Хотя «Естественная история» была опубликована лишь после его смерти, в 79 году, период времени, о котором в ней сообщается, затрагивает 41-71 годы, и в любом случае включает весь период правления Нерона. Есть также некий состоятельный Клувий Руф, который был глашатаем Нерона во время вторых Нероний и написал историю, которая была сконцентрирована на его правлении, о чем упоминает Тацит в своих «Анналах» (см.: Тацит. Анналы, XIII, 20, 3; XIV, 2, 1). Должно быть, это была деликатная задача, поскольку Клувий был великим ренегатом, выразившим свою преданность каждому из правителей по очереди в год правления четырех императоров (69 г.). Еще одна «История» была написана Фабием

Рустиком, испанцем, который, вероятно, мог обедать со своим соотечественником Сенекой в тот самый вечер, когда от Нерона пришел офицер с повелением о смерти (см.: Тацит. *Анналы*, XV, 61).

Современная наука предпринимает значительные шаги к определению, какие из сведений этих людей были воспроизведены в различных отрывках из Тацита, Светония и Диона Кассия. Но ни один из их трудов не дошел до нас полностью.

И мемуаров и донесений великого полководца Корбулона, так хорошо известных в древние времена, точно так же больше не существует. Как и автобиографии Агриппины.

Очевидно, это были довольно занимательные записи, принимая во внимание то, что Агриппина указывает, что совсем не против, чтобы старые скандалы выплыли наружу.

Все эти потери означают, что нам следует компенсировать их всеми возможными средствами. Мы можем выбрать много бесценного материала, гораздо больше, чем это обычно осознается, из исследования сохранившихся до нас произведений того времени, которые вовсе не претендуют на то, чтобы быть историей Рима, а именно из «Естественной истории» Плиния, о которой только что упоминалось, и сохранившихся произведений Сенеки и Петрония. Я попытался в этой книге извлечь пользу из этих работ.

Также следует уделить особое внимание археологическим источникам. Кроме официальных монет Рима и Востока, которые я имел возможность неоднократно описывать, огромное количество монет сохранилось в восточных провинциях, в основном с надписями на греческом. Некоторые из них были отчеканены губернатором Египта, но огромное большинство было отчеканено в больших городах, в Малой Азии и повсюду. Они представляют собой особую ценность, потому что заключают в себе менее осторожный взгляд, чем отчеканенные в Риме. Например, они обожают императора более свободно и, в отличие от монет метрополии, иногда дают изображения его сменявших друг друга жен. До начала правления также оценка, касающаяся шансов Нерона и Британика на престол, является ценным свидетельством общественного мнения. Более того, как и во времена предыдущих правлений, в Азии продолжали демонстрировать Нерону то же внимание, какое все еще уделялось памяти Августа. Но начиная с 1917-1920 годов не было предпринято никаких попыток совместными усилиями изучить монеты, ходившие по всей империи при правлении этого императора.

Что касается эпиграфики, то тут дело обстоит лучше – и хотя время правления Нерона в этом отношении ни в коей мере нельзя считать богатым периодом, некоторые сохранившиеся надписи бесценны. К примеру, записи Арвальского братства о жертвах демонстрируют проникательную осведомленность в текущих политических событиях.

И наконец, искусство и архитектура того периода являются чрезвычайно важными историческими источниками – особенно потому, что искусство в жизни Нерона было одним из самых сильных пристрастий. Золотой дворец в Риме и фрески Помпеи и Геркуланума являются замечательными свидетельствами вкуса Нерона, и возможно, в конечном итоге, это лучшее руководство, которым мы располагаем, к тому, что сам Нерон чувствовал и думал.

Приложение 3. МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

К сожалению, почти невозможно дать какой-нибудь достоверный современный эквивалент римскому сестерцию. В стоимостном отношении предполагалось, что в тот период он равнялся шестипенсовику, или 2-5 новых пенсам (6 центов), что, возможно, не слишком далеко от истины.

В письменных источниках XIX века, однако, я предпочитал (в качестве наигрубейшего приближенного значения) брать удвоенную эту сумму, хотя мне кажется, что иметь в своем распоряжении один ас (одну четвертую часть сестерция), по-видимому, все равно что иметь двухшиллингую монету (десять новых пенсов: двадцать четыре цента).

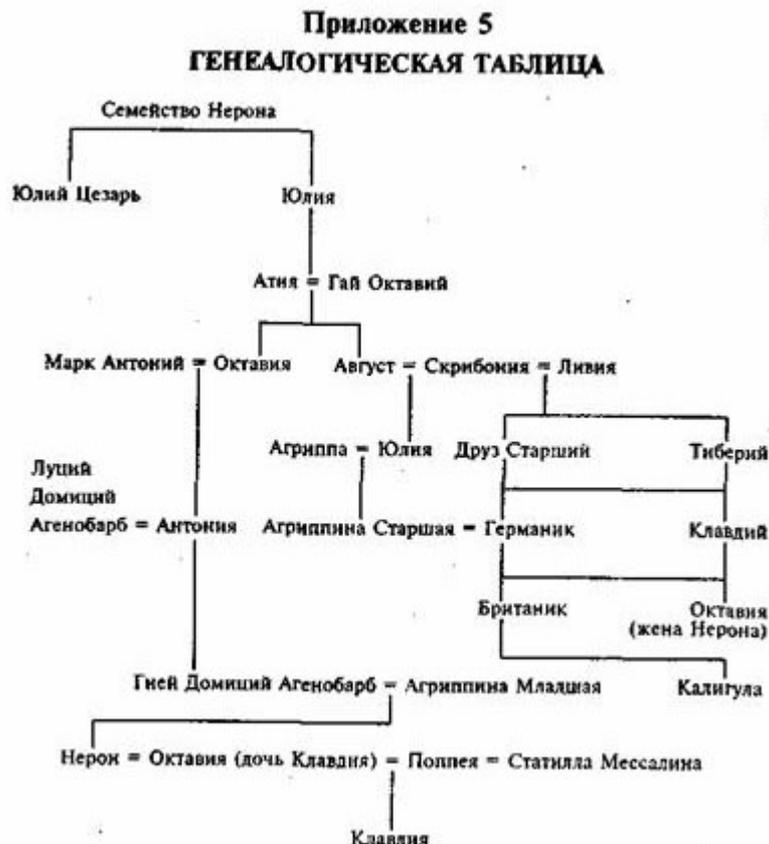
Общее движение цен в ту эпоху невозможно реконструировать.

Приложение 4. СПИСОК РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

До н. э.
31 – 14 Август

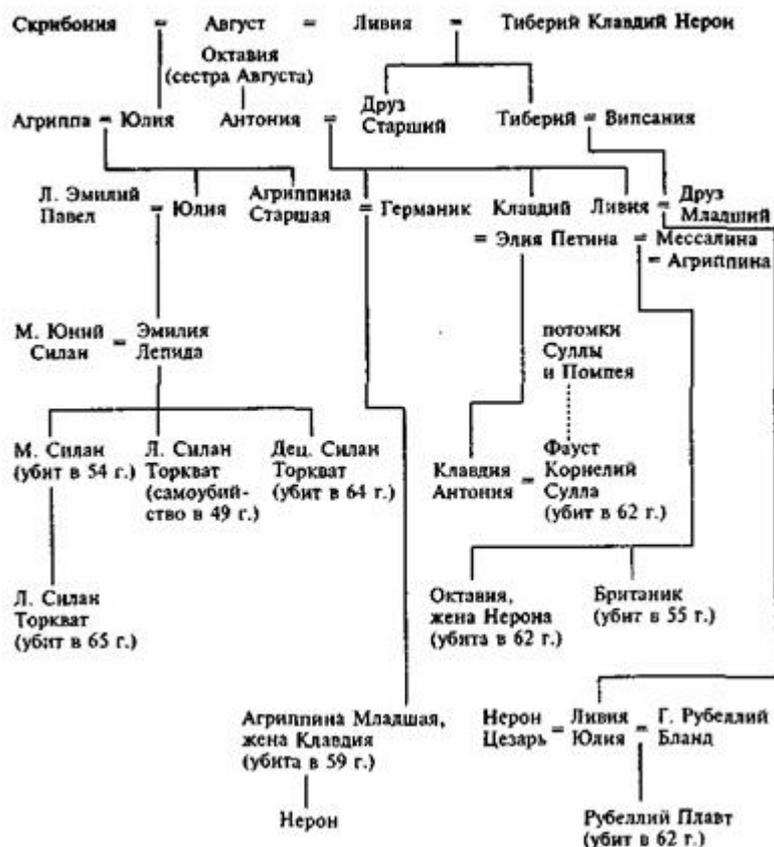
Н. э.
14-37 Тиберий
37-41 Калигула (Гай)
41-54 Клавдий
54-68 Нерон
68-69, Гальба
69, Отон
69 Вителлий
69-79 Веспасиан
79-81 Тит
81-96 Домициан
96-98 Нерва
98-117 Траян
117-138 Адриан

Приложение 5. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Приложение 6. ЖЕРТВЫ ПРАВЛЕНИЯ НЕРОНА

Приложение 6 ЖЕРТВЫ ПРАВЛЕНИЯ НЕРОНА

Приложение 7. ТАБЛИЦА ДАТ

- 37 год (15 декабря) – рождение Нерона (Луция Домиция Агенобарба).
- 39 год – ссылка матери Нерона Агриппины. Нерон взят в дом своей тетки Домиции Лепиды.
- 40 год – смерть отца Нерона Гнея Домиция Агенобарба.
- 41 год – Клавдий сменяет Калигулу. Агриппина отозвана из изгнания.
- 48 год – смерть жены Клавдия Мессалины.
- 49 год – Клавдий женится на Агриппине. Сенека становится учителем Нерона. Помолвка Нерона с дочерью Клавдия Октавией.
- 50 год – Клавдий усыновляет Нерона.
- 51 год – Нерон надевает *toga virilis* своего совершеннолетия.
- 53 год – Нерон женится на Октавии. Его первые публичные речи.
- 54 год (12 октября) – Нерон сменяет на троне Клавдия.
- 55 год – смерть сына Клавдия Британика. Агриппина отстраняется от власти. Корбулон принимает командование на Востоке.
- 59 год – смерть Агриппины. Юношеские игры.
- 60 год – бунт в Британии. Неронии.
- 62 год – смерть Бурра, командира преторианской стражи. Тигеллин и Фений Руф занимают его должность. Октавия разведена и убита. Нерон женится на Поппее. Пет сдается

парфиянам в Рандее.

63 год – рождение и смерть дочери Нерона Клавдии.

64 год – Великий пожар Рима. Преследование христиан. Начинаются работы по строительству Золотого дворца.

65 год – заговор Пизона. Смерти Сенеки и Лукана. Нимфидий Сабин становится вместе с Тигеллином командиром преторианской стражи. Смерть Поппеи.

66 год – смерти Петрония, Тразеи Пета и Барей Сорана.

Нерон женится на Статилле Мессалине. Начало Иудейской войны. Визит армянского царя Тиридата в Рим. Заговор Винициана. Нерон уезжает в Грецию.

67 год – смерть Корбулона. Нерон объявляет независимость Греции.

68 год – Гальба объявляет себя представителем Сената и римского народа в Испании.

Вергиний Руф побеждает Виндекса при Везонтионе. Смерть Виндекса.

(9 июня) – смерть Нерона.